

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МУСТАПАЕВА Аминат Дукваховна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА И СЕМИОТИКА
ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕНИЙ В РУССКОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНЦЕВ-
БИЛИНГВОВ**

10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Грязнова В. М.

Ставрополь – 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы исследования	13
1.1 Теория речевой деятельности.....	13
1.1.1 Межличностная и межкультурная коммуникация.....	19
1.1.2 Интернет-коммуникация как новая речевая формация.....	26
1.2 Лингвокультурология как область научного знания.....	35
Выводы	40
Глава 2 Лингвокультурологическая и семиотическая специфика репрезентации гендера в русской речи чеченцев-билингвов	44
2.1 Общерусская и этническая репрезентация знаков «маскулинность» и «феминность» в русскоязычной интернет-опосредованной коммуникации в рамках форумов чеченцев-билингвов	44
2.1.1 Вербальные и невербальные средства выражения маскулинности.....	48
2.1.2 Вербальные и невербальные средства выражения феминности.....	74
2.2 Графический аспект креолизации.....	97
2.3 Целостность и связность креолизованного текста в интернет-сообщении..	104
Выводы	117
Глава 3 Особенности русской речи в интернет-опосредованной коммуникации в формате русскоязычных форумов чеченцев-билингвов в условиях двуязычия и межкультурной коммуникации	122
3.1 Социокультурологические аспекты феномена «билингвизм».....	122
3.1.1 Специфика языковой ситуации с преобладанием идиома «русский язык» в Чеченской Республике.....	128

3.2 Характерные черты явления речевой интерференции в интернет-опосредованной коммуникации на русском языке в формате форумов чеченцев-билингвов.....	132
3.2.1 Лингвокультурологический аспект речевой интерференции в высказывании.....	137
3.2.2 Лингвокультурологический аспект речевой интерференции в графическом слове.....	147
3.3 Специфика вербальных маркеров общенационального процесса демократизации русской речи в формате форумов чеченцев-билингвов.....	154
3.3.1 Сленгированность русской речи.....	155
3.3.2 Стилиевое смешение в русской речи.....	163
3.3.3 Языковая игра в русской речи	165
3.3.3.1. Остроловие и балагурство в русской речи.....	167
3.3.3.2. Игровая гибрилизация в рамках формы русского слова.....	171
3.3.3.3. Возникновение либо использование окказиональных и потенциальных русских лексем.....	174
Выводы.....	181
Заключение.....	185
Список литературы.....	189

Введение

Тема данной работы – лингвокультурологическая специфика и семиотика интернет-сообщений в русской речи чеченцев-билингвов.

Интернет-общение является видом коммуникации, который оказывает значительное влияние на те лингвокультуры, которые включены в этот процесс. Как и любой процесс человеческого взаимодействия, интернет-коммуникация включает три части: 1) «личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупности носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [Питирим Сорокин 1992: 218].

Функционирование языка в интернет-коммуникации является особым, для него характерны акцентирование личностного начала, креативность, свобода в процессе языкового выражения коммуникативных намерений, что привлекает внимание лингвистов и определяет **актуальность** темы. Аудитория российских пользователей Интернета увеличивается, интерактивное общение занимает все более заметное место в межличностном и межкультурном общении россиян. Данный факт обуславливает актуальность проведенного исследования.

Актуальность темы исследования также связана с отсутствием последовательного лингвистического анализа лингвокультурологических, семиотических маркеров этнокультурного аспекта интернет-опосредованной коммуникации, осуществляемой на русском языке в условиях языковой ситуации с преобладанием идиома «русский язык».

Степень разработанности проблемы. Проблема, поставленная в диссертационном исследовании, нуждается в ее дальнейшей разработке в русистике. Работы, посвященные проблематике бытования русского языка в

билингвальном языковом пространстве [Халидов 1982, 2006, 2009; Овхадов 1983, 2000, 2001, 2006; Камболов 2007; Мусаева 2009; Жеребило 2012, 2013, 2014, 2015, 2016], лингвокультурологическому анализу гендерной культуры в российском обществе [Грошев 1999; Кирилина 2000а, 2000б, 2004; Волкова 2004; Колесникова 2007 и др.], проблематике семиотической природы креолизованного текста [Сорокин, Тарасов 1990; Каменская 1996; Изотов 1998; Трунов 2004 и др.], билингвизма и интерференции [Аврорин 1972; Дешериев, Протченко 1972; Ханазаров 1972; Халидов 1982; Карлинский 1990; Майоров 1997; Вайнрайх 2000; Мечковская 2000, 2006; Беликов, Крысин 2001; Яхьяева 2009; Дорофеев 2010], при всем разнообразии и оригинальности предлагаемых в них подходов, не затрагивают особенности речевого поведения на русском языке в интернет-пространстве в условиях двуязычия и преобладания идиома «русский язык», гендерную специфику, семиотическую природу, лингвокультурологический аспект речевой интерференции карнавального характера в интернет-сообщениях на русском языке чеченцев-билингвов. В связи с отмеченными моментами проблема исследования лингвокультурологической специфики и семиотики русской речи чеченцев-билингвов в рамках интернет-сообщений представляется актуальной и требует дальнейшей разработки.

Объектом нашего исследования является интернет-опосредованная коммуникация, осуществляемая на русском языке в формате интернет-форумов чеченцев-билингвов.

Предметом исследования являются общерусские и этнические лингвокультурологические и семиотические маркеры, а также особенности речевого поведения на русском языке в интернет-пространстве в условиях двуязычия и межкультурной коммуникации в рамках форумов чеченцев-билингвов.

Цель исследования – в исчислении и описании общерусских и этнических лингвокультурологических и семиотических маркеров, в характеристике речевого поведения на русском языке в интернет-пространстве в условиях двуязычия и

межкультурной коммуникации в рамках форумов чеченцев-билингвов.

Общая цель исследования достигается последовательным решением ряда **конкретных задач:**

1) изучение особенностей и структуры виртуальной коммуникации, основных лингвистических параметров русскоязычного сегмента интернет-коммуникации;

2) установление лингвокультурологической специфики корпуса текстов сообщений на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов в условиях русско-чеченского двуязычия с преобладанием идиома «русский язык»;

3) исследование лингвокультурологических и семиотических особенностей визуализации и креолизации гендерных компонентов, выявление и анализ типов гендерных стереотипов в интернет-сообщениях на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов;

4) выявление и анализ семиотической специфики графодериватов в интернет-сообщениях на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов;

5) установление семиотического аспекта соотношения таких знаков, как аватар (визуальный знак) и никнейм (вербальный знак) в текстах сообщений на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов;

6) выявление и описание специфики лингвокультурологического аспекта речевой интерференции в русской речи в условиях русско-чеченского двуязычия и влияния русской культуры в интернет-опосредованной коммуникации;

7) анализ лингвокультурологического аспекта репрезентации общего процесса демократизации русской речи в дискурсивном пространстве интернет-форумов чеченцев-билингвов.

Материалом для нашего исследования послужила выборка, состоящая из

400 никнеймов и 2000 завершенных по смыслу контекстов самопрезентации маскулинных и феминных личностей на интернет-форумах чеченцев-билингвов: «kavkaz.ws» и «palbu.ru», которые собирались, начиная с 2010 года, преимущественно на форуме «palbu.ru» в силу его принадлежности к бытовому дискурсу и гендерно-смешанного состава пользователей. Билингвизм пользователей, обусловленный прежде всего тем, что языком обучения в государственных учреждениях средней и высшей школы, на производстве является русский язык, уточнялся на основе анкетирования.

Для выполнения поставленных задач были использованы такие **методы научного исследования**, как: общенаучные традиционные методы – наблюдения, обобщения и систематизации; метод сплошной выборки, осуществляемый в процессе отбора текстов и анализируемых лексем и форм из интернет-ресурсов; компонентный анализ значения языковых единиц; метод сравнения, анализа, синтеза; метод статистического анализа; анкетирования, применявшегося для выяснения портрета пользователя, причин выбора пользователями определенного языка или образа; сопоставительный метод, применяемый для установления сходств и различий в репрезентации ментальных стереотипов различных лингвокультур; описательный метод.

Теоретические положения работы базируются на работах ведущих лингвистов, занимающихся исследованиями: 1) *в области изучения сущностных характеристик коммуникации* – А. Вежбицкая (1985), Л. В. Сахарный (1989), Л. С. Выготский (1999), А. Е. Супрун (2001), В. П. Конецкая (2007); 2) *в области межличностной коммуникации* – В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша (2000), М. Л. Кубышкина, В. М. Погольша (2004), К. Gerden (1994), М. Knapp and J. Daly (2002); 3) *в области межкультурной коммуникации* – И. И. Халеева (1999), С. Г. Тер-Минасова (2000), О. А. Леонтович (2002), Р. К. Потапова, В. В. Потапов (2009), Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров (2012); 4) *в области специфики интернет-коммуникации* – И. П.

Смирнов (1995), Н. Б. Мечковская (2000, 2006, 2009), Г. Н. Трофимова (2004), М. Л. Макаров (2005), Е. В. Какорина (2007, 2008), Е. И. Горошко (2009, 2012), Л.Ю. Щипицина (2010, 2011), Е. Н. Галичкина (2012), S. T. Yates (1996); 5) *в области речевой специфики интернет-коммуникации* – Л. Ф. Компанцева (2008), Е. И. Горошко (2007), П. В. Морослин (2009, 2010), Л. Ю. Щипицина (2010), О. В. Лутовинова (2008, 2012); Т. В. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова, В. М. Савотина (2012); 6) *в области лингвокультурологии* – Б. Уорф (1960), В. В. Воробьев (1994), В. Н. Телия, (1996), В. Т. Клоков (2000), В. А. Маслова (2004), Н. Ф. Алефиренко (2010); 7) *в области изучения гендера* – И. В. Грошев, (1999, 2000), О. В. Рябов (2002), В. В. Дементьев (2002), А. В. Кирилина (2004), Н. Н. Колесникова (2007), Л. Р. Диасамидзе (2010); 8) *в области изучения языковых контактов и двуязычия* – Ф. П. Филин (1972), У. Вайнрайх (1972), К. Х. Ханазаров (1972), Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко (1972), Р. Т. Белл (1980), А. Е. Карлинский (1990); 9) *в области изучения русской речи чеченцев-билингвов* – К. З. Чокаев (1972, 1988, 2011), М. Р. Овхадов (2001, 2006), А. И. Халидов (1982, 2006, 2009), Т. В. Жеребило (2014, 2015, 2016).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в результате исследования:

1) впервые в русистике изучен корпус текстов сообщений на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов в аспекте выявления лингвокультурологической и семиотической специфики интернет-сообщений в русской речи чеченцев-билингвов;

2) установлены типы семантической связности в пределах креолизованных текстов сообщений на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билингвов;

3) установлена и системно описана специфика репрезентации (визуализации и креолизации) таких универсальных стереотипов, как «мужественность» и «женственность», в русской речи на интернет-форумах

чеченцев-билинггов;

4) определена и описана карнавально-игровая направленность различных видов речевой интерференции в сообщениях на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билинггов, реализующаяся в создании «смешанных текстов» и гибридных графических форм слова игрового характера;

5) выявлены факты однотипных проявлений процесса демократизации русской речи в сообщениях на русскоязычных интернет-форумах чеченцев-билинггов и в целом в текстах русского сегмента интернет-коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Интернет-опосредованная коммуникация, осуществляемая в рамках форумов чеченцев-билинггов на русском языке в условиях языковой ситуации с преобладанием идиома «русский язык», демонстрирует как общерусские, так и этноспецифические лингвокультурологические, семиотические маркеры в речевом поведении пользователей русскоязычного фрагмента Сети.

2. Для русскоязычной интернет-опосредованной коммуникации в формате форумов чеченцев-билинггов характерны процессы визуализации и креолизации в содержании и форме сообщений, репрезентирующие маскулинные и феминные виртуальные языковые личности, что свойственно в целом для речевой коммуникации всего русскоязычного сегмента Сети. Коммуникативная свобода, обусловленная дистантностью и анонимностью общения в рамках интернет-пространства, не приводит к маскировке гендера или к его смене, виртуальная маскулинная или феминная личность совпадает с реальной (истинной) гендерной характеристикой пользователя (данные анкетирования и анализа речевого поведения пользователей в коммуникативных ситуациях на изучаемых форумах).

3. Семиотика самопрезентации маскулинных и феминных виртуальных языковых личностей в собранном материале демонстрирует преобладающее положение и влияние патриархатности, характерной для чеченской

лингвокультуры, в то же время в содержании ряда знаков наблюдаются изменения, направленные в сторону сочетания патриархатности с матриархатностью, в чем мы видим влияние русской традиционной культуры на самопрезентацию адресантов электронных сообщений в русском дискурсивном пространстве форумов чеченцев-билингвов.

4. Мужской гендерный стереотип в таком фрагменте Сети, как русскоязычные форумы чеченцев-билингвов, представлен следующими типами знаков («портретов»): 1) общероссийские образы («мачо», «воин»), 2) этноментальные образы («чеченец», «абрек», «волк»). Женский гендерный стереотип, выявленный в нашем материале, дифференцируется на два типа знаков («портретов»): 1) традиционные образы, возникшие под влиянием маскулинизированных стратегий («домашняя», «красавица», «скромница»); 2) новые образы, в которых пользовательница представляет себя как личность («чеченка», «европейская женщина», «философ»). Возникновение новой аксиологичности, выражающейся в вербальных и визуальных знаках женщин-пользовательниц в интернет-коммуникации на русском языке, обусловлено влиянием русской лингвокультуры, а через нее и мировой культуры.

5. В условиях языковой ситуации с преобладанием идиома «русский язык», характерной для Чеченской Республики, в русскоязычной интернет-опосредованной коммуникации в формате форумов наблюдаются такие виды речевой интерференции, которые представляют собой нарочитые отклонения от норм русского языка, сознательное использование ресурсов одного языка в пространстве другого с целью создания привлекательной виртуальной языковой личности, атмосферы развлечения и карнавализации.

6. Специфика вербальных маркеров общенационального процесса демократизации русской речи в формате форумов чеченцев-билингвов репрезентирует общие явления, свойственные и русской речи чеченцев-билингвов, пользователей Интернета, и речи носителей русского языка,

пользователей Интернета: разностильность, использование просторечных элементов, жаргонных вкраплений, различные виды языковой игры (балагурство, острословие, игровая гибридизация в рамках формы русского слова, создание или использование окказиональных и потенциальных лексем по словообразовательным и формообразовательным моделям русского языка).

Теоретическая значимость данной работы обусловлена тем, что она способствует приращению научного знания в области изучения русского языка как языка межнационального и внутринационального общения в такой его функционально-коммуникативной разновидности, как устно-письменная разговорная речь в интернет-пространстве. В диссертационном исследовании углубляются существующие в современной русистике представления относительно лингвокультурологической и семиотической специфики коммуникативной деятельности на русском языке в условиях двуязычия, в котором преобладает идиом «русский язык». Результаты исследования представляют определенный интерес для дальнейшей разработки теоретических вопросов, касающихся проблематики самопрезентации виртуальной языковой личности посредством частотного использования тех или иных элементов современного русского языка. Выводы и обобщения, сделанные в ней, дают систематизированное представление о семантических, функционально-стилистических, лингвокультурологических, семиотических особенностях русской речи чеченцев-билингвов в интернет-сети, о специфике гендерной самопрезентации на русском языке чеченца-билингва, которые могут быть использованы при исследовании русской речи иных групп билингвов, а также в целом специфики функционирования русского языка в интернет-коммуникации.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты выполненного исследования могут найти применение в вузовских курсах лексикологии русского языка, общего языкознания, социолингвистики, лингвокультурологии, а также могут быть использованы в спецкурсах по

изучению региональных вариантов русского языка.

Апробация работы. Основные положения работы регулярно докладывались на заседаниях кафедры общего и славяно-русского языкознания Ставропольского государственного университета, а затем на заседаниях кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, прошли апробацию на международных (Армавир 2012; Ставрополь 2012, 2014), всероссийских (Ставрополь 2011, 2012; Казань 2014) и региональных (Ставрополь 2010, 2011, 2012, 2017; Грозный 2013) научных и научно-практических конференциях, в публикациях статей в сборниках научных трудов. По теме диссертации опубликовано 14 научных работ, раскрывающих основное содержание диссертации, объемом 5,4 п.л., из них 3 научные работы объемом 0,9 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, библиографию.

Глава 1 Теоретические основы исследования

1.1 Теория речевой деятельности

Коммуникативный подход к языку в целом позволяет включать единицы языковой системы в речевую деятельность человека, т.е. связать их не только с предметным миром и ментальной деятельностью, но и с условиями общения.

Не существует единого определения понятия «коммуникация». Под коммуникацией обычно понимают общение, обмен знаниями, мыслями, чувствами и т.п. Категория «общение» часто отождествляется с категорией «коммуникация». Это отождествление происходит естественным образом в англоязычных текстах, в которых, кроме communication, не существует иного существительного для перевода русского слова «общение».

Анализ дефиниций терминов «общение» и «коммуникация» показывает, что в разных научных школах они не совпадают. Мнения ученых можно разделить на две группы. Ученые, относящиеся к первой группе (Л. С. Выготский, В. Н. Курбатов, М. И. Лисина, А. А. Леонтьев, Т. Парсонс, К. Чери и др.), считают эти термины тождественными. Они полагают, что процесс коммуникации некорректно определять только как процесс передачи закодированной информации от субъекта к объекту, так как коммуникация носит неизменно деятельный, диалогический характер, что свойственно и для общения.

Ученые, относящиеся ко второй группе, настаивают на разведении терминов «общение» и «коммуникация». Так, М. С. Каган акцентирует внимание на ряде специфичных свойств общения, которые отличают его от коммуникации. «Общение, – отмечал М. С. Каган, – есть такая деятельность субъекта, которая устремлена к другому субъекту как к активному, сознательному и самосознательному, свободно целеполагающему и свободно

избирающему способы своих действий уникальному существу, короче говоря – как к равному, как к партнеру, а не пассивному объекту. Существенно, что коммуникация безлична по характеру транслируемой ею информации, а в общении партнеры не обмениваются информацией, а открывают друг другу свои системы ценностей, свои убеждения, устремления, переживания, надежды, идеалы» [Каган 2011: 169].

В нашей работе понятия «общение» и «речевая коммуникация» рассматриваются как синонимы. Под речевой коммуникацией мы понимаем любое взаимодействие, совершаемое с целью обмена информацией, с помощью такого кода, как язык, т.е. общение людей в широком смысле слова. Такое общение происходит в процессе речевой деятельности посредством вербальных знаков и невербальных средств.

Основная цель речевой коммуникации – обмен информацией, что и определяет задачи, которые выполняет субъект в процессе коммуникации:

- «эффективное получение информации;
- эффективная передача информации;
- достижение поставленной цели путем убеждения собеседника и побуждения его к действию;
- получение дополнительной информации о собеседнике;
- позитивная самопрезентация» [Конецкая 2007: 309].

Л. В. Сахарный так описывает схему общения: «У говорящего (кодирующего) появляется некоторое сообщение-1. С помощью органов речи (передатчика) говорящий кодирует это сообщение, преобразует его в сигнал. Сигнал (колебания воздуха) передаются по каналу связи. Он достигает органов слуха (приемника) слушающего (декодирующего). Происходит декодирование, т.е. преобразование сигнала в сообщение-2. Чтобы коммуникация состоялась, и кодирование, и декодирование должны проводиться на основе единого кода. И «шум» тоже возникает при коммуникации, поэтому люди часто недопонимают

друг друга или вообще не понимают» [Сахарный 1989: 18-19].

Речевую коммуникацию, являющуюся разновидностью психической деятельности человека, характеризует признак целенаправленности. Целенаправленный характер речи выражается в ее ориентации на адресата и предполагает, как минимум, преодоление преград и достижение понимания со стороны адресата. Так, А. Вежбицкая считает: «различные речевые акты ... по определению включают различные намерения и предположения; наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой или советом и т.д. в зависимости от двух факторов: (1) что было сказано и (2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть приписаны говорящему» [Вежбицкая 1985: 255].

Теория речевой деятельности является применением и дальнейшей разработкой психологической теории деятельности Л. С. Выготского – А. А. Леонтьева. Л. С. Выготский представлял процесс возникновения речи как переход от мысли к слову и характеризовал данный процесс так: «В живой драме речевого мышления движение идет обратным путем – от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов, и, наконец, в словах» [Выготский 1999: 334].

Концепция речевой деятельности, выдвинутая Л. С. Выготским, является фундаментом для современных лингвистических исследований о соотношении языка и мышления, языка и сознания. Так, А. Е. Супрун считает, что возникновение речи включает такие части: «процесс расчленения мысли посредством языка, процесс перевода из глубин человеческого сознания во внешние – материальные формы с помощью внутренней речи, а также в обратной последовательности процесс восприятия речи, её содержания» [Супрун 2001: 32].

Речевая деятельность по своему внутреннему строению, как и любая другая деятельность, представляет собой частную подсистему, входящую, с одной стороны, в систему психической деятельности, с другой стороны, в более обширную систему речевой коммуникации.

В целом речевая деятельность включает в себя процессы говорения, процессы восприятия и понимания речи. В речевой деятельности выделяют в качестве неразрывно связанных элементов язык как сложную систему систем, речь как реализацию потенций языка, норму и узус (некодифицированные нормы речи), вербальное мышление.

В теории речевой деятельности значительное внимание уделяется «теории речевых актов». В литературе, посвященной проблематике теории речевой деятельности, термин «теория речевых актов» понимается неоднозначно. Этот термин может обозначать различные идеи, направленные на выяснение сущности речевой деятельности, и выступает в качестве синонима терминов «теория речевой деятельности» и «теория речевой коммуникации».

В Лингвистическом энциклопедическом словаре приводится такая дефиниция: «Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [ЛЭС 1990: 412].

Речевой акт обладает следующими свойствами: вхождение в структуру деятельности человека в качестве составляющей, намеренность (интенциональность), целеустремленность, конвенциональность, социальная обусловленность.

В рамках теории речевых актов речевой акт считается простейшим компонентом, который состоит из произнесенного говорящим высказывания в ситуации непосредственного общения. Именно в речевом акте как в элементарной единице общения непосредственно представлена

коммуникативная функция речи.

Проблематика речевого акта и речеобразования содержится в трудах ученых, анализирующих речь в контексте жизни и жизнедеятельности человека: В. Гумбольдт, Ш. Балли, С. Карцевский, Э. Бенвенист, Л. П. Якубинский, К. Л. Бюлер, М. М. Бахтин, Л. Витгенштейн. Идеи Л. Витгенштейна о языке как одной из форм игры в человеческом обществе оказали значительное влияние на развитие теории речевых актов.

По мнению Е. А. Земской, в коммуникативном акте выделяются такие невербальные компоненты: «1. Признаки, связанные с партнерами коммуникации (говорящими субъектами), и 2. Признаки, связанные с конкретной ситуацией данного коммуникативного акта (конситуацией)» [Земская 1981: 15].

Говорящий и адресат выступают в речевом акте как носители определенных коррелирующих ролей. Они обладают общим фондом речевых навыков, лингвистических знаний, культурологических знаний умений и навыков (общей речевой, языковой, культурологической компетенцией). В состав речевого акта входит ситуация речи и определенный фрагмент действительности, с которым связано его содержание.

Каждый из участников речевого акта имеет в нем свою роль: для говорящего это участие является обязательным, а для адресата факультативным, что служит определяющим свойством при разграничении монологической и диалогической речи.

Диалогическая речь, состоит из обмена высказываниями, на языковое оформление которых влияет непосредственное восприятие, которое активизирует роль адресата в речевой деятельности адресанта. «Концепт адресата как коммуникативной категории отличается сущностной двойственностью содержания, так как он включает в себя одновременно и субъекта речевого взаимодействия, и объект речевого воздействия» [Азнабаева

1999: 12] Для такого жанра интернет-коммуникации, как форумы, изучаемого в нашей работе, характерна диалогическая форма общения и субъект-субъектная форма речевого взаимодействия.

Содержание и формы речевой коммуникации зависят от многих характеристик адресата и адресанта: социокультурных, этнических, демографических, интеллектуально-психических, психофизиологических. Н. Д. Арутюнова полагает, что у любого человека есть такие маски: «человека, конкретной индивидуальности, общественного положения, профессии» [Арутюнова 1999: 327 -328].

В речевой деятельности выделяют ряд аспектов, которые соответствуют поставленной коммуникантами задаче: «информативный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора)» [ЛЭС 1990: 415].

Базовые идеи теории речевых актов были основаны английским логиком и философом Дж. Остином (лекции 1955 года, опубликованные уже посмертно в 1962 году). В дальнейшем теория речевых актов развивалась в трудах логиков, философов, психологов, лингвистов.

Дж. Остин в работе «Слово как действие» считал, что осуществить речевой акт означает: «произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики; снабдить высказывание смыслом и референцией, т.е. соотнести с действительностью, осуществив речение; придать речению целенаправленность, превращающую его в иллокутивный акт, т.е. выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания; вызвать искомые последствия, т.е. воздействовать на сознание или поведение адресата, создать новую ситуацию» [цит. по ЛЭС 1990: 412].

Каждый структурный компонент речевого акта выполняет свою функцию: иллокуция обуславливает такое построение локуции, которое обеспечит ожидаемый перлокутивный эффект; локуция связана с выбором той или иной языковой единицы для вербализации иллокутивного намерения.

1.1.1 Межличностная и межкультурная коммуникация

Нами изучалась вербальная и невербальная информация форумов, которые (форумы) предназначены для неформального доверительного общения – новых знакомств, получения информации по определенным непроизводственным темам. Такое общение является одновременно межличностным и межкультурным.

Теоретики **межличностной коммуникации** подчеркивают, что человеческая коммуникация – это не только процесс обмена информацией, но и созидание некоей общности во взаимодействии. Центральным в понимании межличностной коммуникации является понятие «совместного смысла как совместного образования в моем взаимодействии с другим человеком, ... как смысла в отношении к другому человеку» [Gerden 1994: 254] (перевод автора – А.М.).

При всем разнообразии мнений об отличительных характеристиках межличностной коммуникации теоретики, работающие в данной области (В. Н. Куницына и др. 2000; М. Knapp, J. Daly 2002; М. Roloff, L. Anastasiou 2001; М. Л. Кубышкина и др. 2004; Р. К. Потапова, В. В. Потапов 2009; А.В. Соколов 2011) выделяют следующие характеристики:

- 1) «межличностная коммуникация предполагает взаимодействие, как правило, между двумя партнерами;
- 2) межличностная коммуникация предполагает обратную связь и взаимовлияние со стороны партнеров;

3) межличностная коммуникация предполагает развитие отношений между партнерами;

4) межличностная коммуникация предполагает, что информация, которой обмениваются партнеры, носит личностный характер, субъективное восприятие, понимание в ней преобладают» [Roloff, Anastasiou 2001: 72] (перевод автора – А.М.).

В неформальном общении понятие «успешная коммуникация» наполняется субъективным содержанием, а успешность коммуникации связана с субъективной удовлетворенностью общением. Критерием успешности межличностной коммуникации являются положительные эмоции.

По мнению В. Н. Куницыной, «успешность общения в межличностной коммуникации проявляется в достижении и сохранении психологического контакта с партнером в целях стабилизации межличностных отношений на их оптимальной стадии развития через достижение совместимости, согласия, взаимной приспособленности и удовлетворенности путем гибкой корректировки целей, умений и состояний, способов воздействия в соответствии с меняющимися обстоятельствами» [Куницына и др. 2000: 415]. В такой коммуникации человек может реализовывать разные мотивы: самоутверждения, избегания одиночества, престижа, поиска помощи, сочувствия и т.п. «В этом случае межличностные отношения выступают как ценность, а коммуникация и как условие ее реализации, и как ценность» [Кубышкина и др. 2004: 104].

Для такого жанра интернет-коммуникации, как форумы, характерна субъект-субъектная форма взаимодействия. Такая форма общения обеспечивает актуализацию потенциалов собственного саморазвития, дает импульс для самопознания и познания другого человека. «Общение в форме «открытого диалога», диалога «зрелых личностей», может осуществляться только тогда, когда человек открыл в себе потребность в самосовершенствовании,

самосознании, самореализации. Когда счастье ... для человека состоит ... даже не в том, чтобы тебя понимали, а скорее в том, чтобы почувствовать *сопричастность* к переживаниям другого...» [Кубышкина и др. 2004: 105].

По мнению современных психологов, диалогические формы коммуникативного воздействия в межличностной коммуникации обладают высокой стратегической эффективностью, но тактический их эффект может быть низким (в случае получения отрицательных эмоций). В то же время неудовлетворительное на сегодняшний день общение завтра может оказаться интересным и ценным.

Интернет придает межличностному общению черты открытости и доступности, в нем не существуют ни технических, ни психологических препятствий. При таком общении время на подготовку к общению не тратится, стратегия установления контакта не продумывается. С помощью Интернета возможно решение психологических проблем, связанных с межличностной коммуникацией.

Несмотря на то, что кодифицированных, а тем более законодательно закреплённых правил поведения в виртуальном пространстве не существует, эмпирически такие правила, носящие рекомендательный характер, сложились. Они делятся на такие разновидности, как: а) ограничения технического характера, б) рекомендации этикетного характера, нормы поведения в интернет-пространстве, в) символика и знаки для выражения эмоциональности, г) права модераторов.

Для нашей работы, посвященной лингвокультурологической и семиотической специфике интернет-сообщений в русской речи чеченцев-билингвов, актуальными являются такие правила, как: а) рекомендации этикетного характера, нормы поведения в интернет-пространстве и б) символика и знаки для выражения эмоциональности. Остановимся на них подробнее.

Рекомендации этикетного характера, нормы поведения в интернет-пространстве (сетевой этикет) впервые появились в американском Интернете и

отражают культуру межличностного общения в американском обществе. В настоящее время почти каждый модератор выставляет данные правила на своем форуме. Изложим их перевод по книге Virginia Shea «Netiquette».

«Правило 1: Помните, что Вы говорите с человеком.

Правило 2: Придерживайтесь тех же стандартов поведения, что и в реальной жизни.

Правило 3: Помните, что Вы находитесь в киберпространстве.

Правило 4: Уважайте время и возможности других.

Правило 5: Сохраняйте лицо.

Правило 6: Помогайте другим там, где Вы это можете делать.

Правило 7: Не ввязывайтесь в конфликты и не допускайте их.

Правило 8: Уважайте право на частную переписку.

Правило 9: Не злоупотребляйте своими возможностями.

Правило 10: Учитесь прощать другим их ошибки» [Shea 1994: 18] (перевод автора – А.М.).

Символика и знаки для выражения эмоциональности. Пользователи Сети придумали символы и сокращения для условного обозначения своих эмоций и оценок. Наиболее частотным невербальным средством передачи эмоционального выражения являются «смайлики» (англ. smile – улыбка), представляющие собой символические знаки или картинки (пиктограммы либо идеограммы), конвенционально закрепленные за передачей определенного настроения пользователя. Смайлики также репрезентируют культуру межличностной коммуникации в американском обществе. Они получили распространение вначале в частной переписке в США, а затем в американской интернет-коммуникации, откуда распространились во всемирное виртуальное пространство Сети.

Кроме того, в межличностном общении в Сети широко используются аббревиатуры и акронимы, прежде всего сокращения английских фраз на

латинице, а в русскоязычном фрагменте Сети – кириллические аббревиатуры. Приведем некоторые из них.

- АКА (also known as) – «также известен как». Указатель на псевдоним человека, сценический образ или сетевой ник.

- 2DAY (today) – «сегодня».

- F2F (face to face) – «тет-а-тет».

- ППЛ либо PPL (People) – «люди».

- ЗЫ – это буквы PS (постскриптум), набранные на клавиатуре в русской раскладке (видимо, происходит из факта того, что зачастую при быстрой печати пользователь забывал переключать язык клавиатуры). Буквосочетание ЗЫ успешно прижилось в таком виде.

- HAND (Have a nice day) – «хорошего дня».

- SYS (See you soon) – «до встречи».

- CYO (See you online) – «до встречи в Сети».

- HB (Hurry back) – «возвращайся скорее».

- BRB (Be right back) – «скоро вернусь».

- WRK TTYL (work, talk to you later) – «я на работе, поговорим потом».

- W8 (w+eight) – «ждать», «подожди».

- ИМХО – «по моему скромному мнению» (которое, тем не менее, не подлежит оспариванию). Аббревиатура от «in my humble opinion» (ИМНО).

- ИНО – «по его скромному мнению» (в случае, когда говорят за кого-то). От английского «In him humble opinion».

- ИНО – «по нескромному мнению», от английского «In Not Humble Opinion».

- ПМСМ – русский аналог выражения ИМХО.

- POV (Point of view) – «точка зрения».

- ОБС – «одна бабка сказала», то есть сплетня или не подтверждённая информация.

- БМП – аббревиатура от «без малейшего понятия».
- ХЗ (произносится как «Хэ-зэ», реже произносится как «Икс-три») – дословно «хрен знает». Часто используется как лаконичный ответ на вопрос, ответ на который пользователь не знает.
- АПВС – аббревиатура от «а почему вы спрашиваете?»
- WBR (with best regards) – «с наилучшими пожеланиями».
- ППКС – «подпишусь под каждым словом» (по данным сайта «Как понять аббревиатуры в интернете?» ifha.ru: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=1392.>).

Межличностная коммуникация тесно связана с **межкультурной коммуникацией**. Основу теории межкультурной коммуникации составляют базовые понятия культуры и коммуникации. Ученые по-разному подходят к изучению феноменов межкультурной коммуникации: существует линейный и системный подходы [Клыуканов 1998].

В рамках первого подхода (основывается на теории позитивизма) культура понимается традиционно: это система ценностей, традиций, верований, норм и т.д., которые разделяет значительное число носителей той или иной культурной группы, связанных между собой общей религией, историей, языком. В данном подходе коммуникация представляется «линейным механическим процессом передачи информации, её модель включает следующие элементы: источник информации, канал передачи, приемник, конечную цель и понятие обратной связи, расположенные в линейной последовательности» [Воловикова 2004: 120].

Системный подход (второй) основывается на холистических идеях теории систем (от холизм – в греческом *holos* «целый» ‘учение о целостности, рассматривающее мир как результат эволюции, которая направляется нематериальным фактором целостности’) и выявляется в теориях

межкультурной трансформации и конвергенции. В этом случае культура определяется следующим образом: «интерактивный динамичный процесс коммуникации с другими культурами, понимаемый в своей целостности. Коммуникация в системном подходе определяется как холистический феномен, сложная структура отношений, в которой личность обретает свое «Я», самоидентифицируется через связь с другими личностями. Феномен коммуникации имеет, с одной стороны, социально-обусловленную и упорядоченную природу, с другой – динамическую и взаимозависимую» [Воловикова 2004: 121].

Под межкультурной коммуникацией в данном подходе понимают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26-27] или «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова 2000: 14]. И. И. Халеева описывает межкультурную коммуникацию как процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков [Халеева 1999: 5-14].

Изучение межкультурной коммуникации, по мнению О. А. Леонтович, строится на «интегративном видении человеческой культуры как единого целого, наряду с составляющими частями. В рамках иерархического соподчинения структурных уровней межкультурной коммуникации анализируются цивилизационные типы (Восток – Запад), отдельные лингвокультуры, коллективная и идиолектная языковая личности, а также конкретные культурно-языковые проявления в пределах отдельного коммуникативного акта» [Леонтович 2002: 5]. Нас интересуют конкретные культурно-языковые проявления в русской речи чеченцев-билингвов.

По нашему мнению, исследование межкультурной коммуникации – это не только изучение прямого взаимодействия отдельных коммуникантов или групп, но и изучение всех типов общения, возникших под воздействием научно-

технического прогресса, – в первую очередь, Интернета.

Для системного понимания теории межкультурной коммуникации важны идеи философии диалогизма М. М. Бахтина: «Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1997: 344].

Системный подход предполагает идею развития культур и универсальный характер человеческой природы. В данном подходе предполагается отсутствие жестких культурных границ в связи с тем, что наличие культурных различий обусловлено градуированностью проявления того или иного культурного феномена.

Одним из возможных направлений изучения межкультурной коммуникации является гендерный анализ, который, по мнению О. В. Рябова, проводится с учетом следующих общих положений:

- 1) осознание коммуникантами своей принадлежности к разным культурам, разграничение «Своего» и «Другого»;
- 2) наличие двух уровней межкультурной коммуникации – индивидуального и группового [Рябов 2002].

В нашем исследовании используются идеи и понятия межличностной и межкультурной коммуникации (в её системном понимании), а также учитывается гендерный аспект межкультурной коммуникации.

1.1.2 Интернет-коммуникация как новая речевая формация

Интернет-коммуникация является новой и активно развивающейся речевой формацией, для которой характерны многофункциональность, динамика, значительное влияние на другие сферы общения.

Специфика интернет-коммуникации вызывает значительный интерес

ученых (Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко, Е. В. Какорина, Н. Б. Мечковская, И. П. Смирнов, Ф. О. Смирнов, Г. Н. Трофимова и др.)

Существует целый ряд определений интернет-коммуникации. И. Н. Розина дает такое определение: «использование людьми электронных сообщений для формирования знаний и взаимопонимания в разнообразных средах, контекстах и культурах» [Розина 2005: 32].

С. В. Бондаренко под интернет-коммуникацией понимает «опосредованное компьютером общение двух или более лиц, характеризующееся невидимостью коммуникантов, письменной формой посылаемых сообщений, возможностью незамедлительной обратной связи, а также взаимодействием или обменом электронными сообщениями» [Бондаренко 2004: 181].

Л. Ю. Щипицина полагает: «интернет-коммуникация представляет собой один из исторических этапов в развитии коммуникационных средств и существует наряду с непосредственным (устным) общением, общением, опосредованным бумажными носителями (рукописным и печатным), а также общением, опосредованным электронными приборами (факс, радио, телевидение)» [Щипицина 2010: 41-42].

Данная дефиниция понятия «интернет-коммуникация» представляется нам, с одной стороны, наиболее общей и полной, а с другой стороны, наиболее акцентирующей лингво-коммуникативную сущность этого феномена. Этим определением мы будем пользоваться в дальнейшем.

В ряде работ произошло уточнение термина «интернет-коммуникация». Опосредованное компьютером коммуникативное взаимодействие, которое выделяется на основе такого средства и канала коммуникации, как Интернет, получило название компьютерно-опосредованной коммуникации [Щипицина 2011: 7] и шире интернет-опосредованной коммуникации [Гукосянц 2016: 10]. В нашей работе используется термин «интернет-опосредованная

коммуникация», или просто «интернет-коммуникация».

Проведенный нами анализ работ по интернет-коммуникации показал, что конститутивными признаками этой речевой формации, по мнению большинства ученых, выступают такие характеристики: «электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность/асинхронность, вариативность количества и эксплицированность коммуникантов» [Щипицина 2010: 59].

Многие ученые полагают, что коммуникация в русскоязычном сегменте Интернета, как зеркало, отражает тенденции развития современного русского языка. К ним относят следующие закономерности: 1) тенденция к усилению диалогичности; 2) тенденция к усилению разговорности; 3) тенденция к экспрессивизации общения; 4) тенденция к глобальному снижению и огрублению речи.

Н. Б. Мечковская уточняет и конкретизирует названные тенденции: она полагает, что интернет-коммуникации свойственны следующие закономерности (перечисляются без комментария автора):

- «активизация метаязыковой рефлексии;
- влияние специального подъязыка информатики и информационных технологий;
- влияние ненормативного (субстандартного) варианта языка на общее употребление» [Мечковская 2009: 485];
- «экспансия особенностей молодежного сленга;
- экспансия английской терминов» [Мечковская 2009: 486];
- «усиление в стилистике интернет-коммуникации либерально-демократических черт, идущих от неформального обиходно-разговорного общения» [Мечковская 2009: 487];
- «стилистическая двойственность интернет-коммуникации, соединяющая одновременно ее поверхностную легкость с внутренней усложненностью»

[Мечковская 2009: 513].

Основным языком общения в сети вначале был английский язык. В дальнейшем появились различные по языку фрагменты интернет-коммуникации, в том числе и русскоязычный фрагмент. Появилась проблема взаимодействия английского языка и вербализованных в нем представлений и образов мира с ценностными установками и образами, выраженными в других языках Сети.

Проведенный анализ работ по интернет-коммуникации демонстрирует, что исследователи едины в следующих ее характеристиках в **лингвистическом** аспекте:

1) «интернет-коммуникация образует особое место реализации языка, человек в Сети оказывается редуцированным до набора вербальных сообщений, что сказывается на межличностном и межкультурном взаимодействии коммуникантов;

2) роль языка как одного из базовых инструментов формирования идентичности личности резко возрастает, вербальное общение, выраженное с помощью электронных текстов, становится системообразующим признаком интернет-коммуникации как социальной реальности;

3) язык, обслуживающий такую речевую формацию, как интернет-коммуникация, претерпел масштабные изменения» [Горошко 2009: 445-455].

Остановимся подробнее на последней характеристике, конкретизируем ее. Изменения в сетевом языке затрагивают разные стороны языка. На лексическом уровне изменения являются интенсивными и выражаются в появлении неузуальных слов, калек, англицизмов. На морфологическом уровне – в появлении неузуальных способов словообразования. Меняется и прагматика: появляются новые нормы и правила сетевого этикета. Лингвокультурологические изменения связаны с созданием лингвокультурных виртуальных типажей, образов и личностей [Лутовинова 2009; Компанцева

2008].

Во внешней, графической, стороне языка также произошли масштабные изменения, прежде всего это объединение различных графических систем, а также создание квазиграфических систем (*коро4е*; *F2F* вместо *face-to-face*) [Донскова 2004].

Исследователи интернет-коммуникации отмечали, что самое существенное изменение – это возникновение новой разновидности формы речи – **устно-письменной**, для которой характерна конвергенция устной и письменной формы речи. Первым выделил эту характеристику ученый S. T. Yates в 1996 году [цит. по Горошко 2012: 32]. В интернет-коммуникации происходит явное или только декларируемое смешение норм организации письменной и устной речи. Остановимся на этом подробнее.

Устная речь реализуется прежде всего в разговорной речи, хотя она (разговорная речь) может обнаруживаться и в письменной форме (частные письма, записки, дневники). Письменная форма прежде всего связана с книжной речью. Для форумов интернет-коммуникации характерны следующие признаки устной речи: установка на неофициальные отношения между коммуникантами, зависимость от ситуации, определенная степень неподготовленности, использование внеязыковых средств (смайлики), имитация непосредственности общения (аватары как образы пользователей), чередование ролей пользователей, использование разговорных и субстандартных языковых средств, неузуальных речевых средств (на уровне фонетики – имитация бытового, просторечного, диалектного, жаргонного произношения, на уровне лексики – номинации на «сейчас», неологизмы, на уровне синтаксиса – обилие незаконченных синтаксических построений, подхваты, явления избыточности).

Для форумов интернет-коммуникации характерны следующие признаки письменной речи: наличие заранее подготовленных монологов с целью воздействия на участников форума, ориентированность в целом на традиции

письменности, стилевая разнообразность, наличие тропов и фигур, преимущественно графическая (звуко-буквенная) передача информации.

Существует ряд направлений в исследовании лингвистики интернет-коммуникации. Так, Л. Ю. Щипицина выделяет и описывает следующие пять направлений в этой предметной области:

1) коммуникационное направление, в котором ученые выявляют особенности интернет-коммуникации как формы речевого воздействия, дифференцированной по признаку особого канала и средств речи;

2) медиалингвистическое направление, в котором рассматривается работа электронных СМИ в сети Интернет;

3) стилистико-языковое направление, в котором предлагается описание языка Интернета по уровням [Иванов 2003: 791-793];

4) дискурсивное направление, в котором интернет-коммуникация изучается в процессуально-деятельностном ключе;

5) жанроведческое направление, в котором исследуются вопросы адаптации жанров в применении к Интернету;

6) в то же время существует направление интегративного типа, которое соединяет подходы разных отраслей лингвистического знания: социалингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, лингвистической семиотики, когнитивной семантики [Щипицина 2010: 22-28].

Цель направления интегративного типа – выявить, как функционирует тот или иной язык в компьютерной сети Интернет «с учетом сложного взаимодействия некоторого открытого множества факторов при изначальной включенности человека в социально-культурный контекст взаимодействия в сети» [Горошко 2007: 227]. Объектом направления интегративного типа является содержание и формы коммуникативного взаимодействия в компьютерной сети Интернет, а предметом – специфические лингвистические характеристики интернет-коммуникации на языковых уровнях, а также на

коммуникативном уровне.

Материалом нашего исследования послужили русскоязычные форумы чеченцев-билингвов. Дадим общую характеристику такому жанру интернет-коммуникации, как форум. Форум относится к такой группе жанров интернет-коммуникации, как off-line общение. Форум – это интернет-ресурс, который позволяет его участникам размещать сообщения, на которые ожидается отклик других пользователей Сети. Форум – это место общения ряда авторов, в котором сообщения относятся к общей теме, он предоставляет возможность осуществления виртуальной дискуссии с любым количеством пользователей на любую тему.

Н. С. Прохорова пишет: «Принципиальное свойство форума заключается в том, что сообщения в нем объединены в треды (от англ. thread – нить). Коммуникативная роль форума – дискуссии на определенные темы. Форма общения на форуме или конференции – древовидная, с отражением всех комментариев и подтем» [Прохорова 2006: 53]. Сообщения форумов могут корректироваться самим пользователем или модератором, а в случае нарушения этических норм или норм, принятых на форуме, удаляться модератором. Участники форума могут возвращаться к старым темам дискуссий, могут переписываться друг с другом в личной почте форума.

Аудитория тематических интернет-ресурсов формируется по социокультурным, этническим, профессиональным, возрастным и другим признакам. В нашем случае иерархия признаков, на основе которых происходит формирование изучаемых форумов, является следующей: главенствуют лингвокультурные и этнические признаки, далее следуют иные признаки (убеждения, духовные интересы, виды хобби, возраст и др.).

Для доступа к форуму участникам необходимо пройти регистрацию и получить логин и пароль, после этого пользователь становится членом выбранного интернет-сообщества. В то же время пользователь может участвовать в разных интернет-сообществах и иметь несколько ников на одном и том же форуме.

Каждый форум «имеет свой жизненный цикл. Процесс формирования долговременного интернет-сообщества характеризуется изменением соотношения численности и активности новичков и ветеранов. Долговременные интернет-сообщества имеют фазы начала, развития и угасания» [Прохорова 2006: 53]. По мнению И. М. Чернова, «Долговременные форумы характеризуются равновесием пополнения и выбытия и количественным ростом основных групп субъектов. А также укреплением между ними связей, в том числе в офф-лайне... По нашему мнению, применительно к долговременным интернет-сообществам неверно говорить об аддикции или привыкании, ибо они приводят к прогрессивным изменениям личности, к улучшению социальной адаптации индивидов» [Чернов 2003: 93].

В целом роль форума в обществе такова: объединение членов сетевого общения по тем или иным социокультурным признакам.

Охарактеризуем аудиторию форумов, сообщения на которых мы изучали. Материал преимущественно собирался на форуме «palby.ru» (в переводе с чеченского «Ерунда.ру»), так как для него характерен бытовой дискурс, на нем активно коммуницируют и мужчины, и женщины. Основной признак, по которому сформирована аудитория исследуемых форумов, является этническим: все пользователи форумов, сообщения которых явились эмпирическим материалом работы, по своей национальной принадлежности являются чеченцами, что было выяснено нами в ходе бесед с пользователями в личной почте форумов. По возрастному признаку аудитория представлена людьми преимущественно от 18 до 35 лет; по гендерному признаку – аудитория смешанная; по образовательному признаку – преимущественно с высшим образованием; по языку общения – аудитория билингвальная, владеющая двумя языками – русским и чеченским; по месту проживания и этносу аудитория представлена прежде всего чеченцами, жителями Чеченской Республики, а также чеченцами, жителями других регионов РФ, Европы, США, ОАЭ. Необходимо более подробно охарактеризовать такой признак аудитории, как

язык общения. Одни из пользователей в детстве усвоили русский язык (городское население, молодое поколение), а затем в школе освоили свой родной язык, другие – в детстве в общении со старшим поколением усвоили чеченский язык, а затем постепенно и русский язык. Все эти признаки были выявлены в результате личной переписки в электронной почте с пользователями.

Все жанры интернет-коммуникации характеризуются постоянной обратной связью. В такой ситуации у пользователя повышается степень ответственности за свое речевое поведение, формируется более высокая самооценка. Необходимо учесть, что в рамках такого жанра, как общение на форуме, происходит не столько информационный обмен, сколько общение для души, участник форума, пользователь сети, становится восприимчивым к новым ценностным ориентирам.

Новые качественные характеристики общения в виртуальном пространстве, в нашем случае в рамках интернет-форумов, привели, по мнению социологов, к образованию «морального сообщества» как основного критерия ценности. Так, Н. С. Прохорова называет следующие основные качественные характеристики общения в виртуальном пространстве:

1. «доверительное поведение (это явление особенно любопытно в рамках проблемы дефицита доверия в России в последние годы);

2. понимание нормативных стандартов и вытеснение ненормативного поведения из коммуникации сообщества;

- идеализация самого процесса общения как способа организации группы (толерантность, психологическая совместимость, социализация и т.д.);

- овладение метаязыком общения (особенно характерно для молодежного общения)» [Прохорова 2006: 58].

Все названные качественные характеристики общения в виртуальном пространстве в высокой степени характерны для русскоязычной сети Интернет

(форумов) чеченцев-билингвов.

1.2 Лингвокультурология как область научного знания

По мнению В. А. Масловой, лингвокультурология – «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2004: 28].

Общепринятое определение лингвокультурологии дает в своих работах такой ученый, как В. В. Воробьев: «Лингвокультурология – это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка» [Воробьев 1994: 36].

Лингвист Н. Ф. Алефиренко в определении лингвокультурологии акцентирует внимание читателя на таком феномене, как язык, и отводит ему в дефиниции приоритетное место: «Лингвокультурология – научная дисциплина, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура» [Алефиренко 2010: 16]. Это определение лингвокультуры используется нами в работе.

В целом лингвокультурология призвана рассматривать язык и культуру, учитывая все факты их взаимного детерминизма.

Проблематика соотношения языка и культуры долгое время рассматривалась в смежных с лингвистикой областях знания, таких, как когнитология, этнолингвистика, лингвострановедение. Интерес к взаимному детерминизму языка и культуры в лингвистике возник на основе обсуждения гипотезы языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, которая представляет собой возрождение на новом витке лингвистического знания концепции немецких философов И. Г. Гердера и В. фон Гумбольдта о влиянии языка на формирование народной культуры.

Б. Уорф полагал, что значения явных и скрытых классов, грамматические категории языка образуют сложную систему основных категорий мышления данного народа, своеобразную философскую (metaphysics) картину мира, существующую у данного народа. Эту идею Б. Уорф изложил в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» [Уорф 1960: 140]. Проблема взаимоотношения языка и культуры становится центральной проблемой в исследованиях Э. Сепира и Б. Уорфа, которые они осуществляли на основе методов контрастивной лингвистики (сопоставление общеевропейского языкового стандарта и языков североамериканских индейцев).

Взаимоотношения языка и культуры в интерпретации Б. Уорфа выглядят следующим образом: «Как исторически создается такое сплетение между языком, культурой и нормами поведения? Что было первичным – норма языка или норма культуры? В основном они развивались вместе, постоянно влияя друг на друга. Но в этом содружестве природа языка является тем фактором, который ограничивает его свободу и гибкость и направляет его развитие по строго определенному пути. Это происходит потому, что язык является системой, не просто комплексом норм» [Уорф 1960: 164].

Лингвокультурология возникла в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании. Ее формирование произошло в конце XX – нач. XXI века. Истоки лингвокультурологии, по мнению Н. И. Толстого, относятся к началу XIX века. Культурологический подход во многих областях лингвистики характерен для работ братьев Гримм, создавших мифологическую школу, Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева.

Необходимо указать, что в русистике лингвокультурологическая проблематика впервые стала изучаться в рамках фразеологии. Фразеологи считали, что лингвокультурология имеет своим источником этнолингвистику. Так, известный фразеолог В. Н. Телия определяет лингвокультурологию как отрасль лингвистического знания, изучающую «воплощенные в живой

национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с культурой этноса», ученый полагает, что лингвокультурология – «...часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 216-217].

Несмотря на то, что все ученые признают, что лингвокультурология призвана рассматривать язык и культуру, учитывая все факты их взаимного детерминизма, это не приводит к единообразному пониманию предмета, объекта, методов данной научной области. Причины этого двойки: во-первых, различное понимание непосредственных источников лингвокультурологии, во-вторых, различная трактовка основных понятий «язык» и «культура».

При культурологической акцентации понимания предмета, объекта, методов лингвокультурологии данная отрасль научного знания рассматривается в тесной связи с этнологией, философией культуры, исторической культурологией, культурной антропологией и позиционируется как раздел культурологии.

При лингвистической акцентации понимания предмета, объекта, методов лингвокультурологии данная отрасль научного знания рассматривается в тесной связи с философией языка, семасиологией, лингвистической семиотикой, ономасиологией, когнитивной лингвистикой. В нашей работе мы придерживаемся лингвистического понимания предмета, объекта, методов лингвокультурологии.

В соответствие с задачами нашего исследования подробнее остановимся на связях лингвокультурологии с семиотикой. Семиотика (второе название семиологии) в общем – это наука о знаковых системах в природе и обществе. Семиотика изучает общее строение и функционирование различных семиотических систем, которые хранят и передают информацию. Это системы, которые функционируют в человеческом обществе (обычай, обряды, язык,

явления культуры), системы, которые действуют в природе (общение в мире животных), системы, действующие в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие предметов). Термин семиотика может использоваться в другом, конкретном значении – как рассматриваемая с точки зрения семиотики структура определенного объекта, например, семиотика документального фильма, семиотика лирики А. С Пушкина, семиотика этикета, принятого в русском языке.

В. Т. Клоков считает, что лингвокультурологические исследования должны осуществляться именно в рамках семиотического подхода. Ученый пишет, что задача лингвокультурологии: «...с одной стороны, понять, что представляет собой культура (информация, некоторый объем знаний, который вырабатывает человечество для адекватной интерпретации того, что говорят и делают люди), то есть те модели, с помощью которых происходит контакт общества с миром, а с другой – как данная информация материализуется, то есть фиксируется и получает способность к тому, чтобы быть переданной и полученной членами общества. Кроме того, лингвокультурология стремится понять, как данная информация циркулирует, то есть хранится и передается внутри общества» [Клоков 2000: 60].

По мнению В. Т. Клокова, связь культуры как семиотической системы, понимаемой в широком смысле как содержание, с семиотическим кодом языка, понимаемым в широком смысле как форма существования содержания, может быть различной:

1) «связь культуры с семиотическим кодом языка (langue) состоит в использовании культурой парадигматической и синтагматической структурированности языковой системы, которая фиксирует, хранит и передает концептуальные и эмоционально-оценочные представления общества о мире;

2) связь культуры с речью (parole) обнаруживается в фактах реального воплощения культурной информации через речевую коммуникацию между

членами общества;

3) связь культуры с идиомом (langage) обнаруживается в специфике внутренней стратификации идиома как сложной системы собственных подязыков, а также в отношениях данного идиома с другими идиомами, используемыми обществом в своих лингвокультурных целях» [Клоков 2000: 60 и далее].

В нашем исследовании используется семиотический подход к изучению лингвокультурологической специфики русской речи чеченцев-билингвов в рамках интернет-сообщений. В соответствии с задачами работы основное внимание сосредоточено на проблеме соотнесения лингвистического знака и образа называемого предмета, а также на соотнесенности лингвистического знака и невербальных знаков в русской речи чеченцев-билингвов в рамках интернет-коммуникации.

В настоящее время лингвокультурология, понимаемая с точки зрения лингвистического подхода, изучает специфику: а) репрезентации в языке менталитета определенного народа, б) отображения в содержании языковых единиц и речевых произведений, составленных из них, ценностно-смысловых категорий культуры, в) средств вербализации явлений культуры. В качестве объекта в современной лингвокультурологии рассматривается «языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения» [Алефиренко 2010: 18]. Это определение объекта современной лингвокультурологии мы принимаем и используем в нашем исследовании.

Сопоставление определенного языка и определенной национальной культуры, по мнению ученых, выявляет сходство в их устройстве и функционировании. Так, Н. И. Толстой в соответствии с тем, как в структуре национального языка различают литературный язык, территориальные диалекты, социальные диалекты и т.п., выделяет «четыре вида культуры:

- 1) культуру образованного слоя, книжную, или элитарную – ей соответствует литературный язык;
- 2) культуру народную, крестьянскую – ей соответствуют наречия, говоры;
- 3) культуру промежуточную, «третью культуру» – ей соответствует просторечие;
- 4) традиционно-профессиональную культуру (торгово-ремесленную, гончарную, пчеловодческую и т.п.) – ей соответствует арго» [цит. по Алефиренко 2010: 18].

Полагаем, что речевая деятельность в рамках интернет-коммуникации, в том числе и русская речь чеченцев-билингвов в Сети, близка к такой разновидности, как «третья культура».

Выводы

Коммуникативный подход к языку позволяет включить языковые единицы в речевую деятельность человека (речевую коммуникацию).

В нашей работе понятия «общение» и «речевая коммуникация» рассматриваются как синонимы. Под речевой коммуникацией понимается взаимодействие, цель которого обмен информацией, прежде всего с помощью такого кода, как язык; общение людей, понимаемое в широком смысле слова. Общение происходит в ходе речевой деятельности человека с помощью различных средств (вербальных и невербальных).

Речевая деятельность, как и любая другая деятельность, характеризуется целенаправленностью, которая выражается в том, что речевая коммуникация в целом ориентирована на собеседника и ставит перед собой следующие задачи: получение информации; передача информации субъекту; решение поставленных задач в результате убеждения субъекта и направления его к

выполнению определенного действия; создание позитивного имиджа говорящего; преодоление преград и достижение понимания со стороны адресата.

Нами изучалась речевая коммуникация на интернет-форумах, которые предназначены для неформального доверительного общения, являющегося одновременно межличностным и межкультурным.

В неформальном общении понятие «успешная коммуникация» наполняется субъективным содержанием, а успешность коммуникации связана с субъективной удовлетворенностью общением, ее критерием являются положительные эмоции.

Для такого жанра интернет-коммуникации, как форумы, характерна диалогическая форма общения, субъект-субъектная форма взаимодействия. Такая форма общения обеспечивает актуализацию потенциалов собственного саморазвития, дает импульс для самопознания и познания другого человека.

Межличностная коммуникация тесно связана с межкультурной коммуникацией. Основу теории межкультурной коммуникации составляют базовые понятия культуры и коммуникации.

В современной науке есть два основных подхода к изучению феноменов межкультурной коммуникации: линейный и системный. В нашей работе применяется системный подход, который основывается на холистических идеях теории систем и выявляется в теориях межкультурной трансформации и конвергенции. Под межкультурной коммуникацией в данном подходе понимается взаимопонимание участников коммуникативного акта, представляющих разные культуры.

Считаем, что исследование межкультурной коммуникации – это не только изучение прямого взаимодействия отдельных коммуникантов или групп, но и изучение всех типов общения, возникших под воздействием научно-технического прогресса – в первую очередь, Интернета. Одним из

перспективных направлений исследования межкультурной коммуникации считаем гендерный анализ вербального и невербального общения в интернет-сети, который представлен в нашем исследовании.

Интернет-коммуникация является активно развивающейся речевой формой. Для нее характерны многофункциональность, коммуникативное многообразие, динамизм, значительное влияние на другие сферы общения.

Существует целый ряд определений интернет-коммуникации. Мы понимаем под данным термином устно-письменную форму речи, являющуюся новым этапом в развитии коммуникационных средств и существующую наряду с устной и письменной формой речи.

Многие ученые полагают, что коммуникация в русскоязычном сегменте Интернета отражает такие закономерности в развитии русского национального языка в целом, как: 1) тенденцию к усилению диалогичности; 2) тенденцию к усилению разговорности; 3) тенденцию к экспрессивизации общения; 4) тенденцию к глобальному снижению и огрублению речи.

В следующих главах мы изучим данные тенденции на собранном нами материале.

Материалом нашего исследования послужили русскоязычные форумы чеченцев-билингвов, такие, как «kavkaz.ws», «palbu.ru» (в переводе с чеченского 'ерунда'), преимущественно «palbu.ru», в силу его бытового характера и гендерно-смешанной аудитории. В целом роль форума в обществе такова: объединение пользователей интернет-пространства по каким-либо социокультурным и лингвокультурным признакам.

В соответствии с задачами нашего исследования в работе используется семиотический подход к изучению лингвокультурологической специфики интернет-сообщений в рамках межличностного и межкультурного речевого общения на русском языке чеченцев-билингвов. В диссертации используется такое понимание объекта лингвокультурологии, как языковая или дискурсивная деятельность, которая рассматривается с ценностно-смысловой точки зрения.

Основное внимание в работе сосредоточено на проблеме соотнесения лингвистического знака и образа называемого предмета, а также на соотнесенности лингвистического знака и визуальных знаков в русской речи чеченцев в рамках интернет-коммуникации.

Глава 2 Лингвокультурологическая и семиотическая специфика репрезентации гендера в русской речи чеченцев-билингвов

2.1 Специфика визуализации и креолизации гендерных компонентов интернет-сообщения в русской речи чеченцев-билингвов

Проведенное анкетирование пользователей русскоязычных форумов, чеченцев-билингвов, показало, что участники коммуникативного процесса в данном сегменте интернет-коммуникации являются людьми от 17 до 35 лет, обладают средним профессиональным или высшим образованием (реже только средним), чаще мужского пола, реже женского пола, владеют и чеченским, и русским языком, пользуются обоими языками в разных сферах общения и в разных ситуациях. Изучение интернет-коммуникации в Чеченской Республике выявило высокую скорость развития русскоязычного сегмента Интернета как особой опосредованной коммуникации. В данном параграфе мы рассмотрим гендерные маркеры в никнеймах, аватарах, сообщениях пользователей русскоязычных форумов чеченцев-билингвов.

По мнению ученых, изучающих феномен интернет-коммуникации, интернет-сообщение в целом обладает следующими свойствами:

1) оно культурогенно и лингвокультурогенно, так как, «с одной стороны, отражает устоявшиеся культурные системы, а с другой – а) порождает новые культуры и субкультуры; б) наделяет новые культуры и субкультуры новым лингвистическим материалом, новым языком для общения;

2) оно виртуализованно, так как дает возможность анонимного общения при помощи виртуальной маски, скрывающей основные личностные параметры;

3) оно гендерно маркировано, поскольку отражает предпочтения и потребности пользователей в зависимости от их половой принадлежности и

гендерно обусловленных модусов коммуникативного поведения» [Галичкина 2012: 62].

Дадим более подробную характеристику двум последним свойствам, так как они являются объектом изучения в данной части исследования.

Виртуализованность интернет-коммуникации выражается в предельной визуализованности и креолизованности интернет-сообщения, что способствует когнитивной доступности информации, подкрепляет текст и усиливает воздействующую функцию коммуникации. Креолизация текста представляет собой лингвовизуальное явление, которое объединяет в тексте вербальную и изобразительную составляющую данного текста и демонстрирует их как единое функциональное целое, которое обеспечивает прагматическое воздействие на адресата текста.

Для лингвокультурологии, в рамках которой проводится значительная часть исследования, из всех видов семиотических знаков наиболее важными являются иконические знаки, или образы. Образ репрезентирует действительность в виде целостной картины, прямо и наглядно представляет объект действительности. Образ может трансформироваться в символический знак, если за его предметным миром значений открывается непредметный мир ценностно-смысловых отношений. Н. Ф. Алефиренко пишет: «Через символы нашему сознанию открывается святая святых культуры: постигаются не поддающиеся разуму смыслы, (а) живущие в бессознательных глубинах души и (б) объединяющие людей в единое этнокультурное сообщество» [Алефиренко 2010: 238].

Гендер является компонентом и коллективного, и индивидуального сознания, поэтому его «следует изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой, – испытывающих определенное давление

аксиологически нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера» [Кирилина 2004: 104].

В данном параграфе изучается **речевое поведение** на русском языке таких индивидов, как чеченцы-билингвы и чеченки-билингвы, в рамках интернет-коммуникации.

Мужественность и женственность – многомерные исторически изменчивые концепты. Культурная репрезентация гендера формируется при помощи тех или иных сторон данных концептов. Особенности концептуализации и вербализации гендера первоначально изучались на материале английского и немецкого языков, что привело ученых к мысли об андроцентризме гендера: «язык отражает мужскую перспективу и ориентирован на человека мужского пола» [Кирилина 2004: 105]. Привлечение других языков, в частности, русского языка, привело к возникновению понятия «степень андроцентризма». Оказалось, что манифестация андроцентризма может быть не столь отчетливой, степень его выраженности является вариативной.

Так, по мнению ученых, западноевропейская культура в силу своей патриархатности основывается на маскулинной норме, субъекте; феминное в этой оппозиции является иным, объектом. Отношения между типично мужским и типично женским базируются на основе доминирования-подчинения-управления. В русской традиционной культуре типично женское и типично мужское представлены несколько иначе: мужское представляется как рациональное и анализирующее; а женское мыслится как интуитивное и синтезирующее. Именно так осмыслялась проблема сосуществования мужского и женского начал в русской философской традиции в трудах В. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова, Е. Блавацкой.

Определяющей чертой гендерной культуры русского этноса, по мнению Н. Н. Колесниковой, является сочетание патриархатности с матриархатностью. Своеобразие способа существования типично женского и типично мужского, по

мнению ученого, проявляется в следующем: «маскулинное начало признается легитимным и доминирующим в сфере общественных отношений и религии, тогда как феминное обретает власть на уровне более архаичных культурных пластов, включающих в себя ментальное пространство, область верований, мифологии. Исходя из этого, правомерно говорить о русской традиционной культуре как о патриархатной по форме и смешанной по содержанию» [Колесникова 2007: 15].

А. В. Кирилина приводит ряд фактов различной концептуализации и вербализации гендера в западноевропейской и русской культуре. «При сравнении немецкого слова «Mann» и русского «мужчина» прежде всего следует отметить значительную количественную разницу. Русский язык не располагает в такой степени, как немецкий, устойчивыми выражениями, соотносимыми не только с мужчиной, но и с человеком в целом. Словарные статьи со словом «мужчина» занимают в русских словарях значительно меньшее пространство, чем в немецких. <...> Сопоставление словарных дефиниций лексических единиц «человек», «мужчина» и «Mensch», «Mann» приводит к выводу о том, что немецкие словари в значительно большей степени, нежели русские, дефинируют мужчину как лицо активное, более сексуализированы и подчеркивают его производящую функцию» [Кирилина 2004: 169-170].

Чеченское слово, называющее мужчину, совпадает со словом, называющим человека, как в западноевропейской культуре. В то же время метафоризация образа Родины в чеченском языке не выявляет определенного гендера: Родина, по-чеченски **ДАЙМОХК-НАНА**, в переводе на русский язык означает 'край отцов – мать'.

Этнокультурное содержание гендера закрепляется на различных уровнях общественного сознания: гендерные стереотипы находят свое отражение в мифологии, фольклоре, в искусстве, в языке, в СМИ, в социальных

взаимоотношениях.

В настоящее время значительную роль в актуализации и в динамике гендерных стереотипов играет интернет-коммуникация [Белинская, Жичкина: <http://www.klubok.net/>].

2.1.1 Вербальные и невербальные средства выражения маскулинности

Интернет определяется как качественно новая сфера коммуникации, обуславливающая специфические социально-психологические характеристики общения. Общение через Интернет занимает все более обширное пространство как в межличностном, так и в межкультурном общении. В настоящее время происходит процесс формирования социо- и этнокультурных традиций коммуникации в Сети.

Использование образов, репрезентирующих понятия «мужественность» и «женственность», занимает весомое место в интернет-коммуникации. И. В. Грошев, выявив в ходе анализа приоритетность образов «мужественность» и «женственность» по отношению к рекламной сфере, полагает, что это обусловлено рядом факторов:

1) «по силе эффекта привлекательности именно изображения людей занимают значительные позиции;

2) наиболее глубокой, внутрисложенной чертой человека является его принадлежность к определенному полу. Мужественность и женственность в известном смысле суть предшественники и изначальные способы выражения сущности, т.е. чего-то такого, что может быть одновременно передано в любой социальной ситуации, и даже такого, что попадает в самую цель при характеристике человека;

3) пол, вкпе с возрастом, дает более глубокое, по сравнению с принадлежностью к определенному классу или какой-либо социальной группе,

понимание того, какой должна быть наша первичная природа и в каких ситуациях она может быть и должна быть продемонстрирована» [Грошев 1999: 11].

Анализ собранного невербального и вербального материала, репрезентирующего понятия «мужественность» и «женственность», на русскоязычных форумах пользователей Чеченской Республики позволяет сделать вывод о том, что данные факторы относятся и к интернет-коммуникации.

По степени соответствия пользователя своему реальному «я» все пользователи Сети делятся «на «естественных», чей реальный облик, статус, пол совпадает с виртуальным, и тех, кто изменяет свои параметры с целью соответствия тем или иным представлениям и стереотипам успешности – создает так называемый аватар» [Волкова 2004: 223]. Виртуальность – неизбежный социальный эффект интернет-коммуникации. Виртуализация социальной реальности, опосредованная интернет-технологиями, трансформирует ее и в то же время превращает виртуальную социальность в новую, не существовавшую ранее действительность.

Покажем это подробнее на материале различных элементов интернет-опосредованной коммуникации: никнеймов, аватаров, статусов, логинов, сообщений пользователей чеченцев-билингвов на русскоязычных форумах.

Гендерная принадлежность пользователя Сети – это его отнесенность к определенному социальному полу, который обусловлен биологическими и социальными различиями между мужчинами и женщинами. Опрос пользователей изучаемых форумов выявил, что коммуникативная свобода, обусловленная дистантностью и анонимностью общения в рамках интернет-пространства, в нашем материале не приводит к маскировке гендера или к его смене. Наш материал выявил, что в изучаемом сегменте интернет-пространства большинство пользователей являются мужчинами (65%), кроме того,

количество сообщений пользователей женского пола является значительно меньшим, чем пользователей мужского пола.

Рассмотрим на нашем материале мужской гендерный стереотип, под которым мы понимаем стереотип, который соответствует понятию «мужественность» и опирается на традиционные мужские характеристики. По мнению А. В. Кириловой, мужчины соотносятся с силой, заработками, сексуальностью, агрессией, движением [Кирилова 2000б: 56- 60].

Анализ собранного материала показывает, что в изучаемом фрагменте Сети можно выделить такие распространенные мужские образы: образ чеченца, образ горца-абрека, образ волка, образ современного крутого мачо, образ воина. Названные мужские образы представлены сочетанием вербальных и невербальных знаков, их классификация была сделана прежде всего на основе содержания вербального знака (никнейма). Основными элементами, составляющими портрет мужчины-чеченца в изучаемом материале, являются никнейм (вербальный знак) в силу своей определенности и заменяющий истинный портрет пользователя аватар (невербальный знак).

Эти два знака создают образ коммуниканта в сети, являются его «речевой маской» (термин, введенный В. В. Виноградовым). Статус, логин, сообщения дополняют, расширяют информацию о мужском гендерном стереотипе, которую передают никнейм и аватар. Никнейм вместе с аватаром составляют специфический вербально-иконический текст, представляющий образ мужчины-чеченца в сети Интернет.

Никнейм, или ник (от англ. nickname, кратко ник (nick)), – первоначально «кличка, прозвище», позднее – сетевое имя, псевдоним, используемый пользователем в интернете, в таких местах общения, как чат, форум, блог. Никнейм является важным элементом жизни языковой личности в виртуальном пространстве Интернета, ведь именно с него начинается создание виртуального образа коммуниканта. Как правило, никнейм определяет речевую доминанту

поведения пользователя. Для никнейма характерна определенная степень закодированности, через цепь ассоциаций он передает информацию о принадлежности к этносу, профессии, полу, субкультуре, а также демонстрирует мировоззренческие, нравственные, эстетические принципы пользователя Сети. Никнейм выбирается самостоятельно (в отличие от реального имени человека), и является вымышленным именем, маской.

Важность изучения никнейма еще и в том, что хотя языки обычно взаимодействуют по всем уровням языковой структуры, существуют интегративные зоны наибольшего взаимовлияния контактирующих языков, среди которых билингвальное ономастическое пространство, а в нем определенное место занимают никнеймы пользователей интернет-сети.

Самым распространенным образом в наших материалах является **образ чеченца**. Этот образ представлен прежде всего никнеймами (словами, словосочетаниями), называющими тейп пользователя в Чеченской Республике, а также место его проживания, номер региона, присвоенный Чечне. Покажем это подробнее:

1) никнейм, называющий какой-либо тейп чеченского народа:

а) sulambek_95 Аллеро;

б) DISHNI K1ANT (в переводе с чеченского языка k1ant означает 'сын');

в) Олег Enkhallo;

г) chinho chinhoev;

д) идрис Гендаргно;

ж) Ламро;

з) artur gunoj;

е) Ислам t1ерло;

ё) UMAR NASHHO;

и) Ч1инхо. Данный пользователь так объяснил свой выбор: «Ч1инхо – один из чеченских тейпов, последователь каждого из которых считает честью,

что относится именно к данному тейпу а не к другому, и с великой гордостью называет свой тейп и дорожит им»;

2) никнейм, называющий район Чеченской Республики, являющийся местом рождения/проживания пользователя: Sayasan boy. Пользователь дал такое пояснение: «Я из села Саясан (Чеченская Республика, Ножай-юртовский район), занимаюсь английским языком, вот и написал САЯСАНСКИЙ ПАРЕНЬ»;

3) никнейм, называющий представителя чеченского этноса: а) Чечен, chechen chechenski, CHECHEN CHECHENOV, chechen _grozni, CHECHEN FROM BELGIE; б) Вайнах;

4) никнейм, называющий номер региона, к которому принадлежит Чеченская Республика: а) patriot_ 95 (Чеченская Республика является 95-ым регионом РФ); б) 95 region !!!!!; в) Амрудди 95region.

Большинство аватаров, сопровождающих названные никнеймы, являются фотографиями конкретных пользователей (выяснено нами в результате опроса), что усиливает реальность портрета пользователя. Аватары других типов встречаются реже. Например, фото парящего орла на фоне голубого неба с надписью «Я чеченец!», рисунок молящегося мужчины на фоне минарета, фото мужчины, мужчины и женщины, танцующих народный танец.

CHECHEN

ChecheN

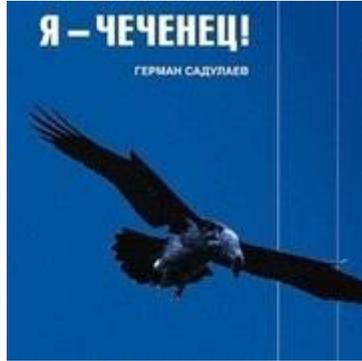
chechen borz

umar majidov

CHECHEN BOY

alik ...

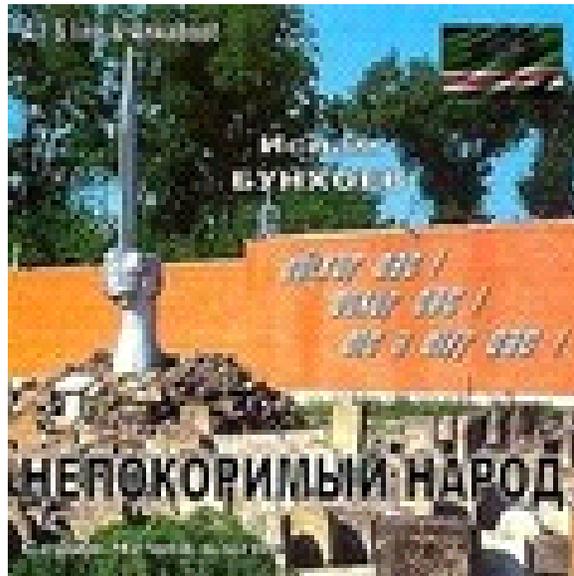
CHECHEN CHECHENOV

Нохчо Барзаев

Нохчо Нохчо

=UMAR= NASHHO=

Human Россия, Чечня, Гудермес

Одним из распространенных образов является **образ волка**. Представлен такими никнеймами:

1) никнейм – чеченская лексема *Borz*: а) Борз, б) Borz (borz в переводе с чеченского – ‘волк’);

2) никнейм – чеченская лексема *borzik* (в переводе с чеченского «волчонок»);

3) никнейм – чеченское слово *Borz*, сопровождающееся чеченскими собственными личными именами: а) BORZ_DAUD, б) LECHI BORZ, в) NAIB BORZ, г) AHMAD BORZ;

4) никнейм – чеченское слово *Borz*, сопровождающееся чеченскими нарицательными именами, обозначающими принадлежность к чеченскому этносу: а) Nohcho Borz, б) чечен борз 95;

5) никнейм – чеченское слово *Borz*, которое сопровождается дополнительными знаменательными словами русского языка:

5а) словами, подчеркивающими одиночество, мужество волка: а) *derskiy_volk* (=дерзкий волк); б) *borz_odinochka* (пользователь так мотивировал

свой выбор: «Вайнах я, потому что кровь во мне волчья и я одинок»),

5б) словами, подчеркивающими, уточняющими смысл слова *Borz*: Просто Борз (пользователь объяснил свой выбор так: «потому что волк доблестный, отважный, честный, непокорный власти, свободный и справедливый»),

5в) словами, которые являются собственными именами большой культурологической нагруженности в современной истории человечества: Борз Че (ЧЕ – сокращенное слово «чеченец», в этом случае мы наблюдаем явление языковой игры: отзвучие с именем Че Гевара);

6) никнейм – чеченское слово *Borz*, которое сопровождается номером Чечни как региона: Борз 95 (цифра 95 – это Россия, Чечня);

7) никнейм – чеченское слово *Borz*, которое сопровождается указанием времени рождения или возраста: а) Борз 30 января 1985 (день рождения), б) Борз 26 лет (возраст);

8) никнейм – словосочетание русского языка, представляющее образ волка через наименование его центрального органа: Волчье сердце;

9) никнейм – перифрастическое выражении на русском языке, описывающее волка: перокорнуj begle (=непокорный беглец).

Аватары, сопровождающие названные никнеймы, чаще всего являются фотографиями или рисунками волка (на фоне гор, леса, знамени Чеченской Республики, с надписями на рисунке, например, популярны такие: «Жизнь богу, честь никому», «Berzloy», что в переводе с чеченского означает ‘волки’), реже – это фотографии пользователей-мужчин.

Borz

БОРЗ БОРЗ Борз Nohcho

БОРЗ ALBERT || БОРЗ ЧЕ

Борз 95 REGION

АВРЕК

Охарактеризуем лингвокультурологические особенности выбора никнейма Борз/ Волк / Borz мужчинами-чеченцами на русскоязычных сайтах. Мы провели опрос в интернет-сети и представляем его результаты.

Как мы писали ранее: «Ряд пользователей объяснили свой выбор ника Borz. Пользователь **borz_odinochka**: «Вайнах я, потому что кровь во мне волчья и я одинок»» [Мустапаева 2014а: 212]. Один из пользователей с никнеймом **BORZ_DAUD** (Астана, Казахстан) пишет так: «Волк как Чеченская Республика, живет по своим правилам, Волк это одиночка, который выживает сам, где без связей, я тоже, как волк, нет родственников, только мама и сестра. Знаешь, чем нравится, потому что люди протестуют против власти, которая должна помогать народу, а она, наоборот, ущемляет права людей». «Пользователь **Nohcho Borz** написал так: «потому что волк доблестный, отважный, честный, непокорный власти, свободный и справедливый»» [Мустапаева 2014а: 212]. Владелец никнейма **АНМАД BORZ** считает: ««Потому что волк – вольный, свободный, независимый и одинокий»» [Мустапаева 2014а: 212]. Коммуникант **LECHI BORZ** объяснил свой выбор таким образом: ««короче, волк – смелый, отважный, сильный, благородный,

справедливый, бескорыстный и любит родину»» [Мустапаева 2014а: 212].
«Пользователь **Проста Борз** ответил: «А это значит главарь, волк означает»» [Мустапаева 2014а: 212].

Мужчины-чеченцы берут никнейм БОРЗ и его различные варианты в силу восхищения этим животным, акцентируют свою силу и надежность, свободу и независимость, желание встать на защиту своей Родины. Этот никнейм берут и пользователи, у которых очень мало родственников, и им приходится надеяться только на свои силы.

Выбор пользователями-чеченцами образа волка обусловлен исторически: волк с древних времен выступает мистическим символом силы духа и свободы. Так, Альвин Каспари в книге «Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа», первое издание которой вышло в начале XX века, пишет: «...Чеченцы неукротимы, необыкновенно выносливы, храбры в нападении, защите и преследовании. Это – хищники, каких немного среди горных рыцарей Кавказа; да и сами они не скрывают этого, избирая среди царства животных своим идеалом волка» [Каспари 1904: 43].

Мы уже писали, что «волк для чеченцев издревле является примером для подражания и восхищения. Во многих чеченских произведениях все положительные герои сравниваются с волком, к примеру, у известного чеченского историка и писателя Далхана Хожаева есть произведение «Чеченский волк Солтамурад Беноевский», главный персонаж которого является одним из известнейших героев Чеченской Республики» [Мустапаева 2014а: 213].

Легенда о Волке в день Апокалипсиса дает объяснение символизации чеченцами волка:

«Давным-давно, когда на земле обитали только звери и насекомые, поднялся сильный ветер. Рухнули деревья, моря и реки растеклись по земле, горы рассыпались в прах. Все живое было или унесено ветром, или

разбежалось, спасая свою жизнь. Только один волк, упрямо вцепившись когтями в землю, остался сидеть против ветра. Даже тогда не сдвинулся он с места, когда его окровавленная шкура, содранная от носа до хвоста, запылаха на ветру. Спустя некоторое время ураган утих, выглянуло солнце, оправилась от потрясений земля. Все пришло в прежнее состояние. Вернулись дикие звери. Сбравшись вокруг волка, они в изумлении спросили его: «О волк, ты не сдвинулся с места, когда падали деревья, рушились горы, вода заливала землю, а все живое, обезумев, бросилось прочь в надежде спасти свою жизнь!». Гордый волк, окинув взглядом бескрайнюю даль, ответил: «Я стою на земле моих предков. Какая бы беда ни пришла, у меня нет места, куда бы я смог уйти, оставив Родину». Понурился, расходясь по своим норам звери...» [https://infourok.ru/klassniy-chas-simvoli-chechenskoj-respubliki-741307.html].

Мы уже отмечали ранее, что «мальчики, парни, мужчины, старики чеченцы считают гордостью и большой честью, если их сравнивают с волком. О только родившемся маленьком мальчике говорят: «Цхъа борз хир ю цунах!» (“Он будет настоящим волком”), желая тем самым мальчику вырасти отважным, смелым, сильным, гордым и справедливым. «Цхъа борз яра и!» (“Он был истинным волком!”) – так говорят о павшем в бою за Родину или против несправедливости» [Мустапаева 2014а: 214].

Исследование чеченского языка, его грамматики, лексики было начато выдающимся русским кавказоведом XIX века Петром Карловичем Усларом. Он впервые дал научное описание грамматики чеченского языка, сопроводив это описание словарем и образцами устного народного творчества. В своей монографии, посвященной чеченскому языку, ученый писал: «Волк – самый поэтический зверь в понятии горцев. Лев, орел изображают силу – они идут на слабого; волк идет на более сильного, чем он сам, недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью; в темную ночь бродит вокруг стада, вокруг аула, откуда ежеминутно грозит ему смерть. Попав в безвыходную ситуацию,

волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют настоящего героя по горским понятиям. В чеченской песне говорится, что волчица щенится в ту ночь, когда мать рождает чеченца» [Услар 1888: 201].

Одним из распространенных образов является **образ горца-абрека**. Образ горца-абрека выражают никнеймы:

1) никнейм – русская лексема *абрек* на кириллице или латинице, обозначающая горца-абрека, или ее повтор, реже одноименная лексема чеченского языка: а) Абрек, б) абрек-абрек, в) Abrek Abrekov, г) Обург – в переводе с чеченского ‘абрек’;

2) никнейм – лексема *абрек* + собственное имя, называющее известных абреков прошлого: а) абрек Зелимхан, б) абрек Зелимхан Харачоевский, в) абрек Вара, г) DATA TUTASHKIA. Подобный никнейм усиливает символическое содержание визуальной составляющей портрета мужчины-чеченца в Интернете;

3) а также никнейм Нохчо, собственные чеченские имена, лексема *самурай*, которые сопровождаются рисунками воображаемых абреков;

4) никнейм – лексема *бандит* или ее варианты: а) banditos, б) bandit 95, в) Бандито, которые сопровождаются рисунками воображаемых абреков. Пользователь последнего ника так объяснил свой выбор: «выбрал, потому что чеченцев называли бандитами, а я чеченец».

5) никнейм – словосочетание *самурай одинокий*, смысл которого в современном его понимании, по нашему мнению, близок к пониманию смысла слова «абрек».

Некоторые пользователи объяснили выбор своего никнейма, например, **MAGA BANDIT** написал так: «Ник Абрек мне стал по душе, когда узнал о Зелимхане Абреке, залез в википедию, узнал што значит Абрек, и вот понял, што это отчасти мое» (орфография и пунктуация автора). Пользователь **abrek-**

abrek как аргумент в выборе своего ника привел цитату из книги «Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа (СПб. 1904): «...Чеченцы неукротимы, необыкновенно выносливы, храбры в нападении, защите и преследовании».

Аватары, репрезентирующие образ горца-абрека, это рисунки абрека на коне на фоне ночного неба или гор: всадник вооружен, одет в традиционную одежду горца; реже это рисунок нескольких сражающихся абреков на фоне гор или поясной портрет конкретного абрека прошлого. Названное визуальное сообщение является символическим, не совпадающим с портретом реального пользователя Сети. Такой аватар может сочетаться с разными по признаку реального/символического представления другими элементами портрета мужчины-чеченца в Интернете, например, с рисунком волка (нередко взятым из Интернета). Остальные виды сообщений являются собственно лингвистическими: это никнейм, статус, логин, сообщения.

Логин аватара-рисунка Абрек может характеризовать реального пользователя. Например, логин salam9571@mail.ru пользователь аватара Абрек расшифровал как Саламбек Алимханов: salam – сокращение от имени пользователя Саламбек, 95 – регион ЧР, 71 – год рождения. Логин mahrudin@inbox.ru пользователь аватара Абрек расшифровал как Махрудин (мужское имя, распространено в Чеченской Республике).

Логин аватара-рисунка Абрек может сочетать характеристики символического и реального пользователя. Например, логин abrek74@mail.ru пользователь аватара Абрек расшифровал как Абрек, родившийся в 1974 году.

АБРЕК

ABREK GROZNEFSKIY

Шамиль Хасанов **Нохчо**

Бандито

АББУ - БАКАР СПРАВЕДЛИВЫЙ

Чеченская, Ножай-Юртовский

Muhammad 95 DATA TUTASHKIA Россия, Чечня, Грозный

самурай одинокий Россия, Чечня
Bandit 95 Россия, Чечня, Грозный

Одним из распространенных образов является образ **воина**. Он представлен такими никнеймами:

1) никнейм – номинация воина/борца из прошлого человечества: представителя античной средиземноморской культуры или средневековой японской культуры, или представителя революционного движения в Латинской Америке: а) наименование Gladiator (=гладиатор), б) наименование самурай одинокий, который сопровождается аватаром, изображающим вооруженного мужчину и надписью «Жизнь богу, честь никому!» (этот ник в сочетании с иным аватаром может относиться к образу абрека); в) наименование ОХОТНУК НА ЗВЕРя, который сопровождается аватаром, являющимся копией знаменитого портрета Че Гевары на зеленом фоне и надписью на английском: «Give me the freedom»;

2) никнейм – перифрастическая номинация неуловимого воина: BlackPrizrak (= «черный призрак»), которая сопровождается аватаром-фотографией спецназовца в краповом берете, на лице которого нанесена маскирующая краска;

3) никнейм – виртуальное двойное имя: АрбиКарлос, которое сопровождается аватаром-фотографией самого пользователя в модной гражданской одежде на фоне артиллерийского орудия;

4) никнейм – высказывание Кавказ рулит!, которое сопровождается фотографией оскаленной морды волка;

5) никнейм – номинация части взрывного устройства: ДеТОНАТОр !!!, которая сопровождается аватаром-фотографией знамени Ичкерии.

В нашем материале мы нашли вербализации данного образа в статусе, который выбирает сам пользователь (а не админы сайта или форума). Это статус *Чеченский динамит*, который является номинацией взрывчатого вещества с уточняющим прилагательным этнического характера. Его автор написал, что «хочет показать свою силу и мощь», при выборе статуса несомненно сказались последствия войны, когда стали крылатыми фразы «чеченский атом – гранатомет», «чеченский пулемет», «чеченский снайпер»,

«чеченский камикадзе», «чеченская пуля» и т.д.

Считаем, что образ воина является общим для мужчин-пользователей Интернета в Российской Федерации. Об этом свидетельствуют многочисленные аватары и никнеймы аналогичного характера на различных российских форумах, таких, как guns.ru, inoSMI.RU, GameNet, sayeyou.ru, deadland.ru, imtv.ru, Balarser.ru и др.

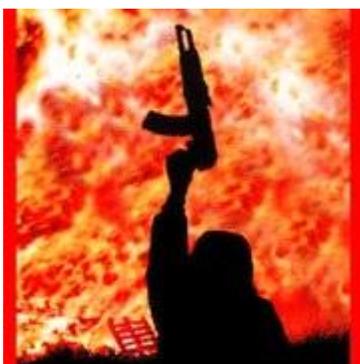

BlackPrizrak, Чеченская, с. Бетум-Кали
chechen-taekwondo95

нохчо 100%

Муса Магомадов

Наkim

Асламбек Мусаев

Rustam XXX, Россия, Чечня,

Adidas 95

23 года (13.07.1988),

Россия, Чечня, Гудермес

9Барса9 Барса Россия, Чечня, Гудермес

Ликбез Бетерович Россия, Чечня, Гудермес

Нередко никнейм, содержательно относящийся в образу воина, сопровождается нейтральным аватаром.

§§§~[KILLER]~[MAN]~§§§
Россия, Чечня, Гудермес

Образы волка, абрека и воина близки по своему содержанию, и порой трудно их дифференцировать, их разграничение нередко является условным.

Одним из распространенных образов является **образ современного крутого мачо**. Представлен, например, такими никнеймами:

1) никнейм, состоящий из сокращенных и полных слов русского языка, дающих социальную характеристику мужчины по отношению к браку, а также называющих модные атрибуты современной жизни: наименование MbXolostyak-CheRap. Пользователь дал такое пояснение: Mb – «мобильный», Xolostyak – «холостяк», Che – «чеченский», Rap – «рэп»;

2) никнеймы – слова, словосочетания русского, редко чеченского языков, обозначающие лиц по признаку избранности, элитарности: а) номинация Малахов Плюс, б) наименование Агент_744 неважно, в) номинация Артур. Король Королей, г) наименование горец – один такой; д) номинация VIP PERSONA _ IZ 95-REGIONA (т.е. вип персона из 95-го региона); е) наименование Ferзь (=ферзь); ж) наименование Albert lider (=Альберт лидер); з) номинация FELD MARSHAL (=фельдмаршал); и) наименование Единственный нормальный парень, ё) номинация Mario (европейское имя); и) boss-рамзан, к) наименование Mr. Rahman (пользователь так объяснил выбор: «нравится английское обращение «мистер», вот и написал»; л) номинация Mr. Bender;

3) никнеймы – слова, словосочетания русского языка, акцентирующие сексуальность мужчины: а) номинация МаЛьчик-КраСАвчик; б) номинация Дамский Угодник;

4) никнеймы – слова, словосочетания русского языка, акцентирующие независимость, самостоятельность мужчины: а) номинация ЧеТкИЙ ПаРеНЬ, б) номинация SKITALEС PO EVROPE (=скиталец по Европе);

5) никнеймы – слова, словосочетания русского языка, подчеркивающие отрицательные качества мужчины: а) номинация Плохой Парень, б) номинация Шпион США; в) номинация Hishnik (=хищник), г) номинация §§§~[KILLER]~[MAN]~§§§ (килермен);

б) никнеймы – слова, словосочетания, высказывания на русском языке скоморошеского характера: а) наименование ходи мимо, б) номинация Честный ВРУН, в) номинация VIP БЕЖІУ. Автор так мотивировал выбор своего ника: БЕЖІУ – «на чеченском языке означает «пастух», написал для прикола». Данный никнейм сопровождается аватаром-фотографией машины Мерседес;

9) никнейм – словосочетания русского языка, являющиеся перифрастическим обозначением человека через зооморфный образ беркута: номинация malуi berkut (=малый беркут);

10) никнеймы – слова, словосочетания, состоящие из испанского и английского слов, подчеркивающие положительные качества мужчины: а) номинация Amigo ..., б) номинация Amigo _best (=лучший друг).

Аватары, сопровождающие названные никнеймы, являются чаще всего фотографиями дорогих машин, подземных гаражей с несколькими машинами; владельцев этих машин на фоне своих машин, внутри своих машин, машины с девушкой, сидящей на капоте в красных босоножках на высоких каблуках (видны только ноги от колен); фото дорогих марок телефонов, кабинетов с мебелью под старину; фото пользователей у дорогих особняков, на фоне знаменитых небоскребов Шанхая, Эйфелевой башни, на фоне рекламы Адидаас, в модной одежде, темных очках, уверенно глядящих в объектив камеры; фото львов, тигров, орлов.

Этот же образ вербализован в портрете пользователя Сети иначе, через

имя и фамилию: имя – Шамиль, фамилия – Бонд.

Статус «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше!»

Адам

Magomed J

Artur Gubaev

Артур. Король Королей,

Muhammad 95

Россия, Чечня, Грозный

Агент_744 неважно Россия, Чечня, Гудермес

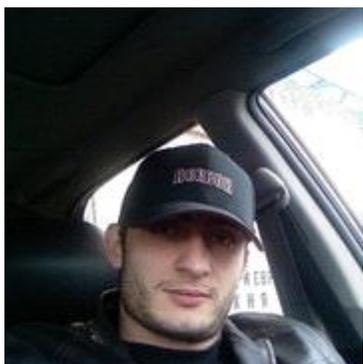

Сулейман А., Россия, Чечня

ARBI *****

malu berkut Европа, Норвегия, Осло

Ferzъ

Россия, Чечня, Грозный

Честный ВРУН

ОДИНОКИЙ СТРАННИК

Россия, Чечня, Гудермес

Аyub ("VIP")

Россия, Чечня, Гудермес

Образ современного крутого мачо часто выражается в семантике и прагматике сообщений на форумах: например, это сообщения о блондинках, глупых и красивых, которых предпочитают мужчины-чеченцы, как и мужчины любой культуры и национальности. Например, в теме «Существует ли любовь?» мы нашли такую переписку двух пользователей-мужчин:

А. «Балам бац. Блондинка eeee)). Словосочетание «балам бац» в чеченском языке означает ‘нет дела’.

Б. «Я, если хочешь, одну-двух-то подгоню тебе)), у меня их много))».

К образу современного крутого мачо, на наш взгляд, относятся виртуальные образы комического характера, в которых пользователь выставляет себя в ироническом или комическом свете, что характерно для всего русскоязычного сегмента Интернета. А. А. Сычев пишет: «Виртуальная жизнь в мире Интернета ... и всенародная карнавальная жизнь средневековья в трактовке М. Бахтина имеют ряд общих черт. Прежде всего, отметим, что виртуальность, как и карнавал, есть сама жизнь, но жизнь, выходящая за пределы обыденности и официальных регламентаций и оформленная особым игровым образом» [Сычев 1997: 147]. К таким мы отнесли образы, созданные сочетанием следующих ников и аватаров:

1) ник `varvar amir`, сопровождающийся аватаром, изображающим младенца в середине огромного капустного кочана;

2) ник banditos, который сопровождается аватаром, являющимся кадром из мультфильма, на котором изображен комичный мужчина с большим носом и большим животом, танцующий лезгинку;

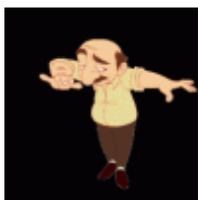
3) ник ХАЦКЕР. Пользователь так объяснил его значение: «хацкеры – это люди без профессиональных навыков, косящие под хакеров»;

4) аватар, являющийся монтажом: фотография Б. Обамы, выступающего в Овальном кабинете, на стене которого портрет пользователя Navaja Datueva.

varvar amir

Navaj Datuev
Россия, Чечня, Грозный

banditos

Чеченская. Гудермесский р-н, с. Гудермес

Необходимо отметить, что образ современного крутого мачо и его атрибуты (крутые машины и телефоны, блондинки, отнесенность мужчин к избранным) является общим для мужчин-пользователей Интернета в Российской Федерации (см. различные форумы Рунета, например, форум мужчин. рф, Forum-Grad.ru, mujchin.net и т.п.).

Представим выделенные образы в таблице.

Разновидности образов пользователей мужчин

Вид образа	Репрезентация образа (через никнейм, аватар)	Примеры
1. Чеченец	Никнейм – лексема, называющая какой-либо тейп чеченского народа. Аватары – фотографии конкретных пользователей, фото горного пейзажа определенной местности Чечни.	БИЛТТО (тейп чеченского народа)
2. Зооморфный образ (чаще всего волк, редко беркут)	Никнейм, называющий волка на чеченском или русском языке. Аватары – фотографии или рисунки волка (на фоне гор, леса, знамени Чеченской Республики), реже – фотографии пользователей-мужчин.	borz_odinochka, NAIB BORZ, Волчье сердце, Борз 30 января 1985
3. Горец-абрек	Никнеймы – лексемы <i>абрек, бандит</i> . Аватары – рисунки абрека на коне, на фоне ночного неба или гор, поясной портрет конкретного абрека прошлого.	абрек Зелимхан Харачоевский, абрек Вара, bandit 95, Бандито, DATA TUTASHKIA
4. Воин	Никнейм – номинация воина/борца из прошлого человечества. Аватары – рисунки названных воинов/борцов, портрет Че Гевары, фото вооруженного мужчины, фото спецназовца в краповом берете. Определенные надписи на рисунках, фотографиях, например, «Жизнь богу, честь никому!».	Gladiator, самурай одинокий, BlackPrizrak ДеТОНАТОр !!
5. Мачо	Никнеймы – слова, словосочетания русского, редко чеченского языков, обозначающие лиц по признаку избранности, элитарности, акцентирующие сексуальность мужчины. Аватары – фотографии	VIP PERSONA _ IZ 95-REGIONA, Ferzъ, Albert lider, «FELD MARSHAL, Единственный

	дорогих машин; владельцев этих машин на фоне своих машин, внутри своих машин, фотографии пользователей у дорогих особняков, на фоне знаменитых небоскребов Шанхая, на фоне рекламы Адидас, в модной одежде, темных очках.	нормальный парень, Дамский Угодник, Честный ВРУН. Великолепный, Mr. Bender
--	---	--

Следовательно, мужской гендерный стереотип в таком фрагменте Сети, как русскоязычные форумы Чечни, включает общие для пространства российского Интернета характеристики и этноментальные составляющие, бытующие только на форумах Чеченской Республики. Данные образы ориентированы на социальный статус мужчины, сексуальность которого складывается из самоуверенности, власти, силы, решительности, благородства, склонности к риску, приоритетной социальной роли. Выявленные разновидности портретов пользователей-чеченцев выявляют упорядоченность в их представлениях о мире. Согласимся с Г. Г. Почепцовым в том, что «случайное не является знаковым. Знаковое и не может быть случайным, поскольку предполагает отсылку на базисный вариант увиденного/услышанного. ... Новое полученное сообщение понимается сквозь прошлый опыт, где это или подобные сообщения уже прошли обработку» [Почепцов 2006: 166-167].

Изучение собранного материала показало наличие в интернет-коммуникации русскоязычных чеченцев-билингвов виртуальных образов, основанных на характерных для чеченского народа силе духа, стремлении к свободе.

Влияние европейской и американской культур и языков в этом случае оказалось идентичным их воздействию на весь сегмент интернет-опосредованной коммуникации на русском языке и достаточно формальным и поверхностным: это редкие наименования героев британской массовой

культуры и американских боевиков (Бонд), античной европейской культуры (гладиатор), средневековой японской культуры (самурай), латиноамериканской культуры (Че Гевара), исторических личностей британской истории (король Артур).

Уместно выразить наше мнение о социокультурных коннотациях лексемы *Чечня*, которую пользователи нередко употребляют в своих сообщениях, статусах, логинах. Есть мнение, что данное слово распространилось под влиянием американских СМИ, которые только так и называют Чеченскую Республику, и может считаться показателем влияния американской культуры. Но в НКРЯ (Национальном корпусе русского языка) зафиксировано 492 вхождения лексемы *Чечня* в 303 документах, преимущественно в газетно-публицистических источниках, как федерального, так и регионального уровня, авторами которых являются представители и русского, и чеченского народа. Приведем некоторые примеры.

«В Подмосковье зонами повышенного риска считаются Шатурский, Луховицкий и Озерский районы, по России в целом – Якутия, Алтай, Тува, Бурятия, Северная Осетия, Адыгея, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Чечня, Дагестан и Кабардино-Балкария» [Петр Александров. Дачные риски // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010, 2010] [<http://www.ruscorgora.ru/>].

«Самой титулованной была финальная пара в тяжелой весовой категории (91 кг) – мастера спорта международного класса волгоградец Евгений Романов и Рахим Чахкиев из Ингушетии, который и стал чемпионом ЮФО. В весовой категории 91 кг Магомед Адамов (Чечня) выиграл финальный поединок у Хизира Плиева из Ингушетии» [Михаил Бердичевский. Азов спортивный, гостеприимный (2004) // «Приазовский край», 2004.10.07] [<http://www.ruscorgora.ru/>].

«Что касается Королевства Саудовская Аравия, то в официальном плане

Эр-Рияд всегда заявлял о том, что Чечня является неотъемлемой частью Российской Федерации» [В. И. Трубников. Интервью агентству Интерфакс по проблемам борьбы с терроризмом (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.05.25] [<http://www.ruscorpora.ru/>].

В целом наши наблюдения подтверждают такую черту интернет-коммуникации, как ее аксиологичность, которая, по мнению ученых, выражается в том, что коммуникация в Сети «поддерживает старые и внедряет новые духовные ценности, отстаивает старые поведенческие правила, утверждает новые моральные нормы» [Галичкина 2012: 63].

2.1.2 Вербальные и невербальные средства выражения феминности в интернет-коммуникации

Как мы писали ранее: «Женский гендерный стереотип – это стереотип, соответствующий понятию «женский», «женственность» с опорой на традиционные женские характеристики. Традиционно женщина ассоциируется с такими понятиями и качествами, как материнство, семья, работа по дому, верность, забота, нежность, слабость, мягкость, физическая привлекательность. Анализ вербальных и невербальных компонентов женского портрета в Сети выявил несколько образов чеченских девушек и женщин, пользователей Интернета» [Мустапаева 2013б: 28]. Условно мы номинировали их так: «1) «красавица»; 2) «чеченка»; 3) «домашняя»; 4) «скромница»; 5) «европейская женщина»; 6) «философ»» [Мустапаева 2013б: 28]. Необходимо сказать, что данная дифференциация женских портретов является нестрогой. Ряд никнеймов и аватаров можно отнести к нескольким видам. При дифференциации женских портретов мы опирались прежде всего на содержание никнейма.

Образ красавицы – девушки, которая хочет понравиться, тщательно

относится к тому, как она выглядит, понимает, что она красива, умна и образована, понимает, что не стоит этим кичиться; она не выставляет свою красоту напоказ: закрытое платье, скромное выражение лица, которое может быть и полностью открытым. Вербализован в собранном материале следующими типами и видами ников:

1) никнеймы – номинации на русском, а также чеченском и английском языках, а также одновременно на разных языках, восхваляющие женщину, показывающие ее исключительность, опасность для мужчины:

а) наименование Samayahaznig (никнейм состоит из двух слов: русского местоимения *Samaya* (=самая), переданного на латинице, и чеченского слова *hazing* (=хазниг), переданного на латинице, означающего в чеченском языке 'красивая');

б) наименование Diamond Ledi» (=Бриллиантовая Леди – английские обращение и существительное);

в) номинация Magic Women (т.е. женщина Волшебница – словосочетание на английском языке);

г) номинация One I such !!! (т.е. «Одна я такая!» – высказывание на английском языке);

д) номинация ~ Единственная ~ (русское слово);

ж) номинация OpAsNa & PrEkRaSnA (т.е. Опасна и Прекрасна – словосочетание на русском языке);

з) номинация "NeViDiMkA" (("VIP")) (т.е. Невидимка ВИП – словосочетание на русском языке);

е) номинация MaRiShKa VaMп (т.е. Маришка Вамп словосочетание – на русском языке);

ё) номинация DIVA KAVKAZA (т.е. дива Кавказа – словосочетание на русском языке);

и) номинация ОСОБО ОПАСНАЯ (словосочетание на русском языке).

Аватары, которыми пользовательницы сопроводили названные выше никнеймы, – это фотографии красивых коробочек, шкатулок, в которых много женских украшений: колец, ожерелий, бус; фотографии актрис; фотографии пользовательниц с тщательным и ярким макияжем, детские фото пользовательниц; реже – фото архитектурных достопримечательностей Европы.

Ламро ***** Samayahaznig
Россия, Чечня

Лица 95 Россия, Чечня, Грозный
Madi ****

111 лет (24.06.1900), свободна Россия, Чечня

VIP PERSONA _ IZ 95-REGIONA
Россия, Чечня, Грозный

madina **** Россия, Чечня, Грозный

Магга Мустапаева

Россия, Чечня, Гудермес

Diamond Ledi Россия, Чечня

DIVA KAVKAZA

Россия, Чечня, Грозный

OpAsNa & PrEkRaSnA

Россия, Чечня, Грозный 111 лет (08.03.1900)

One I such !!! Россия, Чечня, Гудермес

АМИНА Россия, Чечня, Гудермес

Magic Women Россия, Чечня

Образ домашней девочки, девушки. Вербализован в собранном материале следующими типами и видами ников:

1) никнейм – номинация, являющаяся словосочетанием на русском языке, характеризующим женщину по отношению к родителям:

а) наименование Папина Доча [Мустапаева 2013б: 29];

б) Mama DoGachka [Мустапаева 2013б: 29]. Первое слово – это русская лексема на кириллице, второе слово – чеченская лексема на латинице DoGachka, означающая ‘сердечко’, с русским уменьшительно-ласкательным суффиксом;

2) никнейм – номинация ласкательного характера, не свойственная чеченскому языку, созданная по образцу русских уменьшительно-ласкательных собственных имен (домашние имена):

а) от европейского имени: Dishka M – (Дишка – ласкательное имя с русским суффиксом от полного европейского имени Диана)» [Мустапаева 2013б: 29];

б) от чеченского имени SeDo4kA (ласкательное имя с русским суффиксом от полного чеченского имени Седа) [Мустапаева 2013б: 29] .

Аватары, которые характерны для названных никнеймов, также репрезентируют образ домашней девочки, девушки: фотография ребенка с игрушкой, имя которой на кириллице, фотография ребенка на руках у членов семьи, фотография всей семьи, девушки с мамой, с сестрами, с братьями,

нескольких поколений женской половины семьи, фотография котенка, девочки с котенком, детей, рисунок девушки с игрушкой.

malika dohtukaeva. 35 лет

M@gin@ ...

Россия, Чечня, Грозный

Алика _Россия, Чечня

Седа Алероева

Россия, Чечня, Грозный

Папина Доча Россия, Чечня, Грозный

Лина*** **

Россия, Чечня, Грозный

Юга хьо са дуй

zalina 95

просто так

Россия, Чечня, Грозный

Xedi Govdaeva

Азия, Казахстан, Карагандинская область, Караганда

займан arzimova

Россия, Чечня, Гудермес

Образ скромницы. Вербализован в собранном материале следующими типами и видами ников, прежде всего скрывающими личность пользовательницы (основной признак для выделения этого образа, так как для пользовательниц в своем большинстве характерно название имени, фамилии, даже электронного и почтового адреса):

1) никнейм – номинация-высказывание на чеченском и русском языке: *hava ne vajno* (т.е. имя не важно);

2) никнейм – номинация-перифраза флористического характера чеченского языка: *Zezag ****** (слово *Zezag* в чеченском языке обладает значением ‘цветок»’);

3) никнейм – номинация на русском языке, скрывающая личность пользовательницы: а) *НеЗнаКомКа*; б) *иНКогНиТо*; в) *Улыбнутая*; г) *ПаЗиТиФфФкА!*; д) графические символы: *_ _ _ _ _ , *** ***.

В то же время ряд никнеймов можно отнести и в группу портретов европейской женщины: это ники *Улыбнутая*, *ПаЗиТиФфФкА!*, характеризующие женщину как открытую личность, ведь естественный язык позволяет множество прочтений. У. Эко писал: «Сообщение с эстетической функцией оказывается неоднозначным прежде всего по отношению к той

системе ожиданий, которая и есть код» [Эко 1998: 79].

Аватары, которые характерны для названных никнеймов, также репрезентируют образ скромницы: фотография цветка с надписью «Ислам и нравственность»; фотографии различных цветов, кадры из русских и японских мультфильмов, на которых героини этих мультфильмов (Маша, Момо); рисунок ангела; фотографии самих пользовательниц в повороте, вполборота, с частично закрытым лицом,

Aisha В. Россия, Чечня, Грозный

НеЗнаКомКа

Samira love Чеченская, Гудермесский р-н, 810 км

just _Aza Чеченская, Грозненский р-н, с. Октябрьское

Medina 95 Россия, Чечня

MANA. D. Россия, Чечня, Грозный

Dishka M. Россия, Чечня, Гудермес

Zezag **** Россия, Чечня, Гудермес

hava ne vajno

Россия, Чечня, Грозный

АМИНА

SHANADAT Россия, Чечня, Грозный

ПаЗиТиФфФкА ! Азия, Казахстан, Алма-Ата

Улыбнутая
Чеченская, Введенский р-н, с.Агишбатой

L* K
Россия, Чечня, Гудермес

Образы красавицы, скромницы, домашней девушки, женщины ориентированы на традиционные гендерные стереотипы: мужчина как символ власти и независимости, женщина как слабая, подчиненная, внешне привлекательная, желанная, как хранительница очага. В названных образах пользовательница Интернета ориентируется на мужчину, стремится заслужить похвалу со стороны мужчины, соответствовать его социальным ожиданиям. В то же время образы красавицы, скромницы, домашней девушки, женщины лишены ярко выраженного сексуального характера, хотя внешняя привлекательность прослеживается. Социальный статус женщины остается

неопределенным.

Подобные женские образы распространены и в речи носителей русского языка в интернет-коммуникации, т.е. являются общими для всего русскоязычного фрагмента сети.

Образ чеченки. Представлен в нашем материале такими никнеймами:

1) никнейм – чеченское собственное имя + номер региона Чеченской Республики: Medina 95;

2) никнейм – чеченские имя и фамилия, реже только фамилия или только имя: Амина Дебишева, Таиса Шаипова, Iiana Mukaeva, Anu Umarova, * Дадаева, Тома М;

3) никнейм – чеченское собственное имя, переданное латиницей, + русское название представителя чеченского этноса: Xavawka Чеченка;

4) никнейм – европейское собственное имя + название вероисповедания на английском языке: Lolita muslim girl (в английском языке *muslim girl* означает ‘мусульманская девушка’);

5) никнейм – чеченское собственное имя + описательное название Чечни на английском языке: Джадарат nohchiland (чеченское собственное имя передано кириллицей, сложное слово *nohchiland* состоит из чеченской лексемы *nohchi*, переданной латиницей и обладающей значением ‘чеченская’ и слова *land*, в английском языке имеющего значение ‘земля’).

Аватары, которые характерны для названных никнеймов, также репрезентируют образ чеченки: фотография футболки с изображением герба Чечни, фотография пользовательницы на фоне флага Чечни, фотография пользовательницы в хиджабе, с повязкой на лбу с надписью на кириллице чеченского слова Нохчи (‘чеченская’), в национальном костюме, с Кораном в руках, в молитвенной позе; фотография гор с надписью на кириллице ИСЛАМ, селений Чечни; древних башен, мечетей Грозного; фотография картины, на которой художник изобразил женщин в хиджабах. Иногда никнейм и аватар

совмещают разные портреты чеченки-пользовательницы Интернета, например, никнейм «Хававка Чеченка» сопровождается фотографией Маши из мультфильма «Маша и медведь», ник Zezag ***** (слово *Zezag* в переводе с чеченского ‘цветок’) – фотографией чеченской девочки в национальном костюме с Кораном в руках. Необходимо отметить, что образ чеченки включает в себя и религиозный компонент – принадлежность к мусульманскому миру, что явствует из визуальных знаков, сопровождающих никнейм.

Lianamukaeva Амина Дебишева Россия, Чечня

Anu Umarova

Азия, Казахстан, Карагандинская область,

ZEZAG ALIEVA Таиса Шаипова Россия, Чечня, Грозный
Россия, Чечня, Грозный

Малина Садулаева

* Дадаева

Россия, Чечня, Гудермес

linz linz

Лолита_ muslim girl

Россия, Чечня, Грозный

Джадарат pochiland

Образ европейской женщины. Вербализован в собранном материале никами, которые представляют собой широко распространенные собственные европейские имена в их полном официальном варианте или в сокращенном разговорном варианте, а также этикетные обращения к девушкам, женщинам, характерные для Европы, или этнические номинации женщин, проживающих в том или ином государстве Европы:

1) никнейм – номинация-этикетное обращение, состоящее из чеченского имени и обращения к женщине, принятого в британской культуре: Lady Seda;

2) никнейм – номинация, которая является виртуальной европейской национальностью пользовательницы на русском языке: Француженка;

3) никнейм – европейское женское имя + номер региона Чеченской Республики: MONIKA *; Stella95;

4) никнейм – сочетание чеченского и европейского имени: Зайнап Ди (языковая игра, построенная на созвучии с номинацией Леди Ди);

5) никнейм – слово, словосочетание на русском языке или высказывание, содержание которых свидетельствует о независимости пользовательницы: а) наименование Рецидивистка, б) наименование Мисс PalBu (‘мисс ерунда’ в переводе с чеченского), в) наименование Я всегда права, г) никнейм – имя, входящее в русский именник, которое сопровождается указанием на номер региона и комментарием – Лиза 95 (статус «111 лет. Свободна»), д) наименование VIP PERSONA _ IZ 95-REGIONA .

Аватары, которые характерны для названных никнеймов, также репрезентируют образ европейской женщины: фотография кабинета деловой женщины с компьютерным столом, фотография кабинета с чашечкой кофе и очками на столе; фотографии католических соборов Европы, фотография уголка кафе, находящегося у Эйфелевой башни; фотография молодых людей в современной молодежной одежде на фоне огромных зданий какого-то мегаполиса; фото девушки в европейском свадебном платье, с непокрытой головой и с крыльями ангела; фотографии известных французских, американских актрис, известных по популярным фильмам. В целом названные аватары показывают нам деловую жизнь и отдых за рубежом чеченской женщины в качестве бизнес-леди (возможно, реальную, возможно, виртуальную). Интересно отметить, что образ европейской женщины показывает ее преимущественно в минуты отдыха: женщина расслаблена, уверена в себе, физически привлекательна. В целом образ европейской женщины акцентирует самоценность чеченской женщины как таковой.

Aminat Mustarajeva Россия, Чечня

"NeViDiMka" ("VIP")
Россия, Чечня, Гудермес

MONIKA *

мина мина

Россия, Чечня, Грозный Россия, Чечня, Гудермес

Индира _

Зарета И. Россия, Чечня,
Гудермес

Россия, Астраханская обл., Астрахань

Француженка Чеченская, Сунженский р-н, с. Ассиновская

Аватар может быть фотографией пользовательницы в хиджабе, с

котенком на руках, фотографией только части лица – глаз – с тщательным макияжем, что дает возможность отнести эти образы в состав уже названных выше: красавицы, чеченки. Наш выбор данных портретов обусловлен содержанием никнейма.

Lady Seda
Чеченская. Грозненский р-н, с. Побединское

Мадлен *****

зайнап ди. 30 лет Россия, Чечня, Гудермес

Образ философа. Представлен в нашем материале редко, например, такими никнеймами:

1) никнейм – номинация-высказывание из области черного юмора на русском языке, в скобках дан комментарий автора: страница удалена (шутка). Аватар пользовательницы – фотография девушки в джинсах, в туфлях на каблуках, которая разговаривает по мобильному телефону, на переднем плане фотографии находится автомат, который прислонен к стене;

2) никнейм – номинация-словосочетание на русском языке, показывающая духовные поиски пользовательницы: наименование Toska_по_Фирдаусу. Аватар этой пользовательницы – это рисунок черного квадрата, в котором буквами белого цвета написано на кириллице: Пустота...;

3) никнейм – номинация-слово на русском языке, носящая характер недоговоренности и одновременно иронии (учитывая пометку автора – 111 лет):

БЕЗ *. Аватар представляет фотографию красивой девушки в полный рост, в коктейльном черном платье, с клатчем, с красивой прической, находящейся в полном одиночестве в большом зале.

Toska_по_Фирдаусу
Россия, Чечня, Гудермес

страница удалена (шутка)
Россия, Чечня, Гудермес

БЕЗ * Россия, Чечня, Гудермес
111 лет (01.04.1900)

Ряд пользовательниц объяснили свой выбор никнейма. Наиболее частое объяснение – это желание скрыть свое настоящее имя и фамилию. Перечислим мотивы в ходе выбора ника, которые сообщили нам пользовательницы в ходе анкетирования:

- the Мадина – люблю английский язык, особенно артикли нравятся;
- ПаЗиТиФфФкА! – люблю все позитивное;

- Ne3naKomKa – просто показалось прикольным такое совмещение;
- OpAsNa & PrEkRaSnA – это гламурно и красиво, мне кажется;
- Француженка – меня все называют француженкой из-за стройности и характера, а так показалось интересно совместить два языка;
- дина ***** – не хотела писать фамилию, написала звездочки;
- ((_•°•°•МэДи•°•°_))) – это искусство, такое оформление;
- Lady Seda – очень нравится обращение Леди!;
- мина мина – не хотела писать имя и фамилию, придумала это;
- Magic Women – не хотела писать имя и фамилию, а так звучит красиво;
- Diamond Ledı – не хотела писать имя и фамилию;
- Жемчужная леди – потому что меня называют жемчужиной;
- зайнап ди – понравилось Леди Ди;
- Amina ***** – не хотела писать имя и фамилию;
- *** ** – не хотела писать имя и фамилию;
- hava ne vajno – не хотела писать имя и фамилию;
- Medina 95 – не хотела писать имя и фамилию;
- SHANADAT – это рабочий адрес, созданный только для работы;
- MONIKA * – не хотела писать имя и фамилию;
- Хава... .. – не хотела писать имя и фамилию.

Покажем разновидности образов женщин пользовательниц в таблице.

Таблица 2

Разновидности образов пользователей женщин

Вид образа	Репрезентация образа (через никнейм, аватар)	Примеры
1. Красавица	Никнейм – номинации на русском, а	Samayahaznig,

	<p>также чеченском и английском языках, а также одновременно на разных языках, восхваляющие женщину, показывающие ее исключительность, опасность для мужчины. Аватары – фото красивых коробочек, шкатулок, в которых много женских украшений; фотографии актрис, фотографии пользовательниц с тщательным и ярким макияжем.</p>	<p>OpAsNa & PrEkRaSnA, DIVA KAVKAZA, One I such !!! , ~Единственная ~</p>
2. Чеченка	<p>Никнейм – собственное имя пользовательницы + а) название представителя чеченского этноса на русском языке, б) название вероисповедания на английском языке, в) описательное название Чечни на английском языке. Аватары также репрезентируют образ чеченки: фотография пользовательницы на фоне флага Чечни, фотография пользовательницы в хиджабе, с повязкой на лбу с надписью на кириллице чеченского слова Нохчи, фотография гор с надписью на кириллице ИСЛАМ, селений Чечни, древних башен, мечетей Грозного.</p>	<p>Xavawka Чеченка, Лолита muslim girl, Джадарат nohchiland</p>
3. Домашняя	<p>Никнеймы – номинации, являющиеся</p>	<p>Папина Доча;</p>

	<p>словосочетаниями, словами, на русском языке, характеризующими женщину по отношению к родителям, или номинации ласкательного характера (домашние имена). Аватары также репрезентируют образ домашней девочки, девушки: фотография ребенка с игрушкой, имя которой на кириллице, фотография всей семьи, девушки с мамой, с сестрами, с братьями, фотография котенка, девочки с котенком.</p>	<p>Mamina DoGachka (DoGachka – слово чеченского языка, обладающее значением ‘сердечко’, SeDo4kA (от чеченского имени Седа)</p>
<p>5. Европейская женщина</p>	<p>Никнеймы – слова, словосочетания являющиеся распространенными в наше время европейскими именами, обращениями к женщине, характерными для европейского этикета; слова или высказывания на русском языке, содержание которых свидетельствует о независимости пользовательницы. Аватары также репрезентируют образ европейской женщины: фотография кабинета деловой женщины с компьютерным столом, фотографии католических соборов Европы, фотография уголка</p>	<p>MONIKA*; Stella95, Француженка, Lady Seda, Мисс PalBu (‘мисс ерунда’ в переводе с чеченского), <u>Я всегда права</u></p>

	кафе, находящегося у Эйфелевой башни, фотографии известных французских, американских актрис, известных по популярным фильмам.	
6. Философ	Никнеймы – номинации-высказывания иронического характера, из области черного юмора на русском языке; показывающие духовные искания пользовательниц. Аватары носят ассоциативный характер и подтверждают смысл никнеймов.	страница удалена (шутка), БЕЗ*, Toska_по_Фирда ysy

Уместно указать, что представленная дифференциация женских портретов является условной, так как элементы многих портретов таковы, что их можно отнести сразу к нескольким типам. Так, ник Француженка, по своим вербальным характеристикам относится к такому виду женского портрета, как «европейская женщина», в то же время он сопровождается невербальным компонентом, который позволяет отнести названный портрет к женскому портрету «чеченка» (аватар представляет собой фотографию пользовательницы в старинном национальном костюме).

Ник Зайнап Ди (подражание номинации *Леди Ди*), акцентирует такой портрет, как «европейская женщина», а сопровождается невербальным компонентом, аватаром, который можно отнести как к портрету «чеченка», так и к портрету «красавица» (аватар представляет собой фотографию пользовательницы в парандже с ярким макияжем в области глаз).

Никнейм Lady Seda, по своим вербальным характеристикам относится к такому виду женского портрета, как «европейская женщина», в то же время он сопровождается невербальным компонентом, аватаром, одновременно

демонстрирующим и портрет «чеченка», и портрет «домашняя» (аватар представляет собой фотографию пользовательницы в национальном костюме и с кошкой на руках).

Представленные разновидности женских портретов можно разделить на две группы, общих для всего русскоязычного фрагмента интернет-коммуникации:

1) возникшие под влиянием патриархатности, ориентированные на мужчину: «домашняя», «красавица», «скромница»;

2) возникшие под влиянием современных идей о независимости женщины, не ориентированные на определенную по гендеру аудиторию: «философ», «чеченка», «европейская женщина».

Лингвокультурологическое послание, заключенное в никнеймах пользовательниц-женщин чеченского народа, позволяет представить образ современной женщины-чеченки. Мы считаем, что «представления о женщине как пассивной, зависимой от мужчины достаточно сильны в сознании чеченских женщин. Менталитет чеченского народа не дает полную свободу в общении женскому полу» [Мустапаева 2013б: 28], свободное общение не «запрещается, а просто не особо одобряется, исходя из писаний корана, из адатов и традиций чеченского народа. Девушка не может позволить себе в поведении, в том числе и речевом, ничего, что могло бы противоречить культуре и традициям народа, должна быть сдержана в речи, не может выражаться нецензурными, грубыми словами, а если кто завел нескромную речь, то она не может продолжать общаться с таким человеком, она должна прервать общение с таким пользователем» [Мустапаева 2013б: 28].

Чеченская девушка в Сети, так же, как и в жизни, обязана быть скромной, разумной, гордой, недоступной и в то же время милой и женственной. Также не одобряется выкладывание нескромных личных фото в сеть, так как к фото идут комментарии, а если брат, отец или сын чеченки увидит такие комментарии, он

обязан пресечь их, вследствие чего может возникнуть и конфликт. Отношение парней чеченцев к девушке чеченке высокоуважительное, они в Сети также очень корректно ведут себя в отношении к девушкам, так как в каждой семье есть дочь, сестра и мать.

Личная жизнь девушки, а также общение в Интернете, не должны быть видны брату, отцу и вообще всем родственникам мужского пола, опять таки из-за традиций, из-за высокого почитания и уважения друг к другу, поэтому чеченские пользователи в блогах или на форумах не могут позволить себе ни лишнего слова, ни признания в любви, или же неподобающего оскорбления или упрёка, некрасивой фразы, высказывания; в блогах неуместны также слова «люблю, целую, скучаю и т.п.», а также смайлики, передающие такой смысл.

В исключительных случаях такое может быть, но в основном для этого создаются анонимные адреса, где нет никаких данных, или данные неверные.

Мы полагаем, что «в то же время анализ женских портретов в интернет-коммуникации показывает, что в чеченском обществе уже распространяется тенденция к формированию более свободного и самостоятельного социального положения чеченской женщины. Об этом свидетельствуют вербальные и невербальные составляющие таких образов, как «философ», «европейская женщина». Если такие женские образы, как «красавица», «домашняя», «скромница», ориентированы на мужчину, на его мнение, оценку, направлены на то, чтобы привлечь мужчину, и соответствуют стандартным социальным ожиданиям чеченских мужчин, то образы «философ», «чеченка», «европейская женщина» обращены в целом к чеченскому обществу, пропагандируют женскую независимость и самодостаточность» [Мустапаева 2013б: 28].

В целом в возникновении новой аксиологичности в интернет-коммуникации русскоязычных чеченцев-билингвов наблюдается явное воздействие русской, а через нее и мировой культуры. Кроме того, вербальные и невербальные гендерные компоненты интернет-сообщений на русском языке

чеченцев-билинггов выявляют явление интертекстуальности. Интертекстуальность в нашем материале выражается в полифоничности изучаемых интернет-сообщений; это множественность форм и способов понимания образов той общей культуры, в которой живут пользователи (в нашем случае «маскулинности» и «феминности»), множественность суждений, мнений по поводу одних и тех же идей, а также множественность репрезентации образов и мнений вербального и невербального характера.

2.2 Графический аспект креолизации

В настоящее время в современной лингвистике возрастает интерес к невербальным средствам письменной коммуникации, а также и к визуальной информации в ее составе: к осложненному в семиотическом аспекте видеoverбальному тексту, к средствам метаграфемике и параграфемике в письменной коммуникации. Эти вопросы освещены в работы разных лингвистов таких, как: Н. С. Анисимова, Л. Ю. Бабакова, В. М. Березин, Е. Е. Валгина, О. Л. Каменская, Т. И. Попова, Ю. А. Сорокин, Н. Г. Шаповалова и др.

Значительное увеличение состава невербальных средств письменной коммуникации, а также визуальной информации в письменном тексте, по общему мнению лингвистов, является специфичной характеристикой речевой коммуникации современного общества. Такой ученый, как П. Родькин, считает: «по ряду многих причин сегодня бытие делогоцентрируется, происходит визуализация мира. Текст заполняется изображением. Это не ново для культуры, но современные технологии во многом фатализируют этот процесс» [Родькин 2016: 12]. Лингвист О. Л. Каменская полагает: «усиление роли изображения отвечает первостепенным потребностям современного общества» [Каменская 1996: 157].

К параграфемике и метаграфемике ученые относят графические и

орфографические элементы того языка, на котором зафиксирован текст (в нашем материале русского языка), графические и орфографические элементы других языков (в нашем материале чеченского, арабского, английского языков), а также цифры, их элементы, идеограммы, которые носитель языка включил в структуру мотивированного слова.

Создания мотивированного слова, в структуре которого находятся цифры, идеограммы, графические элементы иных языков, вслед за таким ученым, как В. П. Изотов, мы относим к графодеривации. Названный лингвист так определяет термин «графодеривация»: «это такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т.п.)» [Изотов 1998: 76].

Считаем, что понятие «графодеривация» представляет собой разновидность креолизованного текста, в силу того, что соответствует дефиниции креолизованного текста. Приведем одну из них: «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990: 180]. По нашему мнению, графодериваты, полностью соответствуют этой дефиниции: а) они являются минимальными текстами, б) состоят из двух негомогенных частей: одна часть – это мотивирующая часть мотивированной лексемы, вербализованная средствами определенного языка (в нашем случае преимущественно русского), вторая часть – это словообразовательный формант, либо принадлежащий другим знаковым системам, нежели естественный язык, либо представляющий собой вербальные знаки другого естественного языка (в нашем случае чеченского, арабского, английского), либо такие вербальные знаки этого же языка, которые нарушают его орфографические или графические нормы.

Мы выделили в нашем материале типы и виды графодериватов, они

характерны прежде всего для никнеймов, но встречаются и в текстах сообщений:

1) графодериваты, мотивирующей базой и словообразовательным оператором которых являются разнофункциональные элементы одной и той же графической системы:

а) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование прописных и строчных букв русской графики: ВеЛиКоЛепНый; мИлАя, нО нЕ тВоя..... (мотивирующая база соответственно слово *великолепный* и высказывание *милая, но не твоя*, словообразовательный оператор – нарушающее нормы правописания чередование строчных и прописных букв);

б) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование прописных и строчных букв латинской графики: ChecheN; CHECHEN CHECHENOV; BoRz; DIVA KAVKAZA (мотивирующая база соответственно слова *чечен, Чеченов, борз* (слово чеченского языка) и словосочетание *дива Кавказа*, словообразовательный оператор – чередование строчных и прописных букв либо использование только прописных букв, нарушающее нормы);

в) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование не только прописных и строчных букв кириллического или латинского алфавита, но и знаков препинания (восклицательного знака и кавычек): ПаЗиТиФфФкА!; "NeViDiMkA"; Борз! (мотивирующая база соответственно слова *позитивка, невидимка, борз*, словообразовательный оператор – неузвальное чередование строчных и прописных букв + нарушающая нормы орфографии и графики постановка знаков препинания);

г) словообразовательным оператором является нарушающая нормы графики (в данном случае латиницы) постановка пробела, прописных и строчных букв, а также знаков препинания (вопросительного знака), например, в таких сообщениях, как: ?kak?budt0?mn0y?0na?pridumana? (мотивирующая база

– высказывание *как будто мной она придумана*); tip0sohp0slanniysudb0y (мотивирующая база – высказывание *ты посох, посланный судьбой*), словообразовательный оператор – неузואальное использование средств графики и орфографии;

д) словообразовательным оператором является нарушающая нормы графики (в данном случае кириллицы) постановка пробела в высказываниях: Нукавсенаобед; Связьдурит; Щасвсехпоудаляю!!! (мотивирующая база – высказывания *Ну-ка все на обед; Связь дурит; Щас всех поудаляю!!!*, словообразовательный оператор – неузואальное слитное написание слов);

2) графодериваты, мотивирующей базой и словообразовательным оператором которых являются разнофункциональные элементы разных графических систем: «Француженка; сHeChEn_WoLF» [Мустапаева 2013а: 15] (мотивирующая база соответственно слова *француженка, чечен, wolf* (слово английского языка), словообразовательный оператор – нарушающее нормы правописания чередование строчных и прописных букв кириллического и латинского алфавита);

3) графодериваты, мотивирующей базой которых являются элементы графических систем, а словообразовательным оператором – цифры: «Medina 95; maga95 (maga – сокращенное чеченское имя от Магомед), chechen-taekwondo95» [Мустапаева 2013а: 15] (мотивирующая база соответственно слова *Медина, Мага, чечен и таеквондо*, словообразовательный оператор –цифры);

4) графодериваты, мотивирующей базой которых являются элементы графических систем, а словообразовательным оператором – идеограммы (в нашем материале это знаки различных валют, знаки-символы, знаки, принятые в Интернете, знаки препинания): «Zezag *****, MONIKA*, Larisa \$» [Мустапаева 2013а: 15] (мотивирующая база соответственно собственные имена *Зезаг, Моника, Лариса*, словообразовательный оператор – идеограммы);

5) графодериваты, мотивирующей базой которых являются элементы

графических систем, а словообразовательным оператором – идеограммы + нарушающая нормы орфографии постановка прописных и строчных букв или нарушающая нормы постановка знаков препинания:

а) OpAsNa & PrEkRaSnA (мотивирующая база высказывание *опасна и прекрасна*, словообразовательный оператор – неuzuальное чередование прописных и строчных букв, идеограмма);

б) M@gin@)))) (мотивирующая база собственное имя *Маджина*, словообразовательный оператор – идеограммы и неuzuальные знаки препинания).

Обобщим наши наблюдения в таблице.

Таблица 3

Разновидности графодериватов в никнеймах, текстах сообщений

Тип графодеривации	Словообразовательный оператор	Примеры
1. Мотивирующей базой являются элементы одной и той же графической системы (кириллицы или латиницы)	1а. Неuzuальное сочетание прописных и строчных букв 1б. Неuzuальное сочетание строчных, прописных букв, знаков препинания 1в. Неuzuальная постановка вопросительного знака и пробела 1г. Неuzuальная постановка пробела	1 а. мИлАя, нО нЕ тВоя 1 б. ПаЗиТиФфФкА! 1 в. ?kak?budt0?mn0y?0na?pridumana? 1 г. Нукавсенаобед!
2. Мотивирующей базой являются	Неuzuальное сочетание букв разных графических систем	Samayahaznig (<i>Samaya</i> – средствами латиницы)

элементы разных графических систем		передано русское слово «самая», <i>hazing</i> – средствами латиницы передано чеченское слово, которое означает ‘красивая’)
3. Мотивирующей базой являются элементы одной и той же графической системы	Неузуальное использование цифр	chechen-taekwondo95
4. Мотивирующей базой являются элементы одной и той же графической системы	Неузуальное использование идеограмм	M@gin@, MONIKA*, Larisa \$
5. Мотивирующей базой являются элементы одной и той же графической системы	Неузуальное использование идеограмм + постановка прописных и строчных букв или знаков препинания, которые нарушают нормы орфографии и графики	OpAsNa & PrEkRaSnA, M@gin@))))).

Мы видим, что наиболее распространенным видом графодеривации в нашем материале является такой тип графодеривации, который представляет собой результат соединения в лексеме разнородных элементов одного и того же

естественного (русского) языка.

Уместно подчеркнуть, что названный тип графодеривации имеется и в рекламе, а не только в русскоязычном сегменте Интернета. Ученый Л.П. Амири в своей работе описывает это явление на материале американской и английской рекламы: «REVOLVOLUTION» (Volvo – название рекламируемой марки машины + удовольствие); «FORDiesel ranger 2003» [Амири 2007: 12 и далее].

Имеются примеры названного типа графодеривации и в белорусской рекламе: номинация «хлеб ПОСТный продукт (продается во время поста), слоган в рекламе часов «ЛУЧший магазин часов «Луч», и в польской рекламе: в названии турагентства «Almatour» петелька первой буквы заменена на значок глобуса и т.п.» [Попова, Храмушина 2011: 582].

Явление графодеривации акцентирует структуру лексемы, как правило, мотивированной. Необходимо подчеркнуть, что возникающая в речи структуризация слова является вторичной, первичная структуризация закреплена в языке узуальным членением слова на морфемы, а также на мотивирующую часть и словообразовательный формант. Возникает «многоформность» графодеривата, которая (в терминологии О.А. Хансен-Леве) базируется на приеме, который ученый характеризует как сдвиг и дефинирует так: «сдвиг здесь означает смещение границ слова, прием, который, как никакой другой, демонстрирует графическую детерминацию семасиологизации – аналогично технике переноса в стихе (сдвиг границ стиха). (...) В обоих случаях слово в своей визуально-буквальной материальности выступает как порождающий значение элемент: графический сдвиг границы слова ведет к смещению семантической перспективы или связанных с ней гетерогенных интерпретационных ходов, интерферирующих с омофоничной идентичностью слова, отстраняющих ее, обнажая» [Хансен-Леве 2001: 84].

В целом понятие «графодеривация» представляет собой неомогенное вторичное текстовое образование. Его основная черта – это сочетание в

структуре слова (текста) языковых и неязыковых элементов, которые в своем единстве образуют смысловое и визуальное единство с целью воздействия на адресат. Анализ собранного материала показал, что практически все известные на сегодняшний день приемы графодеривации встречаются в русской речи интернет-сообщений чеченцев-билингвов. Функция графодеривации в изучаемых интернет-сообщениях – создание атмосферы непринужденного, легкого общения, по выражению Н. Г. Шаповаловой, «карнавального общения» [Шаповалова 2008: 293].

2.3 Целостность и связность креолизованного текста в интернет-сообщении

Интернет-коммуникация обладает таким свойством, как новая семиотичность и новая лингвoseмиотичность, так как интернет-сообщение обладает непривычной для носителей языка первой половины XX века и более ранних веков системой невербальных знаков, кодов и символов. Кроме того, в интернет-коммуникации возникают новые лексико-тематические и лексико-семантические группы вербальных знаков, относящихся как к первичной, так и к вторичной номинации.

Под креолизованным текстом в семиотике, лингвокультурологии, семантике принято понимать тексты, состоящие из неоднородных частей: а) вербальная часть, б) невербальная часть, относящаяся к иным знаковым системам. По своим содержательным и структурным характеристикам тексты интернет-сообщений также входят в объем понятия «креолизованный текст», так как в процессе их создания используются коды различных знаковых систем (в нашем случае естественный русский язык и визуальные элементы).

В семантике изображения различают денотативное и коннотативное значение. Так, Р. Барт по отношению к креолизованным текстам рекламы разграничивал такие их виды: а) вербальное, б) символическое визуальное, в)

буквальное визуальное. «Иконический комплекс содержит два ряда означающих: означающие, означаемыми которых являются реальные предметы, и означающие, означаемыми которых являются идеи, образы, ценности. Соответственно, информация первого типа является денотативной (в известной степени буквальной), и ее понимание не представляет для адресата трудности, основывается на антропологических знаниях. Информация второго типа – коннотативна и основывается на ассоциативных связях; ее понимание предполагает наличие у адресата знания культурного кода, социальных связей, национальной специфики, т.е. информация второго типа допускает многовариантность толкования» [цит. по Анисимова 2003: 12].

Анализ литературы вопроса показывает, что от функционального стиля зависит роль визуального сообщения в процессе восприятия и понимания креолизованного текста, в который включено данное визуальное сообщение. Так, ученые, изучающие креолизованные тексты на материале художественной литературы, полагают, что если в вербальном тексте происходит присоединение визуального изображения, для которого характерны отношения синонимии или дополнения по отношению к вербальному тексту, то результатом этого является снижение информативности и убедительности художественного текста. Ученый Л. В. Головина пишет так: «Реципиент, воспринимающий текст без изображения, приписывает ему такие характеристики, которые могут быть извлечены из самого текста, а также из своей концептуальной системы, из своей картины мира, где содержатся лингвистические и нелингвистические знания относительно описываемых предметов и явлений. Добавление изображения накладывает ограничения на восприятие текста, ведет к перестройке смыслового кода реципиента в сторону сужения его концептуального поля. При этом возможности интерпретации текста уменьшаются» [Головина 1986: 112].

В то же время ученые, исследующие креолизованные тексты в рамках рекламы, получили противоположные данные. Их выводы таковы: сочетание

вербального текста и визуального изображения, которые находятся между собой в отношениях синонимии или дополнения, расширяет смысловой код воспринимающего рекламу, увеличивает количество вариантов возможной интерпретации текста рекламы. Ученые Бове Кортлэнд, А. фон Аренс утверждают: «Успешная реклама – это такая реклама, где составляющие ее компоненты функционируют как единое целое и подчинены общей цели: вызвать положительную реакцию покупателя, стимулировать приобретение рекламируемого товара» [Кортлэнд, Аренс 1995: 40].

Тексты интернет-сообщений на каком-либо форуме можно отнести к упрощенным, даже примитивным текстам, но нельзя отрицать, что они являются распространенными и в определенных социальных группах занимают доминантную позицию среди других разновидностей устно-письменной интернет-коммуникации. Материалом нашей работы являются интернет-сообщения в русскоязычном фрагменте Интернета, в рамках форумов пользователей чеченцев-билингвов.

Дадим характеристику таким свойствам креолизованных текстов, как целостность и связность, на указанном нами материале в рамках соотношения таких структурных элементов, как аватар (визуальное изображение) и никнейм пользователя (вербальный фрагмент). Наш анализ показал (об этом мы писали ранее), что «целостность креолизованного текста интернет-сообщения проявляется в целом в согласовании вербального и визуального компонентов и прослеживается на содержательном и содержательно-языковом уровнях. Связность вербального компонента (в нашем случае никнейма) и визуального компонента (в нашем случае аватара) на содержательном уровне обнаруживает себя в следующих типах семантических связей: а) тождество, 2) опосредованная соотнесенность, 3) дополнительность» [Мустапаева 2012в: 129].

Покажем реализацию названных типов семантических связей никнейма и аватара на материале такого частотного среди пользователей-мужчин ника, как

Абрек, в его различных соединениях с тем или иным визуальным знаком (аватаром).

Никнейм **Абрек** является одним из самых распространенных ников у чеченцев-мужчин, пользователей русскоязычных сайтов и форумов, что обусловлено культурно-историческими причинами. Абрек – одна из фигур прошлого Чеченской Республики. Абреки были воинами-одиночками, мстителями, которые, отчаявшись добиться справедливости, уходили в горы и начинали собственную войну с чуждой системой. В период присоединения Кавказа к России, абрек – это горец-партизан, участвовавший в борьбе против тирании чиновников царского правительства, царских войск и администрации. Абречество стало своего рода национальной защитной реакцией против произвола властей, формой протеста против национального и социального гнета.

Среди чеченцев абреки пользовались особым уважением. Любая чеченская семья считала своим долгом оказать им всяческую помощь и поддержку, даже если ей это грозило серьезным наказанием. С тех пор абреки почитаются в Чечне как герои и достойные сыны своего народа, что и явилось причиной распространенностью ника **Абрек** среди сегодняшней молодежи Чеченской Республики.

Собранный материал показывает, что для соотношения никнейма **Абрек** с визуальным компонентом интернет-сообщения (аватаром) свойственны все названные выше типы логико-семантических связей: и тождество, и опосредованная соотнесенность, и дополнительность.

Отношения тождества демонстрируют непосредственную денотативную связь между выбранным для анализа никнеймом **Абрек** в различных вариантах его графической репрезентации и аватаром, когда знак естественного языка и визуальный знак обозначают один и тот же предмет, явление, ситуацию в реальном или в виртуальном мире.

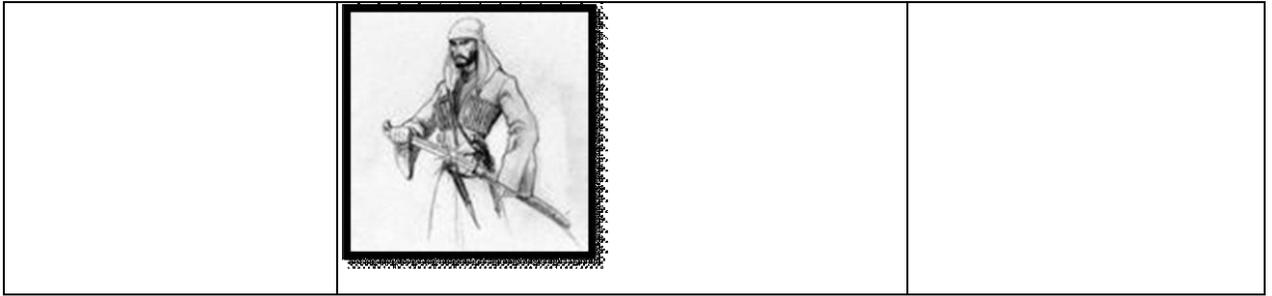
Покажем данную информацию в таблице.

Таблица 4

Отношения тождества никнейма Абрек с визуальным компонентом (аватаром)

Никнейм	Аватар (его описание)	Комментарий пользователя
1. Абрек, Абрек 777	<p>Изображение вооруженного всадника лунной ночью на горном уступе (рисунок).</p> 	«Они были храбрые»
2. Абрек Вара	<p>Изображение абрека + надпись на рисунке «Я не родился абреком».</p>	«справедливость»
3. ABREK, Abrek, АБReK, Zelimhan Abrek	<p>Фотография, на которой поясной портрет абрека прошлого. Рисунки абреков.</p>	<p>«Это герой». «Горжусь!» «Ник Абрек мне стал по душе, когда узнал о Зелимхане Абреке, залез в википедию, узнал, што значит Абрек. И вот понял, што это отчасти мое».</p>

		
<p>4. Abrek338, Абрек R.d.</p>	<p>Рисунок, изображающий группу абреков. Рисунок молящегося вооруженного абрека, позади группа других абреков.</p> 	<p>«Мстители»</p>
<p>5. DATA TUTASHKIA</p>	<p>Рисунок, представляющий поясной портрет абрека прошлого.</p>	<p>«ЭТО знаменитый грузинский абрек, истинный горец, которым можно гордиться».</p>

В данных примерах из текстов интернет-сообщений пользователей-чеченцев (первая группа) аватар является иконическим знаком, так как представляет собой образ, воздействие которого зиждется на фактическом подобии означающего визуального знака и означаемого визуального знака. Ч. С. Пирс так писал об иконе: «Я определяю Икону как знак, обусловленный своим динамическим объектом в силу его собственной внутренней природы. Икона есть знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, просто в силу своих свойств, которыми обладает независимо от того, существует ли вообще какой-нибудь Объект или нет» [Пирс 2000: 172]. «Все что угодно, будь то качество, существующий индивид или закон, есть Икона чего угодно, если она похожа на обозначенную вещь и употребляется как ее знак» [Пирс 2000: 172].

Отношения опосредованной соотнесенности демонстрируют тематическую или ассоциативную связь знаков естественного языка (вербальных) и визуальных знаков, обозначающих разные явления, реалии и ситуации. Продемонстрируем названные отношения опосредованной соотнесенности на материале выбранного для анализа никнейма **Абрек** (в различных вариантах графической репрезентации) в его соотношении с иными типами аватара (вторая группа примеров).

Покажем данную информацию в таблице.

Таблица 5

Отношения опосредованной соотнесенности никнейма **Абрек** с визуальным компонентом (аватаром)

Никнейм	Аватар (его описание)	Комментарий пользователя
<p>1. Абрек!!, АБРЕК</p>	<p>Рисунок гор, на фоне которых изображение волка, произносящего слово «Чечня». Фотографии волка.</p> 	<p>«волк смелый, отважный, сильный, благородный, справедливый, бескорыстный, люблю родину, а в жизни я волк».</p>
<p>2. =Абрек- Абрек=</p>	<p>Фотография горной местности</p> 	<p>«Это места, где ходили абреки, Ножай-Юртовский район Чеченской Республики».</p>
<p>3. ABREK95</p>	<p>Рисунок всадника (абрека) на фоне диска луны, в котором проступает морда волка.</p> 	<p>«Абрек – это волк».</p>

4. Абрек, Абрек нохчо	<p>Фотография волка и надпись «Чечня». Рисунок волка в лесу.</p> 	«Мечта о свободе, ожидание лучшего, с нашествием волков, как в легенде».
5. АБРЕК 95	<p>Рисунок плаката с надписью на русском языке «Моя гордость – моя Чечня».</p> 	

Приведенные выше аватары показывают прежде всего индексальную связь с никнеймами. Индексальный знак является результатом существования фактической смежности между означающим такого знака и его означаемым, в нашем случае смежности между вербальным знаком **Абрек** и визуальными знаками различных объектов, связанных с реальными или виртуальными абреками: рисунками, фотографиями волка как аналога в животном мире абреку (в представлении чеченцев), фото местности, в которой обитали абреки, плакатами со словом Чечня. По мнению основоположника классификации знаков Ч. С. Пирса, «Индекс есть знак, отсылающий к Объекту, который он обозначает в силу того, что он действительно подвергается воздействию этого Объекта [Пирс 2000: 248]. «Индекс есть знак, который бы сразу утратил свое

характерное свойство, делающее его знаком, если убрать его объект» [Пирс 2000: 218].

В то же время все приведенные в таблице № 5 аватары демонстрируют концепцию Ч. С. Пирса о смешанном характере знаков: «В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означаемым и означающим, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими» [цит. по Яacobсон 2001: 115-116].

В примере № 2 акцентируется индексальная связь (на аватаре фото местности, в которой жили абреки – связь на основе смежности) и присутствует иконическая связь. По мнению Е. С. Никитиной, по форме иконических и индексальных знаков «можно догадаться об их содержании, даже не будучи знакомым с самими этими знаками» [Никитина 2006: 47].

В примерах № 1, 4, 5 совмещаются индексальная и символическая связь. В концепции Ч. С. Пирса воздействие символа базируется на возникшей на основе договора, принятой носителями языка смежности плана выражения и плана содержания знака. «Я определяю Символ как знак, обусловленный своим динамическим объектом только в том смысле, что он будет таким образом интерпретирован. То есть он зависит от конвенции, привычки или естественной предрасположенности его интерпретанты» [Пирс 2000: 172]. Связь индексального и символического характера наблюдается между ником **Абрек** и аватаром, на котором изображено плакат с надписью «Чечня», теми аватарами, на которых рисунок или фотография волка. В силу того, что абреки почитаются в Чеченской Республике как герои и достойные сыны своего народа, никнейм **Абрек** связан индексальной и конвенциональной связью символического характера с аватаром, включающим в свой состав изображение волка, которому в Чечне приписываются стойкость и сила духа. Смещение всех трех знаков: индекса, иконы и символа мы видим между никнеймом **Абрек** и

аватаром № 3: на фоне большого диска луны, в котором проступает морда волка, находится рисунок абрека.

Отношения дополнительности демонстрируют отношения таких знаков естественного языка (вербальных) и визуальных знаков, которые в процессе взаимодействия расширяют или конкретизируют общий смысл креолизованного текста интернет-сообщения. Продемонстрируем названные отношения дополнительности на материале выбранного для анализа никнейма **Абрек** (в различных вариантах графической репрезентации) в его соотношении с иными типами аватара (третья группа примеров).

Проиллюстрируем данную информацию и в таблице.

Таблица 6

Отношения дополнительности никнейма Абрек с визуальным компонентом (аватаром)

Никнейм	Аватар (его описание)	Комментарий пользователя
1. Абрек!?!?	<p>Фотография пользователя с надписью на английском «Freedom or death» (= свобода или смерть).</p> 	
2. Абрек Зелимхан Харачоевский, Абрек salman salmanov	<p>Личная фотография современного молодого мужчины или мальчика.</p>	«Это история».

		
<p>3. АБРЕК 95 регион, Abrek</p>	<p>Фотография салона красивой машины, пользователя на фоне машины.</p> 	<p>«Мне нравятся машины».</p>
<p>4. Абрек80, Abrek Abrekov, АБРЕК 007</p>	<p>Личная фотография современного мужчины, сидящего за столом в домашней обстановке или в кафе с чашкой кофе. Личная фотография современного мужчины, разговаривающего по сотовому телефону.</p> 	

		
5. ABREK 338	<p>Коллаж, состоящий из фотографии части лица пользователя и маски.</p> 	«Странный этот мир, когда двое смотрят на одно и то же, а видят противоположное».

В представленной (третьей) группе примеров ник **Абрек** находится с аватарами, сопровождающими его, в ассоциативной связи символического характера: данные аватары являются фотографиями пользователей, считающих, что они могли бы быть абреками; фотографиями, которые репрезентируют такой образ жизни, который был бы свойствен для абрека, попавшего в наше время (прежде всего это фотографии дорогих машин). Ч. С. Пирс замечает: «Символы растут. Они возникают, развиваясь из других знаков, в особенности же из икон или из смешанных знаков, имеющих природу как икон, так и символов. Мы мыслим только в знаках» [Пирс 2000: 217].

На содержательно-языковом уровне связь вербального компонента и визуального компонента, выражающих такой мужской образ, как **Абрек**, проявляется, по нашему мнению, в том, что семантическая взаимообусловленность вербального и визуального компонентов данного портрета выражается определенными языковыми маркерами: никнеймом (**Абрек**) и разнообразными надписями на аватаре («Чечня», «Моя Чечня – моя гордость», «Freedom or death», «Я не родился абреком»).

Уместно акцентировать, что в современной межкультурной коммуникации, а именно в интернет-коммуникации на русском языке, усиливается значение креолизованных текстов, в силу того, что сочетание компонента естественного языка и визуального компонента той или иной разновидности четко овнешвняет определенный фрагмент картины мира, обыденную философию народа, к которым принадлежит пользователь, его нравственные идеалы. Анализ собранных данных подтверждает названную тенденцию современной коммуникации.

Изучение нашего материала показало, что в интернет-коммуникации креолизованный текст может быть гипертекстом, так как имеет как явные интертекстуальные маркеры, например, комментарии, так и неявные, например, адресация к общим нормам, ценностям.

Выводы

В данной главе была изучена специфика визуализации и креолизации гендерных компонентов интернет-сообщений в русской речи чеченцев-билингвов.

Интернет-коммуникация является виртуализованной, так как дает возможность общаться, скрываясь за виртуальной маской, заменяющей реальную личность пользователя Сети.

Креолизация текста представляет собой специфичное лингвовизуальное явление, в котором вербальный и изобразительный компоненты сосуществуют как единое функциональное целое, обеспечивающее воздействие прагматического характера на адресата.

Специфика визуализации и креолизации интернет-сообщений изучалась в данной главе в рамках овнешвнения таких универсальных концептов, как «мужественность» и «женственность».

Полагаем, что основной составляющей в портрете пользователя-чеченца и женщины-чеченки в текстах сообщений на русскоязычных интернет-форумах Чечни являются никнейм (вербальный знак естественного языка) и аватар (визуальный знак), являющийся либо реальным портретом пользователя, либо условным (символическим) портретом, заменяющим истинный портрет коммуниканта.

Вербальный знак (никнейм) является важным элементом жизни языковой личности в виртуальном пространстве Интернета, ведь именно с него начинается создание виртуального образа коммуниканта. Как правило, никнейм определяет речевую доминанту поведения коммуниканта, названный вербальный знак всегда закодирован в той или иной мере, он информирует других коммуникантов о принадлежности его владельца к этносу, субкультуре, полу, характеризует мировоззрение, нравственные воззрения и эстетические установки языковой личности.

В единстве вербальный знак (ник) и виртуальный знак (аватар) представляют вербально-иконический креолизованный текст, овнешвняющий образы мужчины-чеченца и женщины-чеченки в русскоязычном фрагменте сети Интернет.

Анализ собранного материала показывает, что в изучаемом фрагменте Сети можно выделить несколько мужских образов: образ чеченца, образ горца-абрека, образ волка, образ современного крутого мачо, образ воина. Названные мужские образы представлены сочетанием вербальных и невербальных знаков.

В целом мужской гендерный стереотип в таком фрагменте Сети, как русскоязычные форумы Чечни, представлен как портретами, распространенными на всем пространстве русскоязычного фрагмента Интернета, так и портретами, характерными для лингвокультуры чеченского этноса, таких, которые базируются на мистическом символе силы духа и свободы.

Влияние европейской и американской культуры и языков в этом случае оказалось достаточно формальным и поверхностным.

Традиционный женский гендерный образ обусловлен понятиями «материнство», «семья», «верность», «слабость», «забота», «физическая и душевная привлекательность» и базируется на общем понятии «женственность».

Изучение женского портрета чеченки в русскоязычном фрагменте Сети чеченцев-билингвов (вербальных и невербальных компонентов) выявило такие образы чеченских девушек, коммуницирующих в Интернете, как: «чеченка», «красавица», «скромница», «домашняя», «европейская женщина», «философ».

Названные типы женских портретов чеченки-пользовательницы Сети мы разделили следующим образом: 1) традиционные образы, возникшие под воздействием маскулинизированных тенденций, акцентирующих приоритетную роль в обществе мужчины; 2) современные образы, представляющие чеченку независимой и самодостаточной личностью. Лингвокультурологическое содержание никнеймов пользовательниц-женщин чеченского народа выявило динамику в представлении образа современной женщины-чеченки.

Наличие новой аксиологичности в интернет-коммуникации русскоязычных чеченцев-билингвов обусловлено воздействием русского языка и русской культуры, а через нее и мировой культуры. Кроме того, вербальные и невербальные гендерные компоненты интернет-сообщений на русском языке чеченцев-билингвов выявляют явление интертекстуальности.

В данной главе был также изучен графический аспект креолизации текста, который проявляется в нашем материале как графодеривация, или графическая окказиональность. В никнеймах и в текстах сообщений на русскоязычных форумах чеченцев-билингвов были выявлены типы и виды графодериватов. Наиболее распространенные таковы: 1) графодериваты, мотивирующей базой и словообразовательным оператором которых являются разнофункциональные

элементы одной и той же графической системы: а) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование прописных и строчных букв русской графики: ВеЛиКоЛепНый (мотивирующая база слово *великолепный*, словообразовательный оператор – нарушающее нормы правописания чередование строчных и прописных букв); б) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование прописных и строчных букв латинской графики: ChecheN, DIVA KAVKAZA, (мотивирующая база соответственно слово *чечен*, и словосочетание *дива Кавказа*, словообразовательный оператор – нарушающее нормы чередование строчных и прописных букв либо использование только прописных букв); в) в качестве словообразовательного оператора выступает неузвальное использование не только прописных и строчных букв кириллического или латинского алфавита, но и знаков препинания (восклицательного знака и кавычек): ПаЗиТиФфФкА!; "NeViDiMkA" (мотивирующая база соответственно слова *позитивка*, *невидимка*, словообразовательный оператор – неузвальное чередование строчных и прописных букв + нарушающая нормы орфографии и графики постановка знаков препинания); г) словообразовательным оператором является нарушающая нормы графики (в данном случае латиницы) постановка пробела, прописных и строчных букв а также знаков препинания (вопросительного знака), например, в таких сообщениях, как: ?kak?budt0?mn0y?0na?pidumana? (мотивирующая база – высказывание *как будто мной она придумана*, словообразовательный оператор – неузвальное использование средств графики и орфографии; д) словообразовательным оператором является нарушающая нормы графики (в данном случае кириллицы) постановка пробела в высказываниях типа: Щасвсехпоудаляю!!! (мотивирующая база – высказывание *Щас всех поудаляю!!!*, словообразовательный оператор – неузвальное слитное написание слов).

Изучение нашего материала показало, что целостность изучаемого

креолизованного текста интернет-сообщения реализуется в согласовании значения и смыслов вербального компонента и смысла той или иной разновидности визуального компонента (он может быть иконическим, индексальным, символическим, смешанным).

Что касается связности изучаемого креолизованного текста интернет-сообщения, то данная характеристика овнешвляется в классических типах семантических связей, возможных между вербальным компонентом и визуальным компонентом. Это логико-семантические связи тождества, опосредованной соотнесенности, дополнительности.

Анализ нашего материала подтвердил такую тенденцию современной коммуникации, как возрастание явления креолизации интернет-сообщений, ведь сочетание вербального и визуального элементов текста эффективно выражает идеалы, духовные приоритеты и нравственные нормы, жизненную философию определенного народа.

Глава 3 Особенности русской речи в интернет-опосредованной коммуникации в формате русскоязычных форумов чеченцев-билингвов в условиях двуязычия и межкультурной коммуникации

3.1 Социокультурологические аспекты феномена «билингвизм»

Язык – явление социальное. Язык усваивается в обществе и под влиянием общества. В условиях современного мира владение несколькими языками, многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) становится нормой. «...Уже невозможно разойтись «по национальным квартирам» – слишком тесен стал мир, сильна миграция, интенсивно смешение рас и народов, взаимозависима экология» [Мечковская 2000: 10].

Под многоязычием понимают «употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Оба явления взаимосвязаны (потребности коммуникации порождают в многоязычном сообществе многоязычие какой-то части его членов), но не детерминированы жестко» [ЛЭС 1990: 302].

Многоязычие чаще всего реализуется в форме двуязычия (билингвизма). В нашей работе мы исследуем русскую речь чеченцев, владеющих двумя языками: русским и чеченским, а также, возможно, арабским и английским.

В трудах целого ряда ученых, например, таких, как Ю. Д. Дешериев, К. З. Закирьянов, В. В. Гудков и др., дано толкование билингвизма, в котором акцентируется либо лингвистический аспект, либо социологический аспект в соответствии с разными мнениями о необходимости полного или частичного владения билингвом двумя языками.

По словам Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко, в лингвистике двуязычие

– это «владение в совершенстве общеупотребительными устной и письменной формами обоих языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур» [Дешериев, Протченко 1972: 6].

Понимание двуязычия в социологии является иным: это практическое владение языками: 1) умение понимать высказывания на обоих языках и 2) создавать понятные для других носителей обоих языков высказывания. В этом аспекте по-прежнему актуальной является следующая дефиниция, сформулированная в 1972 году: «двуязычие – это знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме, независимо от степени проявления интерференции и использования внутренней речи двуязычным индивидом в процессе письменного или устного общения на втором языке, а также умение воспринимать чужую речь, сообщение с полным пониманием» [Дешериев, Протченко 1972: 35].

Аналогичного мнения придерживается большинство социолингвистов. Так, Н. Б. Мечковская, считает: «билингв – человек, владеющий двумя языками (в той или иной мере); двуязычный индивид» [Мечковская 2000: 104]. Такой ученый, как А. Е. Карлинский, вторит ей: «билингв – это человек, принадлежащий к двум языковым общностям, причём степень вхождения в каждую из них может быть различной» [Карлинский 1990: 58]. Схожее определение термина «билингвизм» находим у В. И. Беликова и Л. П. Крысина: «Владение двумя языками (иначе называемое двуязычие), параллельное использование двух языков в речевой практике» [Беликов, Крысин 2001: 114].

Необходимо отметить, что интерферентные явления при таком понимании билингвизма допускаются на всех уровнях языковой системы, так как они не мешают адекватному пониманию и производству речи.

В нашей работе мы придерживаемся социолингвистического понимания билингвизма (двуязычия) в связи с тем, что материалом работы является

русская речь определенной социальной группы (чеченцев-билингвов), для которой, по данным анкетирования, характерно практическое владение русским и чеченским языками.

Билингвизм – явление культуры. Контакты между культурами являются неизбежным явлением в жизни любого этноса. О процессе культурных заимствований Л. Блумфильд писал так: «он односторонен только в том смысле, что один народ может дать больше, чем другой» [Блумфильд 1968: 506].

Обогащение и развитие культур происходит и за счет взаимодействия друг с другом, независимо от расстояний и границ. Поэтому, по мнению Ю. М. Лотмана, «культура всегда, с одной стороны, – определённое количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [Лотман 1994: 8].

В трудах Ю. М. Лотмана также акцентирована коммуникационная и символическая природа культуры, ее связанность с нравственной, интеллектуальной, духовной жизнью общества. «Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, – писал он, – есть язык. Это означает, что она образует определённую систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами» [Лотман 1994: 6].

Проблематика многоязычия тесно связана с проблемой заимствования, которая была всегда одной из самых острых в лингвистике. Во второй половине XX в. интерес ученых к исследованию процесса заимствования, прежде всего на основе языковых контактов, изучению условий и причин заимствования, анализу видов ассимиляции иноязычных заимствований в принимающем языке значительно вырос.

Н. В. Клименко считает, что заимствования являются лакмусовой бумагой, показывающей активность и взаимосвязь языков, так как «...всегда мотивированы потребностью и возникающими инновациями современной

жизни в том или ином языковом пространстве. Будучи усвоенными языком-реципиентом по его нормам и преобразованными в соответствии с информационными и номинативными потребностями, заимствования отражают творческую активность заимствующего языка» [Клименко 2001: 207-208].

В огромной литературе, посвященной заимствованиям, нас более всего интересуют концепции ученых, которые исследовали вопросы билингвизма. Такие ученые рассматривают заимствование как результат контактирования языков [Серебренников 1955; Дешериев, Протченко 1972; Розенцвейг 1972].

В процессе заимствования чужих понятий и представлений об артефактах, биофактах, явлениях одновременно осуществляется и семантическое, фонетическое, графическое, морфологическое освоение слов, которые обозначают названные артефакты, биофакты, явления, что сопровождается процессом ментализации, который запечатлевает культура. Таким образом, изменение и развитие материальной сферы влечёт за собой развитие и обогащение, формирование духовной сферы.

Этот процесс взаимодействия двух культур происходит через посредников, которыми являются билингвы взаимодействующих лингвокультур. Н. Б. Мечковская пишет об этом так: «даже минимальное взаимопонимание невозможно до тех пор, пока обе стороны (или одна из сторон) не сделают хотя бы один шаг навстречу партнёру» [Мечковская 2000: 171]. Иначе говоря, взаимодействие культур и языков происходило и происходит при посредничестве индивидуального билингвизма определенного числа говорящих.

Двуязычие сопровождало человечество с древнейших времён и на протяжении всей его истории: ведь для того, чтобы общество, этнос развивались, нужно взаимодействие, непосредственные и опосредованные контакты с другими национальными общностями.

Несомненна связь двуязычия с духовной эволюцией человечества. Об

этом свидетельствует, например, развитие наук в Древнем Риме, базой для которых служили труды античных греческих учёных.

Большинство крупных учёных прошлого владели несколькими языками, ведь опыт человечества существует в многообразной полилингвальной оболочке. Знание латинского языка долгое время было одним из обязательных качеств учёного, на латинском языке писали научные работы, дискутировали, преподавание в высших учебных заведениях велось на латинском языке.

В наше время билингвизм является распространённым явлением, в то же время довольно долго считалось, что одноязычие это правило, а многоязычие рассматривалось как нечто исключительное [Вайнрайх 1972: 26]. Сегодня считается общепризнанным фактом, что двуязычие, многоязычие были характерны для многих культур на протяжении ряда веков, а в настоящее время существует тенденция к их еще большему распространению.

Исследованием языковых контактов в XIX веке занимались такие ученые, как Г. Грюнбаум, Э. Виндиш, Г. Шухардт. В России в начале XX века данной проблематикой занимались многие лингвисты, среди которых такие известные, как И. А. Бодуэн де Куртене, В. А. Богородицкий, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба.

В шестидесятые годы XX века проблема двуязычия стала развиваться активнее в связи с тем, что международное общение стало более интенсивным и возникла практическая потребность знания других языков, кроме своего родного, а также коммуникативных навыков общения на «чужом» языке.

Вначале проблематикой двуязычия занимались исключительно представители психологии, «почти все без исключения старавшиеся описать отношения между билингвизмом и умственными способностями или умственными заболеваниями» [Белл 1980: 157].

Языковеды стали активно заниматься проблематикой двуязычия в начале семидесятых годов XX века. Назовем зарубежных и русских исследователей, в

работах которых изучалась проблематика языковых контактов и двуязычия: Л. Блумфильд, У. Вайнрайх, Ч. Осгуд, С. Эрвин, М. Сигуан, У. Макки и др.; Е. М. Верещагин, В. А. Аврорин, Л. В. Щерба, В. Ю. Розенцвейг, Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко, В. А. Михайлов, Ю. А. Жлуктенко и др.

Необходимо отметить, что ряд учёных применяет и термин «билингвизм», и термин «двуязычие», в то же время большинство современных ученых отдаёт предпочтение термину «билингвизм», часть учёных не использует в своих трудах термин «двуязычие»; всё чаще вместо термина «билингвизм» в трудах ученых XXI века мы встречаем термины «полилингвизм» и «мультилингвизм» [Львов 2000: 96].

В нашей работе термины «билингвизм» и «двуязычие» употребляются как синонимичные, поскольку в энциклопедических словарях, объектом которых являются лингвистические термины, термин «билингвизм» определяется через понятие «двуязычие», реже – «многоязычие».

Неоднозначно понимаются критерии определения билингвизма. По этому вопросу был высказан ряд мнений, порой диаметрально противоположных.

Одни ученые полагают, что билингв – это человек, который успешно осуществляет коммуникацию на втором для него языке. Так, в частности, считает А. П. Майоров: «Отличительной чертой языковой ситуации в современном обществе является групповой и массовый билингвизм: иностранные языки преподаются в школах и вузах, многие языки служат средством межнационального и международного общения, для многих билингвизм является атрибутом профессиональной подготовки (переводчики, дипломаты и т.д.)» [Майоров 1997: 5].

Эту точку зрения поддерживает и К. Х. Ханазаров, полагающий, что о существовании ситуации билингвизма свидетельствуют такие факты: «люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка» [Ханазаров 1972: 123]. Ученый пишет так:

«Знание двух языков может быть неодинаковым по глубине, богатству, совершенству, но, несмотря на это, в главном, в основном, ради чего и существует язык, в обмене мыслями, в общении, – оно отвечает требованиям общающихся» [Ханазаров 1972: 123].

Другие лингвисты полагают, что билингв – это индивид с идеальным владением обоими языками. Так, О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дефинирует билингвизм следующим образом: «одинаково свободное владение двумя языками» [Ахманова 1966: 125]. М. Сигуан и У. Макки считают билингвом «того человека, который, кроме своего первого языка, в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» [Сигуан, Макки 1990: 10].

В. А. Аврорин пишет: «двуязычием следует признать примерно одинаковое владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка вплотную приближается к степени знания первого» [Аврорин 1972: 50]. Мы согласны с А. П. Майоровым в том, что, «идеальное двуязычие можно представить себе только теоретически» [Майоров 1997: 55]. Оно может быть отнесено только к узкому кругу лиц. В нашей работе мы придерживаемся первой точки зрения, считаем билингвизм массовым явлением современного общества, которое может быть разным по своей глубине, уровню владения вторым для билингва языком.

3.1.1 Специфика языковой ситуации с преобладанием идиома «русский язык» в Чеченской Республике

Русский язык в Чеченской Республике функционирует как государственный язык, язык межнационального и внутринационального общения билингвальных жителей, язык изучения и обучения в образовательных

учреждениях, язык науки, культуры, производственной деятельности, делопроизводства. Языковая ситуация в Чеченской Республике («совокупность форм существования одного, двух или нескольких языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии» [Жеребило 2016: 13]) обусловлена, в первую очередь, тем, что языком обучения в школах (как городских, так и сельских) является русский язык. Русский язык является в школах Чечни и языком изучения. Во-вторых, образование в государственных вузах республики также ведется на русском языке. Все это способствует возникновению русско-чеченского билингвизма как типичного явления для языковой ситуации в Чеченской Республике [Жеребило 2016: 62-65].

М. Р. Овхадов пишет: «Практически во всех сферах использования письменной формы языка используется только русский язык, причем в производственной сфере безальтернативно. Устное общение регламентируется, как правило, одноязычной или двуязычной средой. В семейно-бытовых отношениях, за редким исключением, используется родной язык» [Овхадов 2006: 52]. Языковая ситуация в республике в целом может быть охарактеризована как ситуация с преобладающим идиомом «русский язык» [Жеребило 2016: 150].

Ученые дифференцируют явление билингвизма по разным основаниям и по-разному. Т. В. Жеребило в своем «Словаре лингвистических терминов» выделяет 14 видов билингвизма, которые, по её мнению, характерны и для Чеченской Республики [Жеребило 2010: 65]. Назовем наиболее распространенные: 1) по характеру взаимовлияния языков – *координативный, субординативный, смешанный*; 2) в зависимости от количества билингов по отношению к этносу – *массовый*; 3) в зависимости от периода усвоения второго языка – *ранний, подростковый, юношеский*; 4) в зависимости от распространенности билингвальной речевой деятельности – *пассивный и активный*; 5) в зависимости от того, как усваивался второй язык –

естественный и *искусственный*; б) в зависимости от конкретных сфер употребления – *функциональный*.

В нашем материале представлен массовый, ранний или подростковый, активный, естественный или искусственный, функциональный билингвизм уроженцев Чечни.

По признаку принадлежности к этносу Т. В. Жеребило выделяет в Чечне такие виды билингвизма: «чеченско-русский, ингушско-русский, русско-чеченский» [Жеребило 2015: 14]. Русско-чеченский билингвизм Т. В. Жеребило описывает так: «часть чеченской молодёжи, сначала овладевает русским языком, воспринимая его как родной язык, а затем овладевает языком, родным по этническому признаку. Так, в процессе выборочного анкетирования чеченской молодёжи в возрасте от 17 до 20 лет, постоянно проживающей на территории Чеченской Республики, 15% указали, что в семейном общении они зачастую говорят на русском языке, хотя именно эта сфера всегда считалась сферой функционирования родного языка. Данный факт не связан с незнанием родного языка. Сами анкетированные так мотивируют употребление русского языка в устной речи в бытовой, семейной сфере: *«Дома я разговариваю на русском и чеченском языках. С мамой обычно говорю на русском, так как она филолог и любит говорить на русском»* (Д. И.); *«Я разговариваю на чеченском и русском языках, так как это привычно для меня, и я не замечаю, как перехожу с чеченского на русский язык и наоборот»* (Ю. Ф.)» [Жеребило 2015: 43].

По данным чеченских ученых, 85% анкетированных указали на то, что дома, в семейной сфере они говорят на чеченском, в университете – в основном на русском языке, хотя используют также чеченский. [Проект «Чеченской энциклопедии: <http://anchr.ru/ru/nauka/molodezh-i-nauka>].

В результате изучения взаимодействия чеченского языка и регионального варианта русского языка Т. В. Жеребило выделила те зоны, в которых происходит наиболее активное взаимодействие названных языков, что, по

прогнозам ученого, обеспечивает их устойчивое взаимовлияние. Эти зоны таковы: «1) социально обусловленные зоны: разговорная речь носителей билингвизма; художественные тексты, созданные писателями-билингвами; язык республиканских СМИ, представленный всеми формами бытования текстов: устной, письменной, печатной, электронной; 2) территориально обусловленные зоны: язык городов Чеченской Республики; язык населения пограничных зон, где длительное время компактно проживают представители разных народов, вовлечённых в языковое взаимодействие в Республике» [Жеребило 2015: 19].

Наш материал (тексты сообщений на русскоязычных интернет-форумах Чечни) демонстрирует пересечение указанных Т. В. Жеребило зон активного взаимовлияния русского и чеченского языков в Чеченской Республике: а) анализ анкет авторов собранных сообщений на русскоязычных форумах Чечни выявил, что они относятся к социально обусловленной зоне билингвизма, так как их авторы входят в определенную группу по таким показателям, как возраст (отсутствие пожилых людей) и образование (среднее профессиональное, либо высшее, редко среднее); б) проведенное анкетирование пользователей выявило, что они живут в городах или поселках, для которых характерен смешанный этнический состав народов Российской Федерации (территориально обусловленная зона билингвизма). Кроме того, наш материал выявил гендерную маркированность: большинство пользователей – это мужчины, большинство сообщений также написано мужчинами.

В целом изучение литературы по проблематике русско-чеченского билингвизма показало паритетность обоих языков, которые представляют собой взаимосвязанные компоненты русско-чеченского двуязычия.

3.2 Характерные черты явления речевой интерференции в интернет-опосредованной коммуникации на русском языке в формате форумов чеченцев-билингвов

В данном параграфе нашей работе мы исследуем результаты взаимодействия русского языка, который наши коммуниканты усвоили в детстве или позже, и чеченского языка, исконного для речи изучаемых пользователей. Предметом изучения в данном параграфе являются особенности таких видов интерференции, как речевая интерференция в высказывании и речевая интерференция в графическом слове в русской речи пользователя-чеченца на материале сообщений на русскоязычных форумах чеченцев-билингвов, носящая карнавальный характер.

Общение на основе глобальной электронной Сети создало специфичную коммуникативную среду, для которой характерно зарождение и бытование иных, чем прежде, форм и видов общения, которые, в свою очередь, модифицируют лингвокультурные знания и опыт общества. Первоначально языком коммуникации в глобальной электронной Сети являлся английский язык. Позже развитие интернет-коммуникации привело к использованию в коммуникативном пространстве Сети других языков и культур. В изучаемом фрагменте глобальной электронной Сети основным языком коммуникации является русский язык, который взаимодействует в русской речи пользователя с чеченским, английским и арабским языками.

Известно, что термин «интерференция» возник в физике и психологии, а затем был заимствован в лингвистику, в рамках которой существует как широкое, так и узкое понимание данного термина.

В литературу по языкознанию понятие и термин «интерференция» ввели представители научного направления, известного, как Пражский лингвистический кружок, понятие «интерференция» они трактовали как

процесс отклонения от норм двух взаимодействующих языков.

Известность термин «интерференция» получил после выхода монографии У. Вайнрайха. По мнению У. Вайнрайха, к интерференции относятся «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 2000: 44].

Большинство ученых придерживается широкого понимания интерференции, включая в данное понятие любые изменения в языковых элементах одного языка под влиянием иного языка, независимо от того, какой язык оказал влияние – родной язык для коммуниканта или язык, усвоенный пользователем позже, во время обучения. Так, В. И. Беликов и Л. П. Крысин дают следующую дефиницию интерференции: «Такое взаимодействие языков при их контакте, которое приводит к проникновению элементов и свойств одного языка в систему другого языка» [Беликов, Крысин 2001: 280].

При узком понимании интерференции под этим термином имеется в виду перенос билингвами навыков родного языка на изучаемый язык, следствием чего являются различные нарушения норм второго изучаемого языка. Такая точка зрения представлена в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [ЛЭС 1990: 197]. Аналогичного мнения придерживается А. Е. Карлинский, ученый дает такое толкование этого понятия: «случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на втором языке под влиянием первого языка» [Карлинский 1990: 127].

Два представленных понимания интерференции – широкое и узкое – восходят в своей основе к дихотомии язык-речь, в соответствии с которой существует два типа интерференции – языковая и речевая. Речевая

интерференция в определенных условиях может трансформироваться в языковую интерференцию, войти в систему второго, изучаемого, языка, хотя такие факты единичны.

По отношению к фактам неосознаваемого переноса навыков речи с одного языка в систему другого языка некоторые ученые высказывают мнение, в соответствии с которым такие случаи необходимо рассматривать отдельно, считая их иным явлением – «трансференцией». Трансференция – это явление отрицательное, нарушающее нормы того или иного контактирующего языка.

Таким образом, в речи билингва происходит взаимодействие тех языков, которые он использует в своей коммуникации. Названное взаимодействие относится как к речи билингва, так и к контактирующим языкам, что может репрезентироваться в данных языках на любом языковом уровне: фонетическом, морфемном, лексическом, грамматическом. Любое влияние, а также результат влияния одного языка, которым пользуется билингв, на другой язык, им используемый, входит в понятие «интерференция».

По своему направлению интерференция бывает двух видов: 1) интерференция родного языка на изучаемый, второй, язык (частотная разновидность); 2) интерференция изучаемого, второго, языка на родной коммуниканту язык (встречается реже, в том случае, когда второй язык превращается для пользователя в основной). Мы рассматриваем и первый вид интерференции, когда в речи чеченский язык воздействует на русский язык и второй вид интерференции, когда русский язык воздействует на чеченский язык.

Хотя проблематика интерференции языков изучается лингвистами уже более века и об этом понятии написано множество статей и монографий, существуют и недостаточно изученные вопросы, к которым относится и тема нашего исследования.

Проблема интерференции изучалась на материале чеченского языка многими

чеченскими лингвистами. Существует ряд работ М. Р. Овхадова в этой области, например, «Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия» (2000), К. З. Чокаева, например, «О социальных функциях двуязычия чеченцев, проживающих в г. Грозном» (1972), А. И. Халидова «Некоторые аспекты интерференции русского и чеченского языков» (1982), А. А. Яхьяевой, например, «Интерференция в речи чеченцев как результат взаимодействия русского и чеченского языков (2009)» (в библиографии работы названных ученых представлены более обширно).

А. И. Халидов так определяет интерференцию: это «взаимодействие системы и норм основного (как правило, родного) языка говорящего на неродном и его речи на этом втором языке, приводящее к нарушениям норм осваиваемого языка в случаях несовпадения в фонетическом и грамматическом строе двух языков» [Халидов 2006: 67].

Интерференция воспринимается как акцент в речи носителя языка, владеющего двумя языками. А. И. Халидов полагает: «в речи чеченцев не сформировался собственный акцент как явление, из-за которого эта речь была бы непонятной или трудно воспринимаемой» [Халидов: 2006, 69].

По мнению чеченских лингвистов, самым распространенным видом интерференции, встречающейся в русской устной (и опосредованно в письменной) речи чеченцев, является фонетическая интерференция, что обусловлено расхождениями в фонологических системах чеченского и русского языков. В фонетической системе чеченского языка присутствуют дифтонги; имеет место сильная редукция гласных звуков в конце слова; не встречаются стечения согласных звуков в начале слова, как в русском языке; состав согласных фонем не совпадает; отсутствуют мягкие согласные, есть полумягкие согласные, которые наблюдаются в позиции перед гласными переднего ряда; есть придыхание при произношении согласных и другие структурно-типологические особенности. В процессе фонетической интерференции в целом происходит отождествление фонемы

изучаемого, второго, языка с фонемой языка, который является родным для коммуниканта.

А. А. Яхьяева в своей диссертации «Чеченский язык в 90-е годы XX века: функции и структура» (2007) выделила следующие виды интерференции на фонетическом уровне в речи на русском языке билингвов-чеченцев:

1) «замена звуков *э, е, о* в односложных словах и в ударном положении в многосложных словах русского языка на дифтонги *ие//уо*, например: (*сниег*) – снег, (*истудиент*) – студент, (*диен*) – день, (*молодиец*) – молодец, (*газиег*) – газета, (*вуот*) – вот, (*завуод*) – завод, (*ниет*) – нет» [Яхьяева 2007: 131];

2) замена русских мягких согласных на твердые или полумягкие согласные: (*убират*) – убирать, (*мельница*) – мельница, (*мебел*) – мебель, (*мат*) – мать, (*медал*) – медаль, (*купит*) – купить и т.д.;

3) замена фонемы *ф*, отсутствующей в чеченском языке звуками чеченского языка, такими, как *п, х*: (*шопер*) – шофер, (*панер*) – фанера, (*шикап*) – шкаф, (*хутбол*) – футбол, (*панар*) – фонарь и т.п.;

4) «вставка в сочетания согласных *тр, пр, хр, бр, зд, рт, кр, шч* в начале слова гласных звуков, обычно *а*, реже *у*, например: (*здравствуй*) – здравствуй, (*окуржение*) – окружение, (*пирзидент*) – президент, (*барсать*) – бросать, (*турба*) – труба, (*правильно*) – правильно, (*палац*) – плац, (*палхой*) – плохой, (*тарлейбус*) – троллейбус, (*тармвай*) – трамвай, (*парграмма*) – программа, (*китига*) – книга, (*парспект*) – проспект, (*Гурозни*) – Грозный, (*пирческа*) –прическа, (*пулов*) – плов, (*перподаватель*) – преподаватель, (*пардавец*) – продавец, (*пирвет*) – привет, (*пирцеп*) – прицеп, (*парпессор*) – профессор» [Яхьяева 2007: 132];

5) «вставка в сочетания согласных *сп, шк, кс, ск, шт, сд, ст* гласного *и*, например: (*шикап*) – шкаф, (*шикол*) – школ, (*истол*) – стол, (*исправна*) – справка, (*истудиент*) – студент» [Яхьяева 2007: 132].

Такое подробное описание видов фонетической интерференции понадобилось, чтобы аргументированно показать, что все указанные

проявления фонетической интерференции в текстах сообщений на изучаемых форумах отсутствуют. Мы связываем это прежде всего с тем, что характерная для интернет-коммуникации конвергенция устной и письменной формы речи не затронула таких признаков письменной речи, как заранее подготовленные монологи с целью воздействия на других пользователей, ориентированность в целом на традиции письменности, стилевое разнообразие. Кроме того, мы полагаем, что отсутствие фактов фонетической интерференции в текстах сообщений на изучаемых форумах объясняется социально-демографическим «портретом» аудитории форумов: пользователи обладают высшим, реже средним образованием, находятся в возрасте от 18 до 35 лет, ведут активную общественную жизнь.

В данном исследовании применяется понимание интерференции как интерференции навыков, вследствие чего анализируются случаи нарочитых отклонений от норм русского языка в речи чеченца-билингва (на русскоязычных форумах Чечни), сделанных с определенными коммуникативными целями, а также случаи гибридизации, имеющие дополнительный коннотативный смысл. Собранный нами материал выявил бытование различных видов речевой интерференции.

3.2.1 Лингвокультурологический аспект речевой интерференции в высказывании

Речевая интерференция в русской речи чеченца-билингва в интернет-коммуникации выражается в следующих фактах:

- в наличии чередований в текстах сообщений фрагментов русской и чеченской речи (А);
- в наличии вкраплений в текстах сообщений на русском языке лексических элементов иных языков – чеченского, арабского, английского (Б).

Покажем это подробнее.

А. Чередование в сообщении фрагментов русской и чеченской речи.

Довольно часто сообщения чеченских билингвов представляют собой попеременное использование то русского, то чеченского языков. Подобные факты могут представлять два разных явления (А1 и А2).

А1. Попеременное использование то одного языка, то другого в процессе речи, которое происходит в рамках текста: чередуются разноязычные высказывания, каждое из которых оформлено в соответствии с нормами того языка, которому принадлежит данная часть высказывания (переключение языков).

Malika (11.02.11 / 00.33)

Мисс ПалБу

- ***«Эли, сун хезна из. Dj Sakura читает под мелодию».*** В переводе означает «Эли, я это слышала. Dj Sakura читает под мелодию». В данном тексте присутствует словосочетание на английском языке, состоящее из наименования профессии и латиноамериканского собственного личного имени – ***Dj Sakura*** (=диджей Шакира).

Ch1inho пишет:

- ***«Tomik-Bespredel, хьунвоьвзшамвацар и? Вара. Медлительный вар и. Всё время чё то думал».*** В переводе означает «***Tomik-Bespredel*** (прозвище на форуме пользовательницы под ником Тома, которой до всего есть дело), ты его знала? Был сильно медлительный, этот. Всё время чё-то думал».

Тома...(24.04.10 / VIP Персона)

Ch1inho пишет:

- ***«По ходу у него и склероз?»*** (цитирование слов Ch1inho) – ***«Сунамцахаь».*** Дадим перевод высказывания *Сунамцахаь*: «Я не знаю».

RaphaeL (09.10.11)

Злой Модер

- *«Существует ли любовь? Балам бац. Блондинка еееез))»*. Перевод второй части таков: «Плевать. Блондинка – да!». В данном тексте соединены вербальные элементы русского, чеченского и английского языка (звучание слова *уес* в кириллической записи *еееез*).

А2. Попеременное использование то одного языка, то другого в процессе речи, которое происходит в пределах одного предложения, вклинивание цельнооформленного сегмента одного языка в высказывание на другом языке. Подобное чередование фрагментов русской и чеченской речи встречается гораздо чаще.

А. Е. Карлинский предложил отграничить подобные случаи от интерференции и назвал их интеркаляцией. Ученый пишет, что интерференция – это «случаи отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на втором языке под влиянием первого языка. Случаи же отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на первом языке, которые возникают в результате влияния второго языка ... нужно называть интеркаляцией» [Карлинский 1990: 127]. Другие ученые называют названные факты взаимодействия языков межъязыковыми вкраплениями или межъязыковыми вклиниваниями [Яхъяева 2007: 133].

Приведем примеры с сайта <http://palbu.ru/>. Заметим, что во всех приведенных ниже примерах используются лексические элементы-вкрапления из русского языка, аналоги которых имеются и в чеченском языке (редундантная интеркаляция).

Chechensoft (26.11.11)

Продвинутый

- *«Существует ли любовь тов..?) Дукх чIогI существует!!! Кажется автор статьи не разу не влюбился..!))»*. Дадим перевод этому сообщению: «Существует ли любовь, ничего себе!? Даже очень существует!!!»

tarhan (26.04.11)

ЕКХ

- *«Ишт кьоргер хьуми хуьш далхьарам я бы министром стал.*

Приведем перевод: «Если бы я так много знал, я бы министром стал».

Злой Модер

- *«Вообща чехк хир вар хьо тIакх, жду.* В переводе означает «вообще тогда ты был бы шустрим, жду».

Angel without wings

- *«Сам ю точно такой же глупый медвежонок».* Дадим перевод: «У меня точно такой же глупый медвежонок».

Stella95 (11.02.11 / 00.50) Прохожий

- *«Я не слышала песню, незнаю, локхи хир юкх».* Дадим перевод: «Я не слышала песню, не знаю, поет, наверное».

Mansur (06.01.11 / 03.02)

Прохожий

- *«Иштам соь ву шун в душе романтик».* В переводе на русский означает: «А так-то и я в душе романтик».

Malika (16.02.11 / 02.09)

Мисс ПалБу

- *«Ахь ма аллар али асаь, обойдемся без услуг и одолжений».* В переводе на русский означает: «Мне тоже сказать так же, как и ты, обойдемся без услуг и одолжений?»

ismail95 (23.05.11 / 13.11)

Новичок

- *«Пал букх короче».* □ В переводе на русский означает: «Ерунда, короче».

БАДИ (01.08.11 / 10.43)

Частый гость

- *«Любовь есть, ее не видишь а чувствуешь. А иногда и видно в глазах*

любовь. да и ваще ца пал бу безам». □ Фрагмент на чеченском в переводе на русский означает «да и вообще, любовь это ерунда».

chechensky-paren

- *«Думаю, некоторые овздангалла, гИллакх потеряли где-то в районе единственной извилины*». Фрагмент на чеченском *овздангалла, гИллакх* в совокупности с русским фрагментом означает: «Думаю, некоторые духовность, нравственность, порядочность и уважение к другим потеряли где-то в районе единственной извилины».

В ряде сообщений на русском языке мы встретили особые вкрапления чеченского языка: это грамматические формы слов либо слова, лексическое значение которых является опустошенным. Эти десемантизированные языковые элементы частотны в любом языке: к ним относятся связочные глаголы (иногда встречаются и недесемантизированные глаголы), наречия с дейктическим значением времени и места, местоимения с указательным значением, союзы. Анкетирование пользователей показало, что вкрапление названных грамматических форм и лексем происходит неосознанно.

«Душняк ю кхузахь». Дословный перевод – «Здесь слишком душно» (пользователь намекает, что на странице очень много коммуникантов) [Мустапаева 2016б: 156]. В чеченском языке слово *кхузахь* имеет значение «здесь». Лексема *ю* является глаголом-связкой, значением 'существовать, быть' в данном контексте она не обладает, по своей функции и значению слово *ю* равнозначно форме 3 лица единственного числа *есть* глагола *быть* русского языка.

«Полный скучняк ю тахана-м». Дословный перевод – «Полный скучняк сегодня» [Мустапаева 2016б: 156]. В чеченском языке слово *тахана-м* имеет значение «здесь». Лексема *ю* является глаголом-связкой, ее лексическое значение десемантизировано, по своей функции и значению она равнозначна глагольной связке *есть* в русском языке.

«*Муха ю житуха?*». Дословный перевод – «Как здесь жизнь?» [Мустапаева 2016б: 156]. В чеченском языке слово *муха* имеет значение ‘здесь’. О значении лексемы *ю* мы писали выше.

«*В глазах мутняк ю*». Дословный перевод – «В глазах мутняк» [Мустапаева 2016б: 156]. Лексема *ю* является глаголом-связкой, по своей функции и значению она равнозначна глагольной связке *есть* в русском языке.

«*Законно юкх*». Дословный перевод – «Законно» [Мустапаева 2016б: 157]. Лексема *юкх* является глаголом-связкой, по своей функции и значению она равнозначна глагольной связке *есть* в русском языке (в чеченском языке глагол-связка не опускается).

«*И волна схьаелла конкретно*». Дословный перевод – «Волна накатила конкретно» [Мустапаева 2016б: 157]. Пользователь считает, что на форуме собралось много народу. В чеченском языке слово *и* является указательным местоимением в форме именительного падежа и единственного числа, лексема *схьаелла* является полнозначным глаголом и имеет значение ‘накатить’ (в данном случае ‘накатило’).

Пользователь форума «kavkaz.ws» так пишет о причинах включения в текст на русском языке лексем из чеченского языка: «Если нужно передать чувства, связанные с изменой настроения в ностальгическую сторону, если речь идет о любви к Родине, к истории чеченского народа или языка, тогда пользователь пишет на чеченском, и это чеченец». Пользователь форума «kavkaz.ws», имеющий никнейм **Арби**, написал, что смешение чеченского и русского языков у него происходит спонтанно и не зависит от темы общения, ситуации, собеседников и его настроения.

Необходимо отметить, что использование русского языка в речи чеченцев, пользователей Интернета, является привычным и обыденным фактом, русский язык для них естественное средство общения. Показательным может быть диалог пользователей в открытой модератором теме «Поговорим на

чеченском»:

Прохожий

- *«По моему не получается говорить только на родном языке».*

Я Всегда Права

- *«Им хир дар потихоньку».* В переводе «Получится потихоньку».

Прохожий

- *«Потихоньку бахи ахь?»* В переводе «Потихоньку, говоришь?».

В сообщениях на русском языке чеченских пользователей (и в отдельном высказывании, и в тексте) имеются вставки отдельных устойчивых словосочетаний чеченского языка, значение и смысл которых связаны с историей и культурой чеченского народа.

- *«Для родителей любимый сын, для друга брат, для девушки забытый тIехъийза клант* (словосочетание *тIехъийза клант* обозначает в чеченском «ухаживающего парня, жениха»). Так представился пользователь форума «kavkaz.ws» с виртуальным именем (никнеймом) *Арби*.

«Palbu, оцбалхац еще и курит он»)). Перевод является таким: «Ерунда, к тому же и курит он». Устойчивое выражение чеченского языка *оцбалхацв* (*оцубалхаца*) обладает фразеологизированным значением «при том, к тому ещё».

Bride (12.07.10 / 13.33)

Частый гость

- *«Девочки! Ма алиш таг яц)) Когда два человека вместе и у них все хорошо – это прекрасно, пускай это и называется любовью, ну пускай»)).* Фрагмент высказывания на чеченском языке «Ма алиш таг яц»)) означает «Не говорите не мужчина».

Malika (16.02.11 / 02.09)

Мисс ПалБу

- *«Любовь – таг яц!»* У чеченцев очень распространено выражение *таг*

яц – «не мужчина», которое может относиться к чему угодно, означая слабость данного обстоятельства, предмета, ситуации, явления или еще кого-чего-либо. В данном случае имеется в виду, что «любовь – это слабость» («только слабаки могут влюбиться»): такое пояснение дала автор, пользовательница Malika).

В целом попеременное использование то русского, то чеченского языков в речи чеченцев-билингвов происходит и в рамках текста (чередуются высказывания на русском и чеченском языках), и в рамках одного высказывания (в русскую речь вклиниваются сегменты на чеченском языке), второе явление происходит чаще. Интеркалирование в тексты сообщений на русском языке и переключение кодов обусловлены социолингвистическими, лингвокультурологическими, психологическими причинами. К ним мы относим эмоциональное состояние адресанта, автоматическое неосознанное включение стандартных формул и элементов, желание создать этнический культурный фон, потребность в самопрезентации, желание развлечься.

Б. Вкрапления в сообщение на русском языке лексических элементов иных языков этикетного светского или этикетного религиозного характера – чеченского, арабского. Данные вкрапления не имеют соответствий в русском языке (инвентарная интеркаляция). Самые частотные лексические вкрапления в русской речи чеченца – это **этикетные формулы**, характерные для чеченского языка: «***Баркал всем друзья***» (лексема *баркал* в чеченском языке имеет значение ‘благодарность’).

Довольно часто в своей русской речи чеченцы-билингвы, пользователи Интернета, используют этикетные формулы, а также обращения, свойственные всему мусульманскому миру в книжном и в разговорном вариантах. Такие вкрапления в русскую речь чеченца являются **переводами с арабского языка**:

- «***Субханаллах***, такая история аж мурашки по коже» (*Субханаллах* в переводе с арабского означает «Преславен Аллах»);

- «***Ахи***, где продолжение?» (*Ахи* в переводе с арабского означает «брат»);

- «*АхІланвасахІлан* братья и сестры! Я правильно написал?» (словосочетание *АхІлан ва сахІлан* на арабском языке означает «добро пожаловать»);

- «*Ассаламуалайкум!* Доброе утро!» (словосочетание *Ассаламуалайкум* является приветствием, свойственным всем мусульманам и означает «мира вам» на арабском языке);

- «*Салам*, брат!»

- «*Ассаламу Іалайкум*, братья!» (= «Мир вам и вашим домам!»). В ответ говорят *ВаалайкумАссалам* вам!» (= «И вашим тоже!»);

- «*Алхьямду лиЛЛАХІ*, жив!» (= «Хвала Аллаху!»).

- «*ВаалайкумАссалам* брат» 🙏 .

- «*Ассаламуалейкум* всем братьям и сестрам».

- «*ВаалайкумАссалам*. Добро пожаловать» 🙏

- «*Салам* всем».

- «*Salam* vsem».

- «*Салам алайкум* кавказ, доброе утро девчкш».

- «*Салам алайкум* бродягш».

- «*Ассаламуалайкум* са ваш са ийш! Надеюсь правильно написал».

Словосочетание *Ассаламуалайкум* является приветствием, свойственным всем мусульманам и означает «мира вам» на арабском языке. Далее автор пишет на чеченском языке «мой брат и моя сестра».

- «ОСОБО ОПАСНАЯ, *дал йуьзил*)))». Словосочетание *дал йуьзил* переводится как «пусть Аллах тебя полюбит» (выражение для ответа на приветствие).

- «*АхІланвасахІлан* друзья мои». Словосочетание *АхІлан ва сахІлан* на арабском языке означает «Добро пожаловать».

Нередко вклинивания из арабского языка представляют собой **вставки**,

являющиеся формулами благодарности Всевышнему (аналог православного «спасибо, Господи») или согласия с происходящими событиями как следствием божьего волеизъявления (аналог православного «если Бог пошлет», «с божьей помощью»): «*Машиа Аллах1*» (= «это то, что захотел Аллах»); «*Иниша Аллах1*» (= «если Аллаху угодно»).

Приведем полилог пользователей, включающий названные формулы:

Sayfuddin (11.05.11 / 17:58)

- «Счастливы ли вы?»

Чеченец Я

- «конечно! *АлхьямдуЛИЛЛАХ1*, все, что необходимо у меня есть».

Zezag

- «Я счастлива неполностью в этом бренном мире, *хвала АЛЛАХУ*, если попаду в Рай *ИнишаАЛЛАХ1* буду счастлива там».

Zareemka

- «*Алхьямдулиллах1* счастлив конечно...!!! »

the-best-girl

- «*Альхьямдулилахь*, грех жаловаться: все живы-здоровы, не голодаю, есть крыша над головой, *МаршиАллахь!* каждый день благодарю Аллаха за такое счастье...! »

Абрек

- «Честно говоря, да, я счастлив, конечно, хочется большего, но *инишаАллах* после смерти попаду в Рай».

RaphaeL (09.10.11 / 01.52)

- «Я встретил Тебя, *SubhanAllah...* Увидел Тебя, *Alhamdulillah...* Ты такая красивая, *MashaAllah...*». Дадим перевод формул благодарности Всевышнему: *SubhanAllah...* ("Преславен Аллах"), *Alhamdulillah* («Хвала Аллаху»), *MashaAllah* («да будет доволен Аллах»).

В завершении параграфа о специфике языковой ситуации с

преобладанием идиома «русский язык» в Чеченской Республике необходимо подчеркнуть, что именно поликультурность виртуальных личностей интернет-опосредованной коммуникации в формате изучаемых форумов привела к созданию «смешанных текстов» (результат либо вклинивания в текст на русском языке цельнооформленных сегментов из чеченского языка, либо вкраплений в сообщение на русском языке элементов мусульманской лингвокультуры), в которых проявилась континуальность коммуникативного пространства жителей Чечни, относящихся к русско-чеченским билингвам.

3.2.2 Лингвокультурологический аспект речевой интерференции в графическом слове

Исследуем графический аспект интерференции на материале никнейма.

По выбору знака в качестве имени пользователя и по графическому выражению этого знака никнеймы пользователей чеченцев-билингвов являются разнообразными.

Никнеймом может быть:

- 1) русское нарицательное имя, оформленное на кириллической или на латинской графике, реже на обеих графических системах;
- 2) чеченское нарицательное имя, оформленное на кириллической или на латинской графике, реже – на обеих графических системах;
- 3) чеченское имя собственное, редко русское или европейское имя собственное;
- 3) фамилия и имя, оформленные на кириллической или на латинской графике, реже на обеих графических системах;
- 4) нарицательное или собственное имя, оформленное на кириллической или на латинской графике, реже на обеих графических системах, + диакритические знаки, употребляющиеся одновременно в разных культурах;

5) диакритические знаки, которые являются общими для разных графических систем.

Покажем представленные виды графической интерференции подробнее. Виртуальные имена **пользовательниц-женщин**, выраженные собственными или нарицательными словами, могут относиться к **русской лексике**. Графически они оформляются по-разному:

а) кириллической графикой: «~ Единственная ~, страница удалена!, Без*, Я всегда права» [Грязнова, Мустапаева 2017: 195];

б) латинской графикой: hava ne vajno, «"NeViDiMka" (("VIP")), Milashka95, Ne3naKomKA» [Грязнова, Мустапаева 2017: 195];

в) одновременно с помощью русской и латинской графики: Toska_по_Фирдаусу, «Француженка» [Грязнова, Мустапаева 2017: 196].

Ряд никнеймов, являющихся нарицательными именами, входит в **словник чеченского языка**. Названные никнеймы в нашем материале оформлены с помощью латинской графики: а) ZEZAG ALIEVA (в чеченском языке означает ‘цветок’), б) Dogachka (это слово в чеченском языке имеет значение «сердечко»).

Ряд никнеймов, являющихся нарицательными именами или высказываниями, выражены **лексемами английского языка**: «One I such !!!, Diamond Ledi, Magic Women» [Грязнова, Мустапаева 2017: 196].

Некоторые никнеймы представляют собой словосочетания, состоящие из: а) собственного чеченского, реже европейского имени или нарицательного чеченского слова, б) того или иного английского существительного (нарицательного, реже собственного): «Samira love, Madina USA, Лолита muslim girl», «Джарадат nohciland (nohci в переводе с чеченского означает ‘чеченская’), the Мадина, Мисс PalBu (‘мисс ерунда’ в переводе с чеченского), Samira love, зайнап ди (на основе английского наименования «Леди Ди»)» [Грязнова, Мустапаева 2017: 196]. Подобные ники могут включать слова или модели,

являющиеся штампами массовой культуры: just Aza (=просто Аза), «Magic Women, MaRiShKa VaMp» [Грязнова, Мустапаева 2017: 196]. Графика названных ников различна: и латиница, и кириллица, есть и смешанные написания.

Есть никнеймы являющиеся сочетанием знаменательных русских и чеченских существительных: zali 4e4en04ka (=Зали чеченочка). Графика латинская.

Виртуальные имена пользователей-женщин, выраженные собственными именами, оформлены и на латинице, и на кириллице, они чаще всего представляют:

а) мусульманскую культуру: Забура **, zalina 95, Малика, Алика, Индира, Тома, Малена;

б) реже европейскую культуру: «MONIKA *, Madlen» [Грязнова, Мустапаева 2017: 196];

в) еще реже современный русский именной: Лиза 95.

Никнейм, являющийся чеченским собственным именем, может включать в свой состав:

а) начальную литеру фамилии: ZAREMA B, Amina D., ZaReta A., МэДи И.;

б) графический символ, не имеющий привязки к конкретной графике: IMANA *****, Aisha *, =Тамила=, •°•°Хава•°•°, Лина 95.

Графика названных никнеймов различна: и латиница, и кириллица.

Основной массив виртуальных имен пользовательниц-женщин носит официальный характер. Это фамилия и имя, либо в кириллической, либо в латинской графической системе:

а) Амина Дебишева, Лиана Гапураева, Таиса Шаипова, Элиза Мацаева, селима ибрагимова;

б) fatima Gujulova, Zalina Isaeva (Ansarova), liana mukaeva, kameta

khasanova, Makka Mustapaeva, Xedi Govdaeva.

Виртуальные имена **пользователей-мужчин**, выраженные собственными или нарицательными словами, могут относиться к **русской лексике**. Графически они оформляются по-разному:

1) нарицательные лексемы русского языка на латинской графике: Ferzъ, перокорнуj beglez, Titan **;

2) нарицательные лексемы русского языка (редко сочетание нарицательного и собственного существительного) на кириллической графике: Неизвестно Неизвестно, О Д И Н О К И Й С Т Р А Н Н И К, Сетевой контакт, ОХОТНУК, коммерсант 95, Бродяга Бродяга, Ликбез Бетерович.

Ряд виртуальных имен **пользователей-мужчин**, выраженных нарицательными словами, могут относиться к **чеченской лексике**. Графически они передаются чаще с помощью кириллицы, реже – латиницы:

1) нарицательные лексемы чеченского языка на кириллице или латинице: нохчо ('чеченец'), bu_ku (буку – кличка, данная в детстве), «абрек, Чечен, Вайнах» [Грязнова, Мустапаева 2017: 197];

2) собственные лексемы чеченского языка в кириллической графике: Байсангур (чеченский воин XIX века, наиб имама Шамиля, в памяти народа остался как один из великих героев), Умар ----, Аслан С., РИЗВАН ИЧКЕРИ, Сайхан Р. ТЕРЕК, Нохчо Барзаев, Бено (один из тейпов в Чечне), Салим Мулкоевский;

3) собственные лексемы чеченского языка в латинской графике: Yunus (мусульманское имя), Said Umalatov, Rustam XXX, Argunskiy, Aslan, НОХЧИ К1АНТ ('чеченский парень'), Aslan.

Некоторые ники пользователей-мужчин являются соединением собственного чеченского имени и русского нарицательного существительного: АББУ-БАКАР СПРАВЕДЛИВЫЙ, Имран ЧЕЧЕНЕЦ, Gladiator bilto, Адам Эгоист, Аббас правдивый. В их графическом оформлении используется и

кириллица, и латиница.

Ряд виртуальных номинаций пользователей-мужчин являются соединением существительных **чеченского и английского языков**: СНЕСНЕН FROM BELGIE (‘чеченец из Бельгии’), Unnown Ahi (‘неизвестный’).

«Единичные никнеймы относятся к **словнику испанского языка**, иногда являются сочетанием знаменательных **слов испанского и английского языков**: а) испанское нарицательное существительное на латинице Amigo; б) словосочетание, состоящее из испанского слова и английского слова на латинице: Amigo_best (=лучший друг)» [Грязнова, Мустапаева 2017: 197].

Определенное количество мужских никнеймов является соединением нарицательных или собственных существительных **и диакритических знаков**, характерных для графических систем разных народов:

1) собственные существительные чеченского языка, в графическом оформлении которых используется и кириллица, и латиница, + цифры, значки: ***** Тачаев, Мага ***, вайнах***, ARBI ***, **Юсуп **, Ishadjii oooooo, Амрудди 95region (Чечня является 95-ым регионом РФ), ***NoXcHo*** (‘чеченец’), нохчо 100%, 9Барса9 Барса, IBRAGIM *****;

2) нарицательные существительные русского языка, в графическом оформлении которых используется и кириллица, и латиница, + цифры, значки, знаки препинания в символическом употреблении:)))))))САМУРАЙ(((((((, Nishnik ----, 4еловек добродетель, Агент_744 неважно, Неизвестный 95, persona 95 regiona 007.

Виртуальные имена пользователей-мужчин, выраженные собственными именами, оформлены и на латинице, и на кириллице и чаще всего представляют:

- 1) мусульманскую культуру: Лема, Асламбек, Рашид, Арби, Заур, Али;
- 2) европейскую культуру: Адольф, Vanhelsing Jonatan, Albert;
- 3) еще реже современный русский именник: Олег95. Графическое

оформление и на кириллице, и на латинице.

Основной массив виртуальных имен пользователей-мужчин носит официальный характер. Это фамилия и имя, чаще в кириллической, либо в латинской графической системе:

1) лема джамалдинов, ахмад атаев, салман ванцаев, Хусейн Малх, хасан товсултанов, Мохмад Яхиев, Муса Яхихажиев, Муслим Юнусов, салман умаров;

2) Navaj Datuev, Aslan Pirojkov Mayerbek Bissoultanov, Ramzan Abdullayev, Djamaqa Dudaev, SHOEV ISMAIL, movsur movsurov, kishi shamurzaev.

Изучение и анализ нашего материала демонстрирует, что в русскоязычном фрагменте интернет-сети коммуниканты-чеченцы мужского пола часто выбирают имена, тем или иным образом соотносящиеся с образом волка, характерного для чеченской лингвокультуры. По графическому основанию мы разделили их на такие группы (по количеству они примерно равны):

- имена пользователей, переданные на латинской графике (это лексеммы как чеченского, так и русского языков, редко английского языка). Существование подобных никнеймов в названной графической оболочке в целом обусловлено влиянием американской культуры, характерным для всего современного российского общества;

- имена пользователей, переданные на кириллической графике (это лексеммы только русского языка);

Мы разделили виды ников, переданные **латинской графикой**:

1) первая латинская буква никнейма на чеченском языке или прописная или строчная: borz, Borz (на чеченском языке означает 'волк');

2) все латинские буквы никнейма на чеченском языке являются прописными: BORZ;

3) прописные и строчные латинские буквы никнейма на чеченском языке

пишутся по очередности: BoRz;

4) латинской графикой передано новое мотивированное слово от лексемы чеченского языка *borz* со словообразовательным модификационным значением ласкательности: borzik;

5) словосочетание русского языка, включающее русское слово *волк*, на латинице + определение русского языка дерзкий: derskiy_volk;

6) одна из строчных латинских букв лексемы *borz* заменена, так как данный никнейм был уже использован на форуме: borss (коммуникант заменил латинскую букву z на двойную букву ss);

7) первая латинская буква никнейма на чеченском языке прописная или все латинские буквы никнейма являются прописными + собственное чеченское имя: BORZ Timur, Bekxah BORZ, Mansur Borz;

8) все латинские буквы никнейма на чеченском языке являются строчными + лексема русского языка на латинице: borz odinokij;

9) все латинские буквы никнейма на английском языке являются строчными + цифры (номер региона Чеченской Республики: wolfs 95 (= волки 95-го региона)).

Мы разделили виды ников, переданные **кириллической графикой**:

1) все кириллические буквы никнейма чеченского языка являются прописными: БОРЗ;

2) первая кириллическая буква никнейма чеченского языка или прописная или строчная: Борз, борз;

3) первая кириллическая буква никнейма чеченского языка прописная, никнейм написан дважды: Борз Борз;

4) первая кириллическая буква никнейма чеченского языка прописная + определенный графический знак: Борз!!!

5) первая кириллическая буква никнейма чеченского языка прописная + цифры (номер региона Чеченской Республики, возраст, день рождения): Борз 95

Борз 31 марта, 1979, Борз 25 лет;

б) первая кириллическая буква никнейма чеченского языка прописная + лексемы русского языка: Борз Чеченец, Парень Борз.

Визуальные знаки, или аватары, которые сопровождают названные никнеймы, это чаще всего фотографии пользователей, рисунки волка, фото известных киногероев (например, Терминатора).

Изучение лексико-графического оформления имен пользователей демонстрирует активное взаимодействие и сочетание вербальных и невербальных знаков чаще всего русской и чеченской лингвокультур, реже – русской, чеченской и английской лингвокультур.

3.3 Специфика вербальных маркеров общенационального процесса демократизации русской речи в формате форумов чеченцев-билингвов

Основной Закон Российской Федерации и Конституция Чеченской Республики гарантируют защиту государством языков народов, живущих в Республике. «Законом Чеченской Республики о языках регулируются отношения в области употребления русского языка, наряду с чеченским и другими языками. Русский язык как государственный используется населением республики в различных сферах: государственной, социально-экономической, культурной. Закон о языках гарантирует защиту конституционных прав граждан в этих сферах, создаёт высокорефлексивную образовательную среду, нацеленную на формирование уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку» [Жеребило 2015: 31]. Наибольшее взаимодействие русского и чеченского языков происходит в лексике, что обусловлено востребованностью информационной функции языка и потребностями номинации.

У чеченцев-билингвов очень бережное отношение к русскому

литературному языку, которое проявляется в стремлении к соблюдению всех его норм, особенно в письменной речи, в неодобрительном отношении к внелитературным формам существования русского языка. Но современная языковая ситуация, проявляющаяся в демократизации литературного русского языка на всем пространстве его функционирования [Сиротинина 1993, Морослин 2009], влияет и на русскую речь чеченцев-билингвов, в том числе и на форумах русскоязычного фрагмента Интернета.

Ученые, исследующие интернет-коммуникацию, считают, что в лексическом аспекте для нее характерны такие типичные свойства:

1) смешение стилей (в интернет-пространстве бытуют все стили: книжные стили литературного языка, разговорные, разговорно-просторечные стили разговорной речи);

2) наличие сленгированности как следствие речевой свободы в Интернете, что реализуется в употреблении субстандартных языковых единиц;

3) повышенная эмоциональность и экспрессивность, которые вызваны желанием пользователей в Сети оценивать явления, события текущей жизни, что нередко выражается в «сочинении» или использовании разного рода неузуальных слов и форм.

Существуют ли названные выше свойства интернет-коммуникации в русской речи чеченских билингвов?

3.3.1 Сленгированность русской речи

Мы уже отмечали, собранный нами материал выявляет сленгированность русской речи чеченских билингвов как следствие процесса демократизации, характерного для всего русского литературного языка, но сленгированность присуща изучаемой русской речи чеченцев-билингвов в невысокой степени.

Остановимся на этом подробнее.

Просторечные и жаргонные лексемы, характерные для русской разговорно-бытовой речи [Шапошников 2011], присущи и русской речи чеченцев-билингвов.

1. Слово **чѐ**, которое может быть в контексте местоимением, частицей, союзом. «**Чѐ устали?**». «**Чѐ там за шум?**». «**Чѐ как ты?**»

В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано 992 документа, 3622 вхождения с данной лексемой, это слово часто употребляют и журналисты, и студенты, нередко оно встречается в диалогах в художественных произведениях [<http://www.ruscorpora.ru/>].

. «Просто обидно за наше поколение, когда слышишь о советских фильмах отзывы вроде: «Да я ваче не въехал, **чѐ** режиссеру надо было» [коллективный форум: рецензии на фильм «Службный роман» (2006-2010)]. «А если бы кто поумней – подобрал голову-то, ведь без головы, дураку, воевать пришлось бы... – Я ценю юмор, – кисло улыбался пропагандист, – но, товарищи!.. – Это **чѐ**?! Без головы воевать не диво. Примеров тьма, – подхватывал ко времени проснувшийся Артюха Колотушкин» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]. «Как известно, «покуда есть на свете дураки – обманом жить нам, стало быть, с руки...» Люди, сто раз думайте, куда вы несете свои деньги!!! Ну, за аннуляцию тура любая турфирма штраф возьмет немалый. А вообще надо бы доки посмотреть, и, если **чѐ** – судиться» [коллективный форум: Альфа-трэвэл – лохотрон! (2014-2015)].

2. Существительное **братва** – ‘товарищи, ребята’ по данным словаря Д. Н. Ушакова, относящееся к просторечной лексике [Ушаков 1996, Т.1: 182]: «**Ваалейкумассалам) Братва чѐ делать будем?)**» – «**Братва! Што надумали?**». Собирательное существительное **братва** входит в следующую непродуктивную модель словообразования: конкретное существительное, чаще всего называющее лицо, и суффикс **-в(а)**, обладающий значением собирательности. В РГ-80 (Русской грамматике-80) к данной модели отнесены

слова *пацанва, татарва* [Рус. грамматика 1980: 207].

В НКРЯ отмечено 205 документов, 490 вхождений с названным словом [http://www.ruscorpora.ru/]. «Поговаривали, что часть расходов "Сатурна" оплачивает местная *братва*, пробравшаяся в число спонсоров клуба под видом бизнесменов, но, видимо, это всего лишь слухи» [Олег Скворцов, Дмитрий Глухих, Анна Харитонова. Футбол не стоит денег (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09]. «Но уже часть малая, остальная *братва* осталась лежать на земле, и до самых снегов пестрели поля и склоны высот тельняшками. (...) Весной, когда морячки вытаяли, смотреть было невозможно на землю – вся она была полосата от тельняшек, мечты и радости многих и многих советских ребятишек» [Виктор Астафьев. Рассказы (2000) // «Новый Мир», 2001]. «Результаты получились довольно любопытными: «...россияне, однозначно, ситуация под контролем, тефаль всегда думает о вас, критические дни, дирол, зачистка, Доренко, Лукашенко, Кириенко, менты, выборы, *братва*, налоги, Ленин жив, Ельцин болен, Грозный, доллар, задержка зарплаты, рынок, дурдом, фильтруй базар, кредиты МВФ, колбасит, Путин, Титаник, в одном флаконе, прокладки с крылышками, наливай, охренели, дураки, олигархи, патриоты, Зюганов, дорого...» [Пресс-коктейль (2003) // «Вечерняя Казань», 2003.01.11.].

3. Существительное *пацаны* – ‘мальчишки’, которое, по мнению авторов Сл. Ожегова-Шведовой [Ожегов-Шведова 1994: 487] относится к просторечной лексике: «*Ах!ланвасах!лан друзья мои, пацаны! Поболтаем о жизни.*»

Национальный корпус зафиксировал 365 документ и 933 вхождения с существительным *пацаны* [http://www.ruscorpora.ru/]. « «Один из *пацанов* всё время отплывает подальше от причала и требует, чтобы бросали в глубину. Блеснув на солнце, монета иногда летит в его сторону. Здесь достать её трудней, зато нет соперников, и он спокойно работает один. Некоторые *пацаны* прыгают за монетами прямо с пристани. Звук шлепающегося в воду тела, детские голоса обдают свежестью» [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)]. «Так ярко

вспомнилось детство. Какое «уютное» кино. Тогда мы, *пацаны*, увлекались самим Фантомасом, а попозже ещё больше оценили комиссара Жюва. Удивительный актёр. Казалось бы, при полнейшем гротеске в поведении этот образ абсолютно правдоподобен» [коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Фантомас» (2007-2011)].

4. Союз *тож*, имеющий значение присоединения и находящийся за пределами литературного языка: «*Ваалайкум салам, Прохожий тож здесь*».

Национальный корпус зафиксировал 323 документа, 631 примера с данным словом [<http://www.ruscorpora.ru/>]. «Мариш, все, что ты пишешь – понятно, твои чувства *тож* ясны..., и я продолжаю настаивать на том, что с Ирой надо себя вести точно так же, как она себя ведет...» [Новые родственники – как уживаемся? (форум) (2008)]. «Хи, ощущение что инструктор у всех один, мой *тож* тормозил за меня и заставлял быстро ехать со второго занятия (на первом он мне рассказывал об устройстве авто)» [Учимся водить (2007-2008)]. «Я купила куртку, поносила ее *тож* где-то с неделю, а потом поняла, что не нравится она мне. Пошла и просто вернула. Со всеми чеками, фирменными бумажками какими-то, паспортом» [Можно ли вернуть? (форум) (2007)].

5. Устойчивое выражение междометного характера, характерное для жаргона молодежи, пришедшее из американской лингвокультуры *О май гад* (передача звучания английского словосочетания *my God* ‘боже мой’). «*О май гад, не видела и не слышала*»)). В Национальном корпусе русского языка данное устойчивое выражение не зафиксировано.

6. Существительное *житуха* – ‘жизнь’, являющееся просторечным, по данным словаря Ожегова-Шведовой [Ожегов-Шведова 1994: 190]. «*Да понятно что у них с тетей связи не было, вот житуха, а дальше?*». Мотивированное существительное *житуха* образовано от мотивирующей лексемы *жизнь* с помощью суффикса -ух- и имеет словообразовательное значение стилистической модификации. Данная словообразовательная модель,

по мнению авторов Русской грамматики-80, относится к продуктивным моделям и характерна для просторечия: *стенуха*, *братуха* и т.д. [Рус. грамматика 1980: 217].

В НКРЯ отмечено 59 документов и 69 примеров с названной лексемой [<http://www.ruscorpora.ru/>]. «Вы уж простите: украинцам – тем более. Да и что значит – украинцам, когда среди них природных русаков полным-полно, да и сами они – все одно, что мы. В Малороссии нынешней *житуха* – дрянь. А в России, тем паче в Москве, можно, если повезет, заработать» [Украинское аутодафе в Москве (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24]. «Ни здрасте, ни до свидания, *житуха* и так не сахар, а он мимо тебя медведем катит, даже башку не повернет. Из-за этого все у него получилось» [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].

7. Наречие *ваще* – вариант произношения литературной лексики *вообще*, относящийся к молодежному сленгу со значением ‘выражение неудовлетворенности чем-либо’ [Захарова, Шуваева 2014: 41]. «*Находящийся в здравом смысле ваще скажет привет аьлч пока*», т.е. «Находящийся в здравом смысле вообще скажет привет, когда ему говорят пока» (лексема *аьлч* – «сказали»).

Наречие *ваще* часто встречается в разговорно-бытовой речи современных носителей русского языка. Национальный корпус зафиксировал 75 документов, 164 примеров этой лексики, большинство вхождений отмечено в интернет-сообщениях [<http://www.ruscorpora.ru/>].

«Всегда считал, что... лезть со своим уставом в чужую страну... полная хрень! А лезть с оружием, ... уничтожая местных (даже из лучших, на Ваш взгляд, побуждений)... *ваще* мерзость! Народец там сам должен разобраться со своей властью... без чужих наглых харь!» [коллективный. Форум: Ливийская революция (2011)]. «Седня мне сообщил достаточно достоверный источник, что в понедельник будет что-то с деньгами! !!! сметаю все, евро раскупают

момента, звонили родственникам в Рязань, они пытаются купить, евро *ваще* нигде нет. [Золушка, nick] и что делать? ?????? ?? aaaaaaaa! [Финансовый кризис и как нас это коснется (форум – 2008)]. «Велика *ваще* реальность получения общаги... или там берут ток очень умных??? [Polinator] Да, только очень умных. Вас, девушка, уж точно не возьмут» [annakashark, жен] Бе-бе-бе-бе. [коллективный. Форум: Общежития: где как??? (2007-2010)].

8. Существительное *чел* – ‘человек’, относящееся к молодежному сленгу [Захарова, Шуваева 2014: 113]: «*Наш чел*»)). Национальный корпус зафиксировал 876 документов, 2240 вхождений данного слова [http://www.ruscorgora.ru/], но целый ряд примеров представляет собой сокращение формы родительного падежа множественного числа: *было 2000 чел.*, поэтому количество вхождений формы именительного падежа единственного числа *чел*, конечно, меньше, их большая часть отмечена в интернет-сообщениях. «Никита взъерошил волосы и ответил: – Про него мне Жора Абдрахимов по ушам ездил. Нормальный такой *чел*, говорит, мы с ним вместе в секцию регби ходили. – Это когда ж было? Еще при генсеке? – ядовито уточнил Витюша» [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]. «Во всем мире такие встречаются. Друпия. Очень я сомневаюсь в этом. Чтоб *чел* ходил на работу и делал её более чем качественно, получая совсем маленькие деньги, и никакого признания, и никаких перспектив лично...» [коллективный. Форум: Петербургский школьник из Бостона: «Эти русские – все на одно лицо» (2012)]. «Ну к примеру там дико удивлённый *чел*, глядя на рысь и обращаясь ко мне, недоумевал: "Она выглядит как кошка! Совсем как кошка, только больше!")»)). Вот откуда берется безграмотность растущего поколения» [Форум «Снежные барсы» (2011)].

9. **Жаргонные междометия**, заимствованные из чеченского языка в русскую речь чеченцев. В нашем материале часто встречаются два таких междометия: а) *ы-ы* – со значением ‘радость при виде чего-либо, кого-либо,

гордость за какое-либо действие, явление»; б) *тов* – со значением ‘удивление, изумление’, названное междометие употребляют, когда встречаются что-либо неожиданное.

- «*Цхъа провлЭм нет)) Ы-Ы*», т.е. «Нет проблем» (лексема *цхъа* означает «одна»);

- «*Тов..., Ch1inho, титровщик, сацааа*)))). Вкрапления на чеченском языке: слово *сацааа* в чеченском языке означает ‘прекратиии’, также может переводиться и как ‘становись, достаточно’ (в зависимости от контекста);

- «*Посмотришь тов, по ТВ показывают*» [Грязнова, Мустапаева 2016, 219].

10. Фразеологизм *забить стрелку на свиданку* – «договориться о встрече», относящийся к жаргону, по данным словаря «Новые слова и значения» [Новые слова и значения 2009: 587]. «*Palbu, оцбалхац еще и хочет забитьстрелкуна свиданку*))», т.е. «Ерунда, к тому же он еще хочет назначить свидание». Очевидно, что это авторский вариант жаргонного фразеологизма *забить стрелку*. Национальный корпус зафиксировал 5 документов, 5 примеров этой фразеологической единицы [<http://www.ruscorpora.ru/>].

«К примеру, прибирая к рукам один крупный автосервис, он не пытался «*забить стрелку*» его «крыше», как это было заведено. Он попросту узнал, где постоянно собираются члены той группировки, которой уже платил дань вышеуказанный автосервис. Подгадав, когда в кафе соберется основной костяк мешающей ему братвы, он ворвался туда с дюжиной своих головорезов» [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]. «Сериалами со сплошными разборками уже никого не удивишь, даже дети давно знают, что значит «*забить стрелку*». Слезливыми теленовеллами с нагромождением семейных тайн – тоже. Что поделаешь, режиссерам «бесконечных историй» приходится искать новые темы» [Марина Зельцер. Васильева пришла «За кулисы» со своим шиньоном // Комсомольская правда, 2002.02.28].

Коммуникант расширил структуру фразеологической единицы *забить стрелку*, добавив лексему *свиданка* – ‘свидание’, относящуюся к разговорно-бытовому стилю и обладающую разговорно-сниженной оценкой. В НКРЯ находим 9 документов, 9 примеров этой лексики в именительном падеже единственного числа [<http://www.ruscorpora.ru/>].

. «Я схватила Клаву за плечо. – Устрой мне свидание с Ликой. – Могу, конечно... *Свиданка* не через меня, этим другие занимаются. К тому же Лика находится под следствием, значит, разрешение может дать только следователь» [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]. «Где вы встречались с отцом в Ростове? – В СИЗО. Обычная *свиданка*, общались через стекло по телефону. Ни обнять, ни поцеловать. Просто видишь, что через три метра от тебя сидит родной отец» [Виктор БАРАНЕЦ, Фото из семейного альбома // Комсомольская правда, 2011.10.18].

11. Местоименное наречие *ничё* – произносительный вариант местоименного наречия *ничего* со значением ‘довольно хорошо, сносно, так себе’ [БАС 1958, Т.7: 1332]. «*ICE, ва!Алейкум ассалам) как ты? Как съездил?) – АссаламуАлайкум! Съездил ничё)*».

Местоименное наречие *ничё* характерно для разговорно-бытовой русской речи. Национальный корпус зафиксировал 107 документа, 328 примеров этого слова, частотны примеры из сообщений интернет-коммуникации [<http://www.ruscorpora.ru/>].

. «А завтра надо бооольшой дарить: как никак три годика малышке. – Межуа. *Ниче* детки растут, да и помощница у тебя есть большая... [Форум Наши дети: Подростки (2004)]. «А у Лешки фигура ничего, – обсуждали они в автобусе. – Ну да. – И симпатичный. – *Ничё*. Только строит из себя взрослого и колу не разрешает покупать» [Маша Трауб. Не вся la vie (2008)]. «Вы, говорит, эта-то, говорит, сколь раз на дню, ежели по зиме, печку топите?» – «Когда мороз, два раза топлю, а чуть отпустил мороз – одного раза хватит».

Французанка, из себя вся тоненькая, а голос *ниче*, голос с натягом, говорит: «Каковая, значит, продолжительность топки?» [Валентин Распутин. Изба (1999)].

12. Междометие *здрасти* – ‘здравствуйте’, произносительный вариант литературного междометия, по данным «Объяснительного словаря», обладает разговорной окраской, характерно для небрежной речи [Объяснительный словарь 2002: 129]. Является приветствием при встрече: «*Девочки!)) здрасти всем))*».

Междометие *здрасти* нередко употребляется в разговорно-бытовой русской речи. Национальный корпус зафиксировал 18 документов, 32 примера этого слова, многие из которых относятся к интернет-коммуникации [<http://www.ruscorpora.ru/>].

. «Привет! Всегда рады познакомиться. Антигона. Всем *здрасти*, я раньше в Новом Уренгое жила, обожаю его. Есть земляки?» [ЯНАО (форум) (2006)]. «Ух ты кто объявился!!! как дела? Medsestra. *Здрасти!!!* все равно!!! как сам? zKd. Ниче так... как обычна... работа с 9-ти до 9-ти... клерк-стайл, потухший взор с понедельника по пятницу...)))» [Что сейчас модно? (форум) (2005.06.07)].

Уместно подчеркнуть, что состав просторечных и жаргонных языковых единиц в русской речи чеченцев-билингвов является сходным с составом названных языковых элементов в речи носителя русского языка как родного.

3.3.2 Стилиевое смешение в русской речи

Ученые, занимающиеся исследованием интернет-коммуникации, пишут о **смешении стилей** как о специфичном ее свойстве. Это черта характерна и для речи чеченцев-билингвов. Покажем названное свойство на примере одного из диалогов.

- А. «**Братья** собираемся тут (новая тема)».
- Б. «АССАЛАМ АЛАЙКУМ всем достойным, **братья** все в сборе?»
- В. «Ва1алайкум Салам Брат, ты **че** пропал?»
- Г. «ВаалайкумАс Салам, сестра **тож** пришла» [Грязнова, Мустапаева 2016: 220].

Форма множественного числа существительного *братья* употребляется в данном тексте в значении ‘товарищ, близкий по взглядам, образу жизни’ и обладает книжной стилистической окраской. Данная форма находится в контексте с этикетным арабским приветствием и с книжным прилагательным *достойные*. В то же время в двух следующих репликах мы находим просторечные слова *чѐ* и *тож*.

Другие примеры сообщений. Пользователь **Yunus VIP БЕЖІУ** пишет: «**Братья! Вы-то ваще къиз челы ду!**», т.е. «Братья! Вы-то вообще жестокие люди!». В данном сообщении мы наблюдаем соединение книжного *братья* (в высоком значении ‘единомышленники’), просторечного *ваще*, жаргонного слова *челы*. Разнотильность наблюдается и в никнейме пользователя: официальное *vip* и разговорно-бытовое *беж1у* (‘настух’ в переводе с чеченского).

Коммуникант **Малахов Просто** «пишет: «**Романтика тов)) молоко с селедкой вот и вся романтика**» [Грязнова, Мустапаева 2016: 220]. В данном тексте сочетаются существительное *романтика* с книжной окраской и жаргонное междометие *тов* чеченского языка (его семантика и прагматика описаны выше).

«Пользователь **Прохожий** пишет: **Любовь фигня доц дицич**» [Грязнова, Мустапаева 2016: 220], т.е. «Любовь фигня, короче говоря» (словосочетание *доц дицич* на чеченском языке означает ‘короче говоря’). В данном тексте сочетаются существительное *любовь*, обладающее нейтральной окраской, и просторечная лексема *фигня*.

Мисс ПалБу пишет: *«Обойдемся без услуг и одолжений ы-ы!»*. В данном тексте сочетаются книжное словосочетание *услуги и одолжения*, разговорное *обойдемся* и жаргонное междометие чеченского языка *ыы* (его семантика и прагматика описаны выше).

В сообщении **Частого гостя** находим: *«Субханаллах такая история аж мурашки по коже»* [Грязнова, Мустапаева 2016: 220]. В этом тексте совмещается арабское книжное приветствие (*Субханаллах* в переводе с арабского означает 'Преславен Аллах'), русский просторечный союз *аж* и разговорная фразеологическая единица *мурашки по коже*.

3.3.3 Языковая игра в русской речи

Для общения в Интернете свойственно явление **языковой игры** в различных ее видах [Шарифуллин 2012]. Общение на форумах интернет-сети характеризуется свободой в выборе лексем, грамматических форм, синтаксических конструкций, стилей и жанров речи. В том случае, если непринужденность в отборе языковых единиц имеет эстетическое задание, то такие случаи в речи исследователи относят к «языковой игре». В целом «языковая игра» представляет собой одну из форм воплощения эстетической функции языка и речи: «Играя, говорящий большое внимание обращает на форму речи, а устремленность на сообщение как таковое и есть характернейшая черта поэтической функции языка» [Русская разговорная речь 1983: 172].

Конечно, поэтическая функция языка прежде всего характерна для языка художественной литературы, но и спонтанной разговорной речи не чужда поэтическая функция. Ш. Балли пишет: «эстетическая» окраска спонтанной речи естественно входит в общую категорию субъективной оценки и в более частную категорию удовольствия и неудовольствия» [Балли 1961: 212] А такой ученый, как В. Д. Девкин, полагает: «превращение коммуникации из простого

«нехудожественного» фактоизложения в яркий «художественно оформленный акт», апеллирующий не только к разуму, но и к чувствам, осуществляется механизмом экспрессивизации, доступным в той или иной степени каждому говорящему» [Девкин 1979: 253].

Желание образно передать свои ощущения и мысли, не быть тривиальным, привлечь внимание собеседника (не взирая на спонтанность общения) свойственно для всего массива сообщений на русском языке в интернет-пространстве и не зависит от того, как усвоен русский язык: в процессе обучения или через подражание взрослым в семье носителей русского языка.

А. П. Сковородников так дефинирует понятие «языковая игра»: «Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы), использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе комического характера» [цит. по Сл. Культура русской речи 2003: 802] (на это определение мы опираемся в своей работе).

В. З. Санников выделяет четыре функции языковой игры на основе целей её использования:

- 1) «языкотворческая (тренировочная). Языковая игра – один из путей обогащения языка;
- 2) стремление развлечь себя и собеседника;
- 3) маскировочная. Языковая шутка позволяет обойти цензуру культуры;
- 4) психотерапевтическая, которая следует из намерения человека самоутвердиться» [Санников 2000: 27]. В нашем материале имеются факты реализации большинства функций языковой игры на основе целей её использования, выделенных В. З. Санниковым.

Говорящий/пишущий, используя языковую игру при построении

высказываний, акцентирует внимание на форме речи с тем, чтобы вызвать то или иное эстетическое чувство, чтобы сказать что-то, не прибегая к трафаретам и тривиальным высказываниям. Поэтому языковая игра в интернет-пространстве выполняет не только эстетическую функцию, но и является средством воздействия в процессе коммуникации.

Ученые выделяют следующие виды языковой игры: 1) «преднамеренное употребление нормативных языковых средств для выражения дополнительного коннотативного, реже денотативного смысла; 2) сознательное нарушение языковой нормы; 3) использование известными носителям языка прецедентных текстов для создания аллюзий» [Курганова 2004: 28].

3.3.3.1 Остроловие и балагурство в русской речи

По мнению таких ученых, как Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, «языковая игра складывается из двух различных стихий:

- балагурства, не связанного с передачей содержания речи, уходящего корнями в явления народной смеховой культуры, когда смешно все грубое, низкое, необычное, перевернутое («изнаночное»), и того, что можно назвать

- остроловием, когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания» [Русская разговорная речь 1983: 175]. Именно из этих стихий и возникают различные виды языковой игры.

В русской речи чеченцев-билингвов в интернет-коммуникации наблюдаются и явление балагурства, и явление остроловия. Рассмотрим конкретный материал.

В таком языковом явлении, как балагурство, смеховая культура связана с формой речи. Смешное/комическое возникает в результате стилистической модификации, трансформации высказывания или отдельного слова, нарочито

некорректного образования формы определенной лексемы. Приведем пример диалога:

Raphael. «*Пустота внутри тов...*»

MbXolostyak-CheRap. «*Брат! Не пугай! Шо не было кишков?*»

Лексема *пустота* употреблена пользователем Raphael в значении ‘отсутствие интересов, стремлений’ (переносное значение, от мотивирующего прилагательного *пустой* 2. ‘перен. бессодержательный, ничего не выражающий’) [Ожегов-Шведова 1994: 622]. Наречие *внутри* используется этим пользователем в следующем значении: ‘в душе человека’.

Участник диалога пользователь MbXolostyak-CheRap осознанно вкладывает в существительное *пустота* иное значение – ‘ничем не заполненный, полый внутри’ [Ожегов-Шведова 1994: 622], оно мотивировано прямым значением прилагательного *пустой*. Значение наречия *внутри* также понимается вторым пользователем как прямое и конкретное: ‘во внутренностях человека’. Возникает трансформация стиля: высокая тема беседы, заявленная коммуникантом Raphael, модифицируется в бытовую, сниженную. В результате и возникает явление балагурства.

В приведенном тексте пользователь MbXolostyak-CheRap выступает под речевой маской, полагаем, что это маска малокультурного простачка: ведь для акцентирования смехового эффекта он вставляет в свою речь диалектно-просторечную словоформу *кишков* лексемы *кишки*, а также просторечное слово *шо*. М. М. Бахтин писал так о речевых масках: «диалекты становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы языковыми масками» [Бахтин 1965: 511]. В целом эффект балагурства создается в результате противоречия между собственной речью автора сообщения и специфичными приметам чужой речи, речи иного пользователя, возможной в какой-то другой речевой ситуации.

К явлению балагурства мы относим и существительное *нервоз*, которое

встретилось нам в диалоге пользователей. В ответе на вопрос «*По ходу у него и склероз?*» и возникло неупотребительное слово *нервоз*: «*У меня уже невроз*». Перед нами классический случай использования маски простачка, старающегося строго следовать правилам и не знакомого с исключениями: корень слова *нерв-*, следовательно, мотивированная лексема, означающая ‘болезнь нервов’, должна соотноситься с этим корнем, а не с корнем *невр-*, как это принято в норме русского литературного языка.

Приведем еще один пример балагурства. Коммуникант форума «*palbu.ru*», имеющий ник *ХАЦКЕР*, объяснил свой выбор никнейма так: «*хацкеры – это люди без профессиональных навыков, косящие под хакеров*» [Мустапаева 2014б: 612]. В данном примере мы видим фонетическое искажение лексемы, целью носителя языка является желание побалагурить, акцентировать бытовой характер ситуации, он не ставит перед собой задачу произнести что-то остроумное.

Такой вид языковой игры, как острословие, основано на содержательной и формальной многоплановости, основанной на контрасте содержания и формы, темы сообщения и ситуации. Этот контраст может акцентировать парадигматические связи лексемы (синонимии, антонимии, паронимии), ее этимологию, фразеологические связи, типичную сочетаемость, а также наглядную ситуацию говорения. Острословие отражает желание говорящего/пишущего вызвать смех собеседников, подчеркнуть непринужденность ситуации.

Продемонстрируем такой вид острословия, как замена одного значения многозначного слова на его другое значение. Полисемичные лексемы обладают в каждом из своих значений разными ассоциативными возможностями, создают ситуацию возникновения разных смыслов, образов при употреблении в спонтанной речи. Приведем пример одного диалога:

Чеченский динамит

- «Сюда подтягивайтесь все... Где вы?

Ch1inho

- *Чё то я не вижу здесь турникета*

» [Мустапаева 2014б: 613].

Коммуникант **Чеченский динамит** употребляет лексему *подтягиваться* в значении ‘перен. сосредоточивая, приблизить, подвести куда-нибудь’ [Ожегов-Шведова 1994: 535]. Пользователь **Ch1inho** возвращает собеседников к прямому значению этого глагола – ‘упираясь, держась, подняться’ [Ожегов-Шведова 1994: 535]. Сближения значений полисемичного глагола является индивидуальным творчеством пользователя, возникает многоплановый эстетический эффект комической направленности, шутливое настроение.

В следующем примере пользователь в рамках такого явления, как острословие, использует прием создания нехарактерной для русского языка синтагматической лексической сочетаемости.

VIP Персона

- *Зубной парикмахер, приветш.*

Пользователь сознательно идет на нарушение норм атрибутивного лексического контекста существительного *парикмахер* и субстантивного лексического контекста прилагательного *зубной*. В целом словосочетание *зубной парикмахер* в данной спонтанной речи называет стоматолога, акцентируя такую новую услугу в его деятельности, как отбеливание зубов и их инкрустирование. Ожидания слушателя, связанные со знанием им норм сочетаемости существительного *парикмахер* и прилагательного *зубной*, нарушаются, и создается ироническое отношение и шутливое настроение.

Покажем такой прием острословия, как отзвучие с предыдущим словом или с precedentным словом. В разговорной речи используется прием экспрессивного отзвучия к лексеме, которая определена носителем языка как

базовая. В нашем материале это такие примеры никнеймов: *CHECHEN* *CHECHENOV*, *Вайнах Че*, *Зайнаб Ди* (принцессу Диану в разговорной речи называли Ди). Отзвучия с предыдущим словом или с прецедентным словом выражают разные оттенки смысла. В нашем случае это экспрессивно-эмоциональные коннотации и лингвокультурологические подтексты.

Прием острология проявляется также в создании пользователями изучаемого фрагмента Сети окказиональных и потенциальных русских лексем (см. об этом ниже).

В приведенных примерах явлений балагурства и острология мы видим реализацию выделенных В. З. Санниковым следующих функций языковой игры: языкотворческой (следует из желания быть креативным), психотерапевтической (следует из желания самоутвердиться), развлекательной (следует из желания создать неформальную, комфортную ситуацию общения).

3.3.3.2 Игровая гибридизация в рамках формы русского слова

Анализ собранного материала показал, что для русской речи чеченца-билингва в условиях общего процесса демократизации русской речи характерна гибридизация, которая представляет собой результат одновременно поисков в области смысла и стремления к эмоциональной насыщенности содержания, что характерно для русского языка с начала XX столетия [Фатеева 2003]. Явление гибридизации проявляется в разных процессах:

- «образование гибридных собственных имен, включающих чеченскую мотивирующую основу и русский суффикс (А);
- образование гибридных форм нарицательных лексем, включающих русскую мотивирующую основу и чеченский суффикс» [Мустапаева 2016б: 155] (Б).

А. Гибридные собственные имена, состоящие из мотивирующей

основы слова чеченского языка и суффикса русского языка. В подобных гибридных существительных часто используются уменьшительно-ласкательные русские суффиксы в соединении:

- с собственными или нарицательными лексемами чеченского языка, которые являются именами пользователей (никами);
- с собственными именами различных европейских языков, которые являются именами пользователей (никами).

Такие имена пользователей с уменьшительно-ласкательными суффиксами русского языка характерны для коммуникантов-женщин, иногда такие никнеймы называют чеченцев мужского пола. В чеченском языке нет суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением. Бытование гибридных по своей структуре никнеймов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в изучаемом коммуникативном пространстве демонстрирует потребность пользователей в положительных эмоциях и желании обозначить их средствами языка (смайлики почти не употребляются в нашем материале). Покажем это явление подробнее.

1. Гибридные собственные имена, состоящие из мотивирующей основы собственного или нарицательного существительного чеченского языка и суффикса русского языка. «Это такие ники: *DoGachka* (в переводе с чеченского – «сердечко»), *Zareemka* (ласкательное от Зарема), *TOMIK* (ласкательное от чеченского женского имени Тома), *Makusha* (ласкательное от имени Макка / Макуша), *borzik* (в переводе с чеченского ‘волчонок’, от чеченского слова *борз*)» [Мустапаева 2016б: 156].

2. Гибридные собственные имена, состоящие из мотивирующей основы собственного существительного европейского языка, заимствованного в русский именник, и суффикса русского языка с уменьшительно-ласкательным значением: *MaRiShKa* (уменьшительно-ласкательное от имени Мария, входящего в русский именник), *Dishka* или *Diashka* (уменьшительно-

ласкательное имя от европейского имени Диана).

Подобные имена встретились нам не только в именах коммуникантов, но и в текстах сообщений пользователей. Пример таковы:

Ч1инхо Свой чел

«Элинушка цхьа йо1 ю хьо Респект Тебе» («Элинушка, ты достойная (настоящая) девушка, уважаю тебя»)» [Мустапаева 2016б: 156].

Б. Гибридные формы нарицательных лексем, состоящие из мотивирующей основы лексики русского языка и суффикса чеченского языка. В изучаемых сообщениях на русском языке чеченцев, участников технически опосредованной коммуникации, есть примеры гибридных форм нарицательных лексем. Среди них выделяются две разновидности.

1. Неопределенная форма глагола русского языка в соединении с суффиксом чеченского языка, обладающим прагматическим значением усиления.

««Я хочешь одну-две подогнатьам хьун)»» [Мустапаева 2016б: 157], т.е. «Я, если хочешь, одну-двух-то могу подогнать тебе» (лексема *хьун*, в литературном языке *хьуна*, означает 'тебе').

Форма глагола *подогнатьам* в данном тексте является соединением инфинитива русского глагола *подогнать* и суффикса чеченского языка *-ам*, аналогичного по значению частице русского языка *-то*.

2. Русское существительное (его основа, без формообразовательного суффикса) и суффикс с формообразующим значением чеченского языка, грамматическая функция которого совпадает с усеченным в данном слове формообразовательным аффиксом (флексией) русского языка.

Коммуникант, обладающий двумя никнеймами: **Эллина и Рецидивистка**, «пишет: *«Зубной парикмахер, приветии»* (=Зубной парикмахер, приветы)» [Мустапаева 2016б: 157]. Существительное *приветии* представляет собой гибридную форму, состоящую из основы русской лексики *привет-*, к которой

добавлен аффикс -ш-, который в чеченском языке обладает формообразующим значением множественного числа [Яковлев 1940: 17-18].

Коммуникант **Вайнах** «пишет: «Салам алайкум кавказ, доброе утро *девочкиш*»» [Мустапаева 2016б: 157]. Существительное *девочкиш* является гибридной формой, включающей основу русской лексемы *девочк-* и аффикс с формообразующим значением -ш-, являющийся одним из средств создания формы множественного числа в чеченском языке. В форме *девочкиш* (=девочки) наблюдается явление гибридизации в рамках одной формы слова.

Гибридную форму существительного наблюдаем и в таком тексте: «Салам алайкум, *бродягш*» (=бродяги). В этом высказывании встречается описанное выше явление совмещения языков на морфемном уровне, в структуре формы слова.

3.3.3.3 Возникновение либо использование окказиональных и потенциальных русских лексем

В русскоязычном фрагменте интернет-пространства Чечни находится определенное количество неузואльных лексем, созданных пользователями или используемых ими под влиянием речи иных пользователей в Сети. Под узואсом понимается принятое в данном языке устоявшееся употребление слова, фразеологизма и т.д. в отличие от неузואльного употребления. Вслед за В. М. Грязновой, считаем, что «корректное отнесение лексемы к неузואльным словам возможно в том случае, если данная лексема или ее значение зафиксированы в одном-двух текстах, но не отмечены в словарях нормативного характера этого времени» [Грязнова 1989: 14]. Термин «неузואльные слова» является гиперонимом по отношению к двум своим разновидностям: а) потенциальным словам (мотивированным лексемам, не нарушающим законов словообразовательной модели, к которой они относятся) и б) окказиональным

словам, в структуре или в семантике которых (редко и в структуре, и в семантике одновременно) имеются отклонения от принятых норм словообразовательной или формообразовательной модели, в которую они входят. Рассмотрим найденные нами примеры подробнее.

1. Существительное **ПаЗиТиФфФкА** (=позитивка), представляющее собой имя пользовательницы. По морфемным и словообразовательным характеристикам это мотивированное существительное, имеющее в качестве мотивирующего слова абстрактное существительное *позитив*, а в качестве словообразовательного средства суффикс *-к(а)* со значением 'лицо женского пола'. В литературном русском языке имеется высокопродуктивная словообразовательная модель, которая называет лиц женского пола с названным словообразовательным суффиксом, но состав мотивирующих лексем в данной модели строго очерчен: это имена лиц мужского пола: *курсант – курсантка, гандболист – гандболистка* и т. п. [Рус. грамматика 1980: 200]. В структуре мотивированной лексемы **ПаЗиТиФфФкА** нарушаются семантические нормы, так как в нем в качестве мотивирующего слова выбрано существительное с абстрактным значением *позитив*. Все это дает нам основание отнести указанное слово **ПаЗиТиФфФкА** к такому виду неузואальных слов, как семантические окказионализмы в сообщениях на русском языке пользователей-билингвов. В Национальном корпусе русского языка существительное *позитивка* не отмечено.

2. Существительное **GrOzNeR** (в кириллической записи *Грознер*), являющееся частью такого имени пользователя, как **GrOzNeR-95**. Существительное *грознер* является производной лексемой, имеющей в качестве мотивирующего слова субстантивированное прилагательное *грозный*, функционирующего в составе русского лексикона как номинация столицы Чеченской Республики (город Грозный), а словообразовательным средством послужил суффикс *-ер-*. Полагаем, что наименование **GrOzNeR** имеет

словообразовательное значение ‘тот, кто живет в местности, указанной мотивирующей лексемой’. В РГ-80 в качестве непродуктивной зафиксирована аналогичная модель: нарицательное существительное + указанный суффикс *-er-*, но у лексем, образованных по этой модели другое словообразовательное значение – ‘человек по отношению к тому или иному предмету’ (*костюмер, легионер*) [Рус. грамматика 1980: 191]. На основании изложенных фактов полагаем, что существительное **GrOzNeR** (=Грознер) следует отнести к такому виду неuzuальных слов, как семантические окказионализмы в русской речи чеченцев-билингвов. В НКРЯ названное существительное не отмечено.

3. Субстантивированное страдательное причастие прошедшего времени **Улыбнутая** (форма глагола *улыбнуться*), являющееся ником пользовательницы. По нашему мнению, по своей форме это слово является страдательным причастием прошедшего времени, а его содержание является следующим: ‘та, которая находится в определенном состоянии (по глаголу *улыбаться*), данное состояние обусловлено какой-то внешней силой’. И по своему значению, и по своей форме существительное **Улыбнутая** нарушает нормы образования страдательных причастий прошедшего времени в литературном русском языке, вследствие этого относим названное слово одновременно и к структурным, и к семантическим окказионализмам в русской речи чеченцев-билингвов. В НКРЯ названное существительное не отмечено.

4. Номинация **Папина Доча** является именем пользовательницы. Это наименование представляет собой словосочетание, состоящее из нормативного нейтрального притяжательного прилагательного *папина* и неuzuального разговорного существительного *доча*. Лексема *доча* могла возникнуть в русской речи: а) в результате морфонологического процесса усечения основы мотивирующей лексемы *дочка* (усекается суффикс) с дальнейшим присоединением к усеченной основе флексии *-а*; б) либо от основы мотивирующего существительного *дочь* с дальнейшим присоединением к

основе флексии *-а*. Первый способ образования лексемы *доча* кажется нам более вероятным в силу распространенности в русском словообразовании такого морфонологического средства, как усечение мотивирующей основы, например, *колготки – колготы, низкий – низость, лягушка – лягушонок*.

Выбор слова *доча*, по нашему мнению, произведен с целью придания узуальной, привычной номинации более экспрессивной окраски. Картоoteca НКРЯ показывает, что наименование *доча* характерно для разговорной бытовой речи. Статистические данные таковы: 58 документов, 106 вхождений с лексемой *доча* [<http://www.ruscorpora.ru/>]. Покажем это подробнее. «В общем, добродетельная и любовная половины сайта не одобряют друг друга. Добродетельная – развесила свои фотографии, как белье на балконе («мы в Турции», «*доча* на даче»; «папа за рулем»), и ее ругают стадом и быдлом» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия // «Русская Жизнь», 2008]. «Теперь, когда её не стало, Петербург без Валентины для меня опустел. Я приезжаю и понимаю, что нет больше моей маленькой квартиры на Восстания. Для меня так странно, что я больше не наберу её телефон и не услышу: – *Доча*, ты где, когда ты приедешь? В последние годы она очень сдала, но по-прежнему держалась. Плохо видела, поэтому пудрила нос в три раза больше, чем надо, всё равно оставаясь женщиной» [Сати Спивакова. Не всё 2002]. Мы относим названное слово одновременно и к структурным, и к семантическим окказионализмам вообще русской речи (не только речи чеченцев-билингвов).

5. Существительные *душняк, мутняк, скучняк* выявлены нами в текстах сообщений коммуникантов-чеченцев, пользователей русскоязычного фрагмента Сети в Чечне. Названные лексемы относятся к модели: прилагательное + суффикс *-ак-*, со значением ‘тот/то, кто/что является носителем отвлеченного признака’. Русская грамматика (1980) зафиксировала эту словообразовательную модель как продуктивную в рамках разговорной речи, а также в просторечии (*пустяк, сквозняк, верняк*), однако в составе примеров

существительные *душняк*, *мутняк*, *скушняк* не приведены [Рус. грамматика 1980: 170].

Национальный корпус русского языка не зафиксировал лексему *мутняк*, слово *душняк* имеет 2 вхождения в 2 документах, лексема *скушняк* 1 вхождение в 1 документе [<http://www.ruscorpora.ru/>]. Покажем это подробнее.

«Продашь тут участок, ага! – ухмыльнулся Саня. – Гроши такие дадут, что на кандер не хватит! За горло взяли, полный *душняк*! Саня встал и, стуча палкой, заковылял к чайнику. – И покнецать не предложили, фраера, – бормотал он, нагибаясь к пилоту-тройнику, чтобы включить. [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1-20. 2011]. «Это значит, они хотят с нами выпить за наши бабки. Я хотел сказать, что бабок нет, потом подумал: ладно, все-таки пацаны со своего района. А то лето кончается, а все какой-то *скушняк*: нечего и вспомнить потом будет. Взяли три бутылки «чернила». Это маловато для четверых, но мне особо много и не надо, чтоб забалдеть» [Владимир Козлов. Порнуха. 2002)].

Приведенные факты о степени зафиксированности лексем *душняк*, *мутняк*, *скушняк* в русском национальном языке, а также отсутствие несоблюдения структурных и семантических норм в процессе образования данных существительных позволяют сделать такое обобщение: существительные *душняк*, *мутняк*, *скушняк* относятся к такому виду неузуальных слов, как **потенциальные** слова (вообще всей русской речи), наличие которых выявляют свободу коммуниканта в вербальном выражении своих намерений, возможную только при условии устойчивых знаний и умений в области русского словообразования, причем не только литературного языка, но и просторечия.

6. Существительное *человеки* – форма множественного числа именительного падежа слова *человек* («*Ассаламалайкум, человеки!*»). Названная форма относится к такому виду неузуальных слов, как

потенциальные лексемы, так как при ее создании отсутствовали какие-либо нарушения структурных и семантических норм: это типичная форма множественного числа типа *студент – студенты, казак – казаки*.

Уместно отметить, форма *человеки* (а не *люди*, как в современном литературном языке) была частотной в книжном литературном языке в конце XVIII века, мы находим ее в произведениях таких писателей, историков, как А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, В. С. Соловьев, И. Бренчанинов. «Когда *человеки* начали оставлять идолопоклонство, по его очевидной нелепости, и приходиться к познанию и исповеданию Искупителя; когда все усилия диавола поддержать между *человеками* идолопоклонство остались тщетными; тогда он изобрёл ереси, и посредством ереси, сохраняя для держащихся её *человеков* имя и некоторую наружность христиан, не только отнял у них христианство, но и заменил его богохульством» [епископ Игнатий (Брянчанинов). Понятие о ереси и расколе (1850-1866)] [<http://www.ruscorpora.ru/>].

В языке XXI столетия словоформа *человеки* имеет сниженную ироничную стилистическую окрашенность, она частотна в бытовой речи, так, в картотеке НКРЯ зафиксировано 405 документов и 605 вхождений названной формы [<http://www.ruscorpora.ru/>]. Покажем это подробнее.

«Не выдержав, Артем чуть не бегом бросился к остальным. – Иди к нам, иди, пацан, – сказал ему кто-то, чьего лица он не разглядел – они, видно, тоже старались экономить батареи, – не бойся. Все ж ты человек, и мы *человеки*. Когда такое творится, *человеки* должны заодно быть» [Дмитрий Глуховский. Метро. 2033]. «В общем, Танька – это Танька. Она и награда, и диагноз, и образ жизни, и вообще все, что угодно. Она ухитряется оставаться сама собой даже там, где люди и все прочие *человеки* становятся ничем» [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона. 2004]. «Вообще очень трудно отказаться от мысли, что изрядная доля «людоедских» словечек создана, так сказать, в противовес той нудной и приторной речи, которую иные *человеки* в футлярах

все еще продолжают культивировать даже в обновленной, пореформенной школе [К. И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке). 1962].

Мы относим словоформу *человеки* к потенциальным лексемам вообще русской речи (не только речи чеченцев-билингвов).

7. Лексема *киллермен*, в качестве вербальной части входящая в такой никнейм пользователя, как **§§§~KILLER]~[MAN]~§§§**. Считаем, что существительное *киллермен* относится к следующей словообразовательной модели: существительное, называющее лицо по отношению к предмету, занятию, учреждению, названному мотивирующим словом, + суффикс с личным значением *-мен*. По данным РГ-80, в русском национальном языке подобная модель является непродуктивной (*бизнесмен, бармен*) [Рус. грамматика 1980: 197].

В значении лексемы *киллермен* имеется отступление от семантической нормы описанной непродуктивной модели: в качестве мотивирующего слова выступает недавно заимствованное в русский язык существительное, имеющее значение лица: *киллер* – ‘убийца’. В НКРЯ отмечено 132 документа и 247 вхождений данного слова [<http://www.ruscorpora.ru/>]. «Если предположить, что Волько на самом деле убийца, то придется признать, что он не певец, не артист, а холодный циничный *киллер* с огромным опытом [Александра Маринина. Последний рассвет. 2013]. Кроме нарушения семантических норм словообразовательной модели, в существительном *киллермен* наблюдается явление семантической избыточности, ведь значение ‘лицо по роду занятий’ уже имеется в содержании мотивирующего слова *киллер*.

Возможно, коммуниканту информация «лицо по роду занятий» показалась недостаточно акцентированной, и он усилил ее, создав новое окказиональное существительное *киллермен*. В НКРЯ оно не отмечено.

Приведенные примеры создания или использования неузусальных слов в текстах интернет-сообщений, что в целом свойственно виртуальной

коммуникации [Радченко 2008: 121], свидетельствует о креативном характере речемыслительной деятельности на русском языке чеченцев-билингвов.

В целом наша работа выявила такие проявления процесса демократизации русского языка [Химик 2004; Костомаров 2012] в русской речи чеченцев-билингвов, которые аналогичны проявлениям этого процесса в речи носителей русского языка как родного. Необходимо акцентировать, что русский язык в лингвокультурном пространстве Чечни выполняет интегративную функцию, являясь языком внутринационального и межнационального общения.

Выводы

В данной главе исследуются особенности русской речи в интернет-опосредованной коммуникации в формате русскоязычных форумов чеченцев-билингвов в условиях двуязычия и межкультурной коммуникации. Понятия билингвизм и двуязычие понимаются в диссертации как синонимичные.

В связи с тем, что материалом работы является русская речь определенной социальной группы (чеченцев-билингвов) в рамках интернет-коммуникации, мы придерживаемся социолингвистического понимания билингвизма (двуязычия), под которым понимается практическое владение двумя языками (умение понимать и создавать высказывания на обоих языках, параллельное использование двух языков в речевой практике). Специфика билингвизма в Чеченской Республике обусловлена доминирующим положением в коммуникативном пространстве республики такого идиома, как «русский язык». Необходимо отметить, что использование русского языка в речи чеченцев, пользователей Интернета, является привычным и обыденным фактом, русский язык является для них естественным средством общения.

В нашем материале представлен массовый, ранний или подростковый, активный, чаще естественный, поддерживаемый и в обучении, функциональный

русско-чеченский билингвизм уроженцев Чечни.

Следствием билингвизма является феномен интерференции. В нашей работе принимается понимание интерференции как речевого явления. Анализ собранного материала выявил характерные черты явления речевой интерференции в интернет-опосредованной коммуникации, осуществляемой на русском языке в формате форумов Чеченской Республики: к ним мы относим карнавально-игровую и, как правило, сознательную, нарочитую направленность речевой интерференции в высказывании и в графическом слове, что выражается в следующих фактах: 1) чередовании в сообщении фрагментов русской и чеченской речи, 2) вкраплениях в текст на русском языке элементов чеченского языка, в том числе и десемантизированных, а в определенных ситуациях мусульманского этикета и элементов арабского языка, 3) конструировании графической формы никнейма из букв кириллического, латинского алфавита, различных диакритических знаков.

Создание в русской речи чеченцев, пользователей Интернета, смешанных текстов, являющихся результатом переключения кодов, в разной мере насыщенных интеркаляциями, и гибридных графических форм демонстрирует континуальность и поликультурность коммуникативного пространства билингвальных жителей Чеченской Республики.

В данной главе также анализировалась специфика вербальных маркеров общенационального процесса демократизации русской речи в формате форумов чеченцев-билингвов, которая выражается: а) в сленгированности; б) в стилевом смешении; в) в языковой игре.

Наш материал подтверждает такую черту языка всей интернет-коммуникации на русском языке, как сленгированность, что реализуется в формате изучаемых форумов в употреблении субстандартных лексем, но степень сленгированности в русской речи чеченца-билингва является небольшой.

Явление стилистической разноуровневости, смешение стилей, характерное для всей интернет-коммуникации на русском языке, свойственно и для речи на русском языке чеченцев-билингвов.

Языковая игра в интернет-опосредованной коммуникации, осуществляемой на русском языке в формате изучаемых форумов, проявляется в своих следующих разновидностях: а) в острологии и балагурстве как средствах выражения народной смеховой культуры; б) в игровой гибридизации в рамках формы русского слова; в) в возникновении либо использовании окказиональных и потенциальных русских лексем.

Игровая структурная гибридизация наблюдается в никнеймах чеченцев-билингвов, в которых частотно использование русских уменьшительно-ласкательных суффиксов в соединении либо с собственными или нарицательными лексемами чеченского языка, либо с собственными именами из европейского именника; а также в словоформах, в составе которых мотивирующая основа нарицательного русского слова и суффикс чеченского языка.

В собранном материале мы выявили неузвальную лексику, относящуюся к словнику русской речи. В таких неологизмах пользователями сознательно нарушаются лексические или структурно-семантические нормы русского словообразования//формообразования. Бытование русской неузвальной лексики в нашем материале (русскоязычные форму чеченцев-билингвов) привело нас к выводу о том, что для чеченцев-билингвов в непринужденной обстановке неформального общения свойственна свобода выражения мыслей и чувств на русском языке, а также знание фактов и норм русского словообразования.

Описанные нами факты интерференции навыков в речи на русском языке чеченца-билингва, выявленные нами в рамках интернет-сообщений, показывают общие явления, характерные и для процесса взаимодействия русского и чеченского языков, и для функционирования русского языка в

разговорной речи его носителей (экспрессивность и эмоциональность, свобода языкового выражения, карнавализация, сленгированность, разностильность, различные виды языковой игры).

Одновременно анализ собранного материала демонстрирует определенные отличия: нецензурная лексика в речи на русском языке чеченцев-билингвов, пользователей Интернета, не присутствует, не характерно полное неприятие норм орфографии, знаки эмоций редки, сокращения, принятые в Интернете (например, ППКС, имхо), не применяются, смайликов очень мало.

Заключение

Одной из движущих сил общества XXI века является сеть Интернет и коммуникация, происходящая на основе Интернета.

Возникновение Интернета привело к развитию и интенсификации межличностной и межкультурной коммуникации, а также к распространению в обыденном сознании феномена виртуализации социальной реальности. В связи с тем, что человек в Сети представлен только совокупностью вербальных, а также невербальных сообщений, произошло возрастание роли языка как инструмента формирования идентичности личности.

Интернет-коммуникация по своей семиотической природе представляет собой новую разновидность формы речи – устно-письменную, для которой характерна конвергенция устной и письменной формы речи.

Функционирование языковых единиц и невербальных знаков в пространстве русскоязычных форумов пользователей-чеченцев выявляет складывающиеся общие нормы общения в русскоязычном фрагменте Сети, в том числе и вербального: обусловленность коммуникативных стратегий и тактик билингва как общесоциокультурными (российскими), так и этническими традициями восприятия мира; стремление автора и адресата к взаимодействию; социальную идентификацию языковой личности билингва; доминанту коллективности; формирование новой аксиологической ориентации членов социума и сохранение традиционных ценностей членов социума; тенденции к усилению: диалогичности, разговорности, экспрессивизации общения; тенденцию к снижению и огрублению речи; тенденцию к развлекательности, игре.

Исследование подтвердило основные положения системного подхода к теории межкультурной коммуникации: мир является развивающейся системой систем; основной механизм существования и развития данной сложной системы

– это взаимодействие и обмен информацией между культурами, а также личностью и окружающей средой; межкультурная коммуникация в своей постоянной динамике направлена к достижению коммуникативной дистанции равенства и толерантности между культурами.

Анализ собранного материала выявил, что одним из направлений изучения проблематики межкультурной коммуникации является гендерный анализ, который был осуществлен в настоящей работе. В рамках овнешнения таких универсальных стереотипов, как «мужественность» и «женственность» была выявлена гендерная специфика визуализации и креолизации интернет-сообщений в русской речи чеченцев-билингвов.

В целом вербальные и невербальные гендерные компоненты интернет-сообщений на русском языке чеченцев-билингвов репрезентируют явление интертекстуальности, а именно: в существовании описанной в работе аксиологичности в интернет-коммуникации русскоязычных чеченцев-билингвов проявляется воздействие русской лингвокультуры, а через нее и мировой лингвокультуры.

Так, выявленный в нашем материале мужской гендерный стереотип может относиться к общероссийскому мужскому гендерному стереотипу (образ мачо, воина) и к специфичному мужскому гендерному стереотипу чеченской лингвокультуры (образ чеченца, горца-разбойника, волка).

Выявленный в нашем материале женский гендерный стереотип содержит как возникшие под воздействием маскулинизированных гендерных стратегий такие образы, как «красавица», «домашняя», «скромница», так и образы, в которых пользовательница акцентирует свою независимость и самодостаточность («философ», «чеченка», «европейская женщина»).

Анализ особенностей русской речи в интернет-опосредованной коммуникации в формате русскоязычных форумов чеченцев-билингвов в условиях двуязычия и межкультурной коммуникации выявил присутствие таких

видов речевой интерференции, как смена кодов и вкрапления в высказывание на русском языке элементов иных языков, создание смешанного графического облика слова, обусловленные влиянием на русскую речь чеченцев иных лингвокультур – прежде всего чеченской, а также арабской.

Состав вкраплений в русскоязычные сообщения чеченцев-билингвов демонстрирует опознавательные знаки иной (неславянской и неправославной) культуры: это этикетные формулы, обращения, формулы благодарности Всевышнему на чеченском или на арабском языке; лексемы чеченского языка, называющие явления чеченской культуры. Вкрапления элементов английского языка встречаются редко.

Языковая игра в русской речи чеченца-билингва является более глубокой и проявляется в разных процессах и фактах: а) в явлениях народной смеховой культуры – балагурстве, острологии; б) в явлении гибридизации на основе русского слова; в) в существовании словника неузуальных русских лексем и форм.

Процессы демократизации русского языка в интернет-сообщениях чеченских билингвов показывает общие тенденции, характерные для всего русскоязычного фрагмента интернет-сети: речевую раскованность, свободу в выражении мыслей и чувств, стилевое смешение, экспрессивность, осознанное игровое начало, использование просторечных и жаргонных языковых элементов.

В целом проведенный анализ интернет-опосредованной коммуникации, осуществляемой на русском языке в формате интернет-форумов чеченцев-билингвов, выявил континуальность коммуникативного пространства жителей Чечни, которая выражается в наличии как общерусских, так и этнических лингвокультурологических и семиотических маркеров в речевом поведении на русском языке в интернет-пространстве в условиях двуязычия с преобладанием идиома «русский язык».

Проведенный анализ и выводы позволяют наметить пути дальнейшего изучения русского языка как языка межнационального и внутринационального общения в такой его функционально-коммуникативной разновидности, как устно-письменная разговорная речь в интернет-пространстве, дальнейшего рассмотрения особенностей бытования русской речи в ходе использования русского языка представителями разных лингвокультур в условиях двуязычия, в котором преобладает идиом «русский язык». Представляется перспективным изучение других жанров интернет-коммуникации русскоязычного фрагмента Сети чеченцев-билингвов, а также исследование в целом специфики функционирования русского языка в интернет-коммуникации.

Список литературы

1. Аврорин, В.А. Двужычие и школа / В.А. Аврорин // Проблемы двужычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 49-62.
2. Азнабаева, Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / Азнабаева Лариса Алексеевна. – М., 2001. – 46 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 412 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
5. Амири, Л.П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол наук: 10.02.01, 10.02.19 / Амири Людмила Петровна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 28 с.
6. Андреева, С.В. Об одной тенденции в современной речевой коммуникации / С.В. Андреева // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй международной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство ИУБиП, 2004. – С. 138.
7. Андрианова, Н.С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах / Н.С. Андрианова // Жанры речи. – Луганск: Знание, 2008. – С. 14-21.
8. Анисимова, Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 74-85.
9. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
10. Арестова, О.Н., Войскунский, О.Е. Гендерные аспекты деятельности в Интернете / О.Н. Арестова, О.Е. Войскунов // Гуманитарные исследования в

Интернете. – М.: Terra-Можайск, 2000. – С. 290-313.

11. Арутюнова, Н.Д. Жанры общения / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.

12. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

13. Афанасьев, Д.В. Тенденции и проблемы исследований коммуникации в современной России / Д.В. Афанасьев // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй Международной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство ИУБиП, 2004. – С. 64-66.

14. Бахаева, Л.М. Гендерный фактор в чеченском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Бахаева Лейла Мухарбековна. – Грозный, 2009. – 29 с.

15. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965. – 315 с.

16. Бахтин, М.М. 1961 год. Заметки / М.М. Бахтин // Собр. соч. В 7 т. – М.: Рус. слово, 1997. – Т. 5. – С. 329–363.

17. Беликов, В.И. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Издательский центр РГГУ, 2001. – 314 с.

18. Белинская, Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] / Е. Белинская, А. Жичкина. – URL: <http://www.klubok.net/>.

19. Белл, Р.Т. Социоллингвистика / Р.Т. Белл / Под ред. А.Д. Швейцера. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.

20. Березин, В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В.М. Березин. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 157 с.

21. Бернацкая, А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и

современное состояние / А.А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник Красноярского гос. ун-та. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104-110.

22. Бондаренко, С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Бондаренко Сергей Васильевич. – Ростов-на-Дону, 2004. – 29 с.

23. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск: Издательство Благовещенского гуманитарного колледжа им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 264 с.

24. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Зарубежная лингвистика. – 1972. – III. – 265 с.

25. Варьирование и динамические процессы в языке: коллективная монография / З.М. Богословская, Е.С. Бутакова, В.В. Криворотова, и др. – Томск: Изд-во ТПУ, 2015. – 272 с.

26. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – 500 с.

27. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Наука, 1990. – 246 с.

28. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.

29. Витлицкая, Е.В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Витлицкая Елена Викторовна. – Тамбов, 2005. – 29 с.

30. Волкова, Е.В. Аудитория Российского Интернета и жанры компьютерной коммуникации / Е.В. Волкова // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй международной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство ИУБиП, 2004. – С. 220-225.

31. Воловикова, М.Д. Особенности линейного и системного подходов к

исследованию феноменов межкультурной коммуникации / М.Д. Воловикова // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй международной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство ИУБиП, 2004. – С. 119-123.

32. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка: культура во взаимодействии / В.В. Воробьев. – М.: ИРЯП, 1994. – 76 с.

33. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

34. Галичкина, Е.Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса / Е.Н. Галичкина // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 53-72.

35. Головина, Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Головина Лариса Владимировна. – М., 1986. – 29 с.

36. Гольдин, В.Е. Проблемы жанроведения / В.Е. Гольдин // Жанры речи: сборник науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 4-7.

37. Гольдин, В.Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 5-18.

38. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

39. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: Либроком, 2009. – 112 с.

40. Горошко, Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е.И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. научных трудов. – Орел: Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223-237.

41. Горошко, Е.И. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация»: проблемы терминоведения / Е.И. Горошко // Образовательные технологии и общество. – 2009. – Т. 12. – № 2. – С. 445-455.
42. Горошко, Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е.И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Флинта, 2012. – С. 9-53.
43. Граудина, Л.К. Культура русской речи и эффективность общения / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1996. – 441 с.
44. Грошев, И.В. Гендерная невербальная коммуникация в рекламе / И.В. Грошев // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 71-77.
45. Грошев, И.В. Рекламные технологии гендера / И.В. Грошев // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2000. – № 4. – С. 172-187.
46. Грязнова, В.М. Личные существительные в русском литературном языке первой половины XIX века / В.М. Грязнова. – М.: издательство «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 91 с.
47. Грязнова, В.М. Языковая игра в русской речи чеченцев-билингвов на форумах Интернет-сети / В.М. Грязнова, А.Д. Мустапаева // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общей ред. Н.Н. Фаттаховой. – Казань: изд-во КФУ, 2015. – С. 98-103.
48. Грязнова, В.М. Специфичные черты лексики русской речи чеченцев-билингвов / В.М. Грязнова, А.Д. Мустапаева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 3. – С. 217-223.
49. Грязнова, В.М. Лингвокультурологический аспект графической интерференции в русской речи чеченцев-билингвов / В.М. Грязнова, А.Д. Мустапаева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 194-199.
50. Гукосьянц, О.Ю. Речевой аспект маскировки гендерной

идентичности в англоязычной интернет-опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Гукосьянц Ольга Юрьевна. – Пятигорск, 2016. – 24 с.

51. Гусейнов, Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей / Г. Гусейнов // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 289-321.

52. Дементьев, В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия / В.В. Дементьев // Жанры речи: сборник науч. ст. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 18-40.

53. Дешериев, Ю.Д. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко. – М.: Наука, 1972. – 325 с.

54. Диасамидзе, Л.Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных текстополитических сетевых дневников): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Диасамидзе Любовь Романовна. – Тюмень, 2010. – 28 с.

55. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. – 1999. – Вып. 2. – С. 8-12.

56. Донскова, О.А. Тенденции становления паравербальной графемики системе Интернет [Электронный ресурс] / О.А. Донскова. – URL:<http://pglu.ru/index>.

57. Дорофеев, Ю.В. О национальной негетерогенности русского языка в современном мире / Ю.В. Дорофеев // Решение национально-языковых вопросов в современном мире – страны СНГ и Балтии. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 237-243.

58. Жеребило, Т.В. Языковое состояние в Республике Ингушетия в полилингвальных условиях / Т.В. Жеребило // Русский язык в полилингвальном

обществе: материалы межрег. научно-практ. конф., посвящённой 20-летию Республики Ингушетия. – Назрань: издательство Ингушского университета, 2012. – С. 5-22.

59. Жеребило, Т.В. Языковое состояние в Республике Ингушетия в условиях билингвизма / Т.В. Жеребило // Экология традиционных культур: проблематика исчезающих этнокультурных групп в современном мире: материалы Международной конференции. – Ставрополь: Сервисшкола, 2013. – С. 79-91.

60. Жеребило, Т.В. Языковое состояние: проблемы развития регионального варианта русского языка / Т.В. Жеребило // Проблемы исследования и преподавания языков в современных условиях. – Грозный, Махачкала: издательство ЧГПИ (типография Алеф), 2014. – С. 135-140.

61. Жеребило, Т.В. Языковое состояние в Республике Ингушетия (отчет) / Т.В. Жеребило // Рефлексия. – 2015. – № 5. – С. 42-61.

62. Жеребило, Т.В. Языковое состояние в условиях билингвизма / Т.В. Жеребило. – Назрань: издательство «Кеп», 2016. – 196 с.

63. Жлуктенко, Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

64. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

65. Иванов, Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации / Л.Ю. Иванов // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 791-793 с.

66. Изотов, В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования / В.П. Изотов. – Орел: Орловский гос. пед. унив-т, 1998. – 149 с.

67. Каган, М.С. Изобразительное искусство в сфере человеческого

общения / М.С. Каган // Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи. – СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 2011 – 528 с.

68. Какорина, Е.В. Язык Интернет-коммуникации / Е.В. Какорина // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: Медиа-Мир, 2007. – С. 393-478.

69. Какорина, Е.В. СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) / Е.В. Какорина // Современный русский язык: Актуальные процессы на рубеже XX-XXI вв. – М.: ЯСК, 2008. – С. 549-578.

70. Камболов, Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: монография / Т.Т. Камболов / Северо-Осетинский государственный университет. – Владикавказ: издательство СОГУ, 2007. – 290 с.

71. Каменская, О.Л. Конститутивные признаки компьютерного дискурса как новой сферы коммуникативного взаимодействия [Электронный ресурс] / О.Л. Каменская. – URL: http://saitmaster/by/lingvistika_4.html.

72. Карлинский, А.Е. Основы теории взаимодействия языков / А.Е. Карлинский. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 340 с.

73. Каспари, А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа / А. Каспари. – СПб.: издательство А.А. Каспари, 1904. – 63 с.

74. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кирилина Алла Викторовна. – М., 2000 а. – 39 с.

75. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А.В. Кирилина // Гендер как интрига познания: сб. статей Московского гос. лингвистического ун-та. – М.: Рудомино, 2000 б. – С. 47-80.

76. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории

коммуникации / А.В. Кирилина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.

77. Клоков, В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В.Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2000. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – С. 60-67.

78. Колесникова, Н.Н. Гендер в традиционной русской культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Колесникова Наталья Николаевна. – Ставрополь, 2007. – 29 с.

79. Компанцева, Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты / Л.Ф. Компанцева. – Луганск: Знание, 2008. – 444 с.

80. Конецкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 2007. – 307 с.

81. Кортлэнд, А.Б. Современная реклама / А.Б. Кортлэнд, У. фон Аренс. – М.: Довгань, 1995. – 704 с.

82. Костомаров, В.Г. Язык текущего момента: понятие нормы / В.Г. Костомаров // Мир русского слова. – 2012. – № 14. – С. 13-19.

83. Кубышкина, М.Л. Эффективность и успешность межличностной коммуникации: диалектика понятий / М.Л. Кубышкина, В.М. Погольша // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй Международной конференции. – Ростов-на-Дону: издательство ИУБиП, 2004. – С. 104-106.

84. Куницына, В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб: Питер, 2000. – 544 с.

85. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002. – 344 с.

86. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

87. Лутовинова, О.В. О лингвокультурных типажах виртуального дискурса / О.В. Лутовинова // Вестн. Челяб. гос. ун-та: Сер. 19: Филология, искусствоведение. – 2008. – № 9 (110). – С. 58-64.

88. Лутовинова, О.В. Языковая личность в интернет-коммуникации / О.В. Лутовинова // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Флинта, 2012. – С. 124-139.

89. Львов, М.Р. Основы теории речи: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / М.Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.

90. Майоров, А.П. Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве / А.П. Майоров. – Уфа: БГМУ, 1997. – 137 с.

91. Макаров, М.Л. Жанры в электронной коммуникации quo vadis? / М.Л. Макаров // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 2005. – С. 336-351.

92. Маслова, В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2004. – 203 с.

93. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.

94. Мечковская, Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н.Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165-185.

95. Мечковская, Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: Курс лекций по общему языкознанию / Н.Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2009. – 582 с.

96. Михайлов, В.А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В.А. Михайлов, С.В.

Михайлов // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34-52.

97. Морослин, П.В. Язык Интернета как объект лингвистических исследований / П.В. Морослин // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2009. – № 3. – С. 10-17.

98. Морослин, П.В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Морослин Петр Васильевич. – М., 2010. – 38 с.

99. Мусаева, Л.С. Русско-чеченские билексеммы как средство обогащения речи учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Мусаева Лиана Селимсолдовна. – Ставрополь, 2009. – 27 с.

100. Мустапаева, А.Д. Билингвизм как культурный феномен / А.Д. Мустапаева // Векторы духовности в русской литературе и журналистике XIX-XXI вв. VIII Сургучевские чтения: сб. научных трудов. – Ставрополь: ГОУ ВПО СГУ, 2011. – С. 212-213.

101. Мустапаева, А.Д. Вербальные и невербальные средства выражения маскулинности в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных форумов Чечни) / А.Д. Мустапаева // Актуальные проблемы культуры современной русской речи: материалы междунар. конференции. – Армавир: Армавирская пед. академия, 2012. – С. 206-209.

102. Мустапаева, А.Д. Лингвокультурологическая специфика никнеймов пользователей-женщин чеченской национальности на русскоязычных сайтах / А.Д. Мустапаева // Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы: сб. научных трудов. – Ставрополь: ФГБОУ ВПО СГУ, 2012. – С. 88-90.

103. Мустапаева, А.Д. Целостность и связность креолизованного текста в интернет-сообщении / А.Д. Мустапаева // Вестник Пятигорского

государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 128-130.

104. Мустапаева, А.Д. К вопросу об интерференции в русской речи чеченских билингов (лексический аспект) [Электронный ресурс] / А.Д. Мустапаева // Всероссийская Интернет-конференция «Язык. Речь. Дискурс». Секция: Функциональные аспекты исследования языка. – Ставрополь, 2012. – URL: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp>.

105. Мустапаева, А.Д. Графодеривация как частный вид креолизованного текста в русской речи чеченца-билингва на различных форумах Чеченской Республики / А.Д. Мустапаева // *Lingua-universum*. – 2013. – №1. – С.14-18.

106. Мустапаева, А.Д. Невербальные средства выражения феминности в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных форумов Чечни) / А.Д. Мустапаева // *Lingua-universum*. – 2013. – № 2. – С. 28-29.

107. Мустапаева, А.Д. Никнеймы чеченцев-билингвов мужского пола в интернет-коммуникации / А.Д. Мустапаева // Проблемы преподавания словесности в школах и вузах Северо-Кавказского федерального округа: материалы региональной научно-практической конференции. – Грозный: Чеченский гос. педагогический университет, 2014. – С. 211-216.

108. Мустапаева, А.Д. Языковая игра на русскоязычных интернет-форумах Чеченской Республики / А.Д. Мустапаева // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: материалы региональной конференции. – Волгоград: Волгоградский гос. социально-педагогический университет, 2014. – С. 610-618.

109. Мустапаева, А.Д. Билингвизм и интерференция в Интернет-коммуникации / А.Д. Мустапаева // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: сб. научных трудов. – Ставрополь: ФГБОУ ВПО СГУ, 2014. – С. 188-194.

110. Мустапаева, А.Д. Средства выражения понятий «мужественность» и «женственность» на русскоязычных форумах Чеченской Республики / А.Д. Мустапаева // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – Ставрополь: СКФУ, 2016. – Вып. 14. – С. 241-249.
111. Мустапаева, А.Д. Специфика морфологической интерференции в русской речи чеченца-билингва на Интернет-форумах / А.Д. Мустапаева // International scientific review. – Boston: Olimp, 2016. – № 4 (14). – С. 155-158.
112. Никитина, Е.С. Семиотика / Е.С. Никитина. – М.: Трикста, 2006. – 527 с.
113. Овхадов, М.Р. Чеченско-русское двуязычие. Учебное пособие для студентов вуза / М.Р. Овхадов. – Грозный: издательство ЧИГУ, 1983. – 203 с.
114. Овхадов, М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия / М.Р. Овхадов. – М.: МПГУ, 2000. – 244 с.
115. Овхадов, М. Р. Социально-лингвистический анализ чеченско-русского двуязычия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Овхадов Муса Рукманович. – М., 2001. – 39 с.
116. Овхадов, М.Р. Функции чеченско-русского двуязычия / М.Р. Овхадов // *Lingua-universum*. – 2006. – № 2. – С. 52-55.
117. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-29.
118. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
119. Пирс, Ч.С. Элементы логики. – Цитируется по статье Якобсон, Р.В. поисках сущности языка / Ч.С. Пирс // Антология: Семиотика. – М.: Академический проект, 2001. – С. 11-129.
120. Попова, Т.В. Креолизация слова и текста как особенность современной письменной коммуникации / Т.В. Попова, Ж.А. Храмушина // Русский язык и литература во времени и пространстве: материалы XII

Конгресса МАПРЯЛ. – Шанхай: Shanghai foreign language education press, 2011. – Т. 1. – С. 580-582.

121. Попова, Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. / Т.В. Попова // Лингвистика креатива: коллективн. монография / под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2009. – С. 147-176.

122. Попова, Т.В. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: коллективная монография / Т.В. Попова, И.М. Вознесенская, Д.В. Колесова. – СПб.: Эйдос, 2012. – 224 с.

123. Потапова, Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 496 с.

124. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2002. – 430 с.

125. Прохорова, Н. С. Социокультурные аспекты феномена виртуальной коммуникации в русскоязычной сети Интернет: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Прохорова Наталья Сергеевна. – М., 2006. – 30 с.

126. Радченко, М. Анализ окказионализмов в форумах и чатах русскоязычного интернета / М. Радченко // Rossica olo Olomucensia XLVI-II. XIX Olomoucke Dny Rusistu. – Olououc: Univerzita Palackého, 2008. – С. 121-124.

127. Родькин, П. Новое визуальное восприятие. Текстуальность второго уровня [Электронный ресурс] / П. Родькин. – URL:<http://lamp.semiotics.ru/textyal.htm>

128. Родькин, П. Медиа и социум / П. Родькин. – М.: Совпадение, 2016. – 72 с.

129. Розенцвейг, В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – 80 с.

130. Розина, И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация. Теория и практика / И.Н. Розина. – М.: Логос, 2005. – 460 с.

131. Основные понятия морфемики. Словообразование // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 123-453.
132. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: издательство Наука, 1983. – 238 с.
133. Рябов, О.В. Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ / О.В. Рябов // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. Альманах. Пилотный выпуск. – М.: Рудомино, 2002. – С. 37-46.
134. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.: Терра, 1989. – 184 с.
135. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: ЯСК, 2002. – 552 с.
136. Серебренников, Б.А. О взаимодействии языков / Б.А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 7-25.
137. Сидорова, М.Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников) [Электронный ресурс] / М.Ю. Сидорова. – URL: <http://marinadoma.narod.ru/inet/gender.html>.
138. Сигуан, М., Макки, У. Образование и двуязычие / М. Сигуан, У. Макки. – М.: Педагогика, 1990. – 184 с.
139. Сиротинина, О.Б. Разговорный стиль / О.Б. Сиротинина // Функциональные стили и формы речи: колл. монография / под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Издательство Саратов. ун-та, 1993. – С. 137-148.
140. Смирнов, И.П. Порождение интертекста / И.П. Смирнов. – СПб: СПбГУ, 1995. – 193 с.
141. Смирнов, Ф.О. Интернет-общение на английском и русском языках: опыт лингвокультурного сопоставления [Электронный ресурс] / Ф.О. Смирнов. – Ярославль, 2005. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/SmirnovF/SmirnovF.pdf>

142. Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2011. – 462 с.
143. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.
144. Сорокин, Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
145. Супрун, Е.А. Общее языкознание / Е.А. Супрун. – Минск: БГУ, 2001. – 307 с.
146. Сычев, А.А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект / А.А. Сычев // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 147-150.
147. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
148. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 2000. – 624 с.
149. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 524 с.
150. Трофимова, Г.Н. Интернет-эпоха в русской филологии / Г.Н. Трофимова // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 38-42.
151. Трунов, Д.Г. Вербальная и невербальная метакоммуникация / Д.Г. Трунов // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты: материалы второй Международной конференции. – Ростов-на-Дону: издательство ИУБиП. – 2004. – С. 80-82.
152. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М.: издательство иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 157-201.
153. Услар, П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык /

П.К. Услар. – Тифлис: типография канц. Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. – 246 с.

154. Фатеева, Н.А. Динамизация формы: поиски в области смысла или эксперимент? [Электронный ресурс] / Н.А. Фатеева // Черновик. – 2003. – № 18. – URL: http://futurum-art.ru/o_nas/fateyeva.php

155. Филин, Ф.П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия / Ф.П. Филин // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 13-25.

156. Халеева, И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия / И.И. Халеева // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. научн. трудов МГЛУ. – М.: МГЛУ, 1999. – Вып. 444. – С. 5-14.

157. Халидов, А.И. Некоторые аспекты интерференции русского и чеченского языков / А.И. Халидов // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их языков. – Грозный: ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, 1982. – С. 68-69.

158. Халидов, А.И. Национально-языковая политика в постсоветской России / А.И. Халидов // Проблемы исторического и культурного взаимодействия России и Чечни: материалы региональной научно-практической конференции. – Грозный: ЧГПИ, 2002. – С. 111-115.

159. Халидов, А.И. Интерференция в русской речи учащихся-чеченцев / А.И. Халидов // Вестник Института проблем образования МоиН ЧР. – 2006. – № 4. – С. 37-62.

160. Халидов, А.И. Русский язык в чеченской школе: пособие для учителя / А. И. Халидов. – Грозный: издательство Абат, 2009. – 193 с.

161. Ханазаров, К.Х. Критерии двуязычия и его причины / К.Х. Ханазаров // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Политиздат, 1972. – С. 119-124.

162. Хансен-Леве, О.А. Русский формализм / О.А. Хансен-Леве. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.

163. Химик, В.В. Язык современной молодежи / В.В. Химик // Современная русская речь: Состояние и функционирование. – СПб.: издательство филол. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та., 2004. – С. 7-66.

164. Чокаев, К.З. О социальных функциях двуязычия чеченцев, проживающих в г. Грозном / К.З. Чокаев // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 172-177.

165. Чокаев, Р. К. Взаимодействие русского и чеченского языков в условиях многоязычия ЧИАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чокаев Рамазан Катиевич. – М., 1988. – 30 с.

166. Чокаев, К.З. Сопоставительная типология русского и чеченского языков: пос. для учителей школ, преподавателей вузов и студентов-филологов / К.З. Чокаев. – Грозный: изд-во Института развития образования Чеченской Республики, 2011. – 191 с.

167. Шаповалова, Н.Г. ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности / Н.Г. Шаповалова // Филологические этюды: сб. научн. статей молодых ученых. В 3-х частях. – Саратов: издательство Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 11. – Ч. II. – С. 292-295.

168. Шапошников, В.Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе / В.Н. Шапошников. – М.: URSS: Либроком, 2011. – 173 с.

169. Шарифуллин, Б.Я. Языковая игра в интернет-коммуникации / Б.Я. Шарифуллин // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Флинта, 2012. – С. 203-220.

170. Щипицина, Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л.Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.

171. Щипицина, Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика

компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Щипицына Лариса Юрьевна. – Воронеж, 2011. – 40 с.

172. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

173. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Антология: Семиотика. – М.: Академический проект, 2001. – С. 11-129.

174. Яковлев, Н.Ф. Морфология чеченского языка / Н.Ф. Яковлев. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. – 240 с.

175. Яхьяева, А.А. Чеченский язык в 90-е годы XX века: функции и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.19 / Яхьяева Аза Абдулвахидовна. – Грозный, 2007. – 29 с.

176. Яхьяева, А.А. Интерференция в речи чеченцев как результат взаимодействия русского и чеченского языков / А.А. Яхьяева // *Lingua-universum*». – 2009. – № 5. – С. 58-61.

177. Gerden, K. Realities and Relationships: Soundings in Social Construction / K. Gerden. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. – 356 p.

178. Klyukanov, I. A system approach to multicultural education [Электронный ресурс] / I. Klyukanov. – URL:<http://www.interculturalrelations.com/v1iSpring1998/sp98klyukanov>.

179. Knapp, M. Handbook of Interpersonal Communication / M. Knapp, J. Daly. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – 842 p.

180. Roloff, M. Interpersonal Communication Research: An Overview / M. Roloff, L. Anastasiou // *Communication Yearbook 24* / Ed. by W. Gudikunst. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. – P. 51-72.

181. Shea, V. Netiquette / V. Shea. – USA: Albion Books, 1994. – 154 p.

182. Yates, S.T. Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study / S.T. Yates // *Communication: Linguistic*,

Social and Cross-Cultural Perspective. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1996. – P. 29-46.

Словарные источники

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
4. Захарова, Л.А., Шуваева, А.В. Словарь молодежного сленга / Л.А. Захарова, А.В. Шуваева. – Томск: издательский дом ТГУ, 2014. – 126 с.
5. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 837 с.
6. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: в 2 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова и др. – Т. 1. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, издательство «Дмитрий Буланин», 2009. – 815 с.
1. Объяснительный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Астрель Аст, 2002. – 432 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. – 2 изд., испр. и доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1994. – 907 с.
3. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 3-е изд., испр. и доп. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
4. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А. А.

Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с. – URL: <http://www.owl.ru/gender/>

5. Словарь современного русского литературного языка (БАС) в 17 томах. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1950-1965. – Т. 7. – 1467 стлб.

6. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 томах /Д. Н. Ушаков. – М.: Издательский центр ТЕРРА-TERRA, 1996. – Том 1. – 1560 стлб.

7. Языкознание: большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.Я. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Источники эмпирического материала

1. Кавказский сайт – Чеченский сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.palbu.ru>

2. Одноклассники.ru социальная сеть [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ok.ru>

3. Кавказский веб портал KAVKAZ.WS [Электронный ресурс]. – URL:<https://vk.com/kavkazws>

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>